

Международная литературная премия в области фантастики
имени Аркадия и Бориса Стругацких

РОЗА И ЧЕРВЬ

Роберт Ибатуллин

Роза и Червь

«1С-Публишинг»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Ибатуллин Р. У.

Роза и Червь / Р. У. Ибатуллин — «1С-Паблишинг», 2015

ISBN 978-5-906695-08-6

В 2295 году Землю опустошили космические завоеватели, прилетевшие из звёздной системы, наблюдаемой в созвездии Орла. На латыни орёл – aquila, и неведомых пришельцев назвали аквилианами. Высокая цивилизация сохранилась лишь во внеземных колониях, а немногие земляне, выжившие в бункерах, ведут варварский образ жизни. Обособившиеся колонии отразили удар аквилиан и уверены в том, что одержали победу. Увязшие в политических распрях, они борются за господство в Солнечной системе и не замечают главного: враг не уничтожен и готовит новое вторжение. Герои книги – дочь командующего Космофлотом, мальчик из «варварского» поселения на Земле и оперативник спецслужбы одной из космических колоний – вовлечены в круговорот событий, способных перевернуть все сложившиеся представления пост-земной цивилизации...

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-906695-08-6

© Ибатуллин Р. У., 2015

© 1С-Паблишинг, 2015

Содержание

Книга первая. Комедия ошибок	6
Часть нулевая: Шахматная доска	6
Удар	6
Книга первая	10
Переговоры	14
Битва	18
Урок	22
Чёрный король	24
Часть первая: Дебют	26
Эпизод мухи	26
Рианнон. Прибытие	26
Эпизод в циклере	31
Сказка о запретном городе	32
Рианнон. Воспоминание	36
Из архива. Доклад комиссии	37
Рианнон. Встреча	40
Сказка о дворце чудовищ	44
Рианнон. Посвящение	48
Сказка о волшебной кошке	52
Эпизод плюща	56
Из мемуаров. Мне никогда не нравилась эта девушка	58
Чёрные бьют ладью	63
Часть вторая: Миттельшпиль, начало	66
Эпизод собаки	66
Из архива. Официальные заявления	67
Рианнон. Диалог	68
Рианнон. Покушение	70
Из архива. Лента новостей	73
Арлекин получает задание	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Роберт Ибатуллин

Роза и Червь

Приношу благодарность Александру Некрасову за идеи, лежащие в основе романа, и участие в работе над ним. Благодарю также Александра Семёнова и Викторию Воробьёву за внимательное чтение и критику. Благодарю Алексея Анпилогова, без которого эта книга не вышла бы в свет. И особо – мою жену Татьяну: за понимание и поддержку.

Книга первая. Комедия ошибок

*Время Я – мира извечный губитель.
Весь этот люд Я решил уничтожить.
В битву ты вступишь иль битву покинешь,
воинам этим пощады не будет.*

Бхагавадгита

По современным представлениям, скорость света в вакууме – предельная скорость движения частиц и распространения взаимодействий.

Википедия

Часть нулевая: Шахматная доска

Удар

Первый снаряд вошёл в атмосферу над Коралловым морем – центнеровый стержень добела раскалённого графита на скорости в половину световой. Ни один глаз не видел процесса падения и испарения: пролёт сквозь всю атмосферу длился меньше миллисекунды. Просто между небом и морем мгновенно возникла бесконечно длинная, тончайшая, ослепительная, как тысяча солнц, нить – линия раскалённой плазмы, в которую превратились снаряд и воздух на его пути.

Воздух в радиусе километра вокруг трека снаряда, пронзённый ливнями высокоэнергетических частиц, тоже немедленно перешёл в состояние плазмы. Над океаном вспыхнул чудовищный столб огня, подобный огненному шару при ядерном взрыве, но более смертоносный, ибо сила его воздействия с расстоянием падала медленнее. Тепловое излучение в радиусе двухсот километров от огненного столба мгновенно испарило верхний слой воды и воспламенило всё, что было способно гореть: корабли, деревья, здания, металлы, почву.

Через минуту последовал второй снаряд – над Минданао, затем третий – над Алеутами. Вдоль трассы каждого удара струя раскалённого воздуха была в стратосфере, увлекая за собой пепел, пыль и водяной пар с поверхности, и на месте столба огня поднималась многокилометровая башня из дыма. Закручиваясь в гигантский торнадо, она блуждала по земле много часов и превращала в пустыню даже те области, что избежали прямого лучевого удара... А снаряды всё падали и падали огненным дождём день и ночь.

Зажжённые тепловым излучением пожары охватили почти всю сушу. Следом разразился ураганный, многодневный тропический ливень – результат обильного испарения воды из морей. Ливень потушил пожары, но к тому времени спастись от огня было нечего. В пепел обратились не только вся растительность, но и почвенный слой со всеми корнями, семенами и микроорганизмами, которые делали почву плодородной. Дождь довершил дело, превратив остатки дёрна в безжизненную полужидкую грязь. И даже после того, как прекратился ливень, грязь продолжала стекать с возвышенностей, обнажая каменный остов холмов. Разве только в приполярных областях, куда упало меньше снарядов, кое-где чудом уцелели островки тундры – но на всей остальной суше не осталось ничего, кроме голых скал, пустынь и мёртвых грязевых болот.

Так в сентябре 2295 года погибла Земля.

Всё началось с открытия Кальциевого города в 2101 году.

Всё начиналось мирно. Автоматический луноход «Куой» блуждал по кратеру Альфонс, исследуя химический состав грунта. Это был рядовой дипломный проект студентов Ханойского университета – по Луне ползали сотни таких любительских роверов, и никаких особых открытий от «Куоя» не ожидалось. Долгое время их и не было – грунт представлял собой обычную смесь силикатов разных металлов. Но, приближаясь к центральной горке кратера, луноход начал встречать необычные участки с высоким содержанием тех же металлов, особенно кальция, в химически чистом виде. Нигде больше на Луне не было ничего подобного. Ещё более странным выглядело то, что кальциевые пятна располагались регулярно, в узлах шестиугольной решётки.

Это было настолько интересно, что мировые селенологические центры бросили целую армию луноходов в Альфонс и соседние кратеры. Затем была создана и обитаемая база. Постепенно выяснилось, что металлическая аномалия имеет форму правильного шестиугольника с чёткими границами, около километра в поперечнике. Искусственное происхождение феномена стало несомненным.

В медиа он получил прозвание «Кальциевый город» – как скоро выяснилось, совершенно ложное. В «городе» не было ни жилых помещений, ни чего-либо похожего на руины таковых. Не удалось обнаружить никаких следов органики. Геометрия решётки подсказывала, что когда-то она была массивом телескопов и антенн – автоматической обсерваторией, а не населённой базой. Учёные выявили остатки электрических цепей и трубопроводов системы охлаждения – но и только. Невозможно было составить ясное представление об инопланетной технологии по одним химическим следам.

По анализу треков частиц космического излучения в металлических зёрнышках удалось определить время, когда «Кальциевый город» прекратил существование: середина XX века. Историки обнаружили, что как раз тогда, в 1958 году, и как раз в кратере Альфонс, астроном Николай Козырев наблюдал необычное выделение газа. Сам Козырев истолковал явление как вулканическое, но поверить в это было трудно: геологическая активность Луны прекратилась миллиарды лет назад. Только теперь, после открытия «города», стало ясно, что на самом деле Козырев наблюдал серию взрывов, обративших обсерваторию в пыль. Вероятно, она самоуничтожилась после того, как заметила запуск первого спутника или какое-нибудь испытание ядерного оружия.

Открытие следов чужого разума стало, конечно, величайшей сенсацией.

В XX и XXI веках земляне успели побывать на Луне, Марсе и ближайших астероидах, автоматические зонды спустились под облака Титана и в подлёдный океан Европы, телескопы прощупали каждый градус небесной сферы во всех мыслимых диапазонах электромагнитных волн, открыли бесчисленные планеты у других звёзд – но до «Кальциевого города» не находили никаких следов внеземного разума. Ни артефактов, ни достоверных сигналов.

Теоретики объясняли это тем, что благоприятные для жизни условия складываются слишком редко. Планеты, похожие на Землю по размеру и температуре, встречались у многих звёзд. Но в абсолютном большинстве это были сухие безжизненные «Венеры» и «Марсы» или же обильные водой, но всё равно мёртвые ледяные и океанические миры. Лишь одна земледобная планета из тысячи содержала в атмосфере кислород – почти несомненное свидетельство жизни. Такие планеты можно было пересчитать по пальцам, и ближайшая, Саломея, располагалась в 150 световых годах от Земли. Но и обитаемые планеты не показывали характерных признаков цивилизации – высокочастотных радиосумов или тепловых пятен. И всё-таки надежда найти в Галактике разумную жизнь не умирала и заставляла проводить всё новые, всё более тщательные и дорогостоящие поиски.

И вот теперь руины инопланетной обсерватории нашлись совсем недалеко от Земли, и обстоятельства открытия внушали тревожные мысли. Чужие следили за Землёй, но не хотели быть обнаруженными. Они взорвали свой наблюдательный пункт, как только возник риск его раскрытия. Они не стремились установить контакт. К чему же тогда они стремились? Какое место в их планах занимала Земля?

Следующий шаг к пониманию был сделан не скоро.

В 2184 году два астронома, Карл Квон и Фархад Назим, обнаружили странность в спектре одной слабой звезды в созвездии Орла. Эта звёздочка была едва видна невооружённым глазом и не имела названия, а только обозначение в каталоге – Gliese 764.2. Отделённая от Земли 108 световыми годами, она ничем не выделялась среди множества подобных ей жёлтых карликов класса F. Станным в ней было одно: исключительно узкая и яркая линия в инфракрасной части спектра. Предыдущие наблюдения не показывали ничего подобного. Больше всего это походило на излучение мощного лазера где-то около звезды – лазера, нацеленного на Солнечную систему.

Это не мог быть сигнал, так как яркость излучения не менялась, оно не несло никакой информации. Появилась гипотеза, что обитатели Gliese 764.2 направили к Земле световой парусник, и лазерный излучатель предназначен для его разгона. Подобная технология давно применялась людьми – световые парусники летали по Солнечной системе с XXI века – так что гипотеза смотрелась убедительно. Ещё больше веса придавало ей время открытия. В 1958 году лунная обсерватория, очевидно, сообщила на родную планету, что земляне вышли в космос, и самоуничтожилась. Через 108 лет её послание дошло до Gliese 764.2. После нескольких лет подготовки включился разгонный излучатель, и стартовала экспедиция к Земле. И вот ещё через 108 лет, в 2184 году, на Земле увидели включение излучателя. Всё сходилось идеально. Аквилиане – так называли инопланетян по латинскому имени созвездия Орла, «Аквила» – знали о нас и летели к нам. Вот только зачем?

Полвека прошло на Земле в тревожных гаданиях и попытках установить контакт с аквилианами. Но те молчали. Где-то в пространстве летел их невидимый флот, стремительно приближаясь к Земле, и с каждым пройденным парсеком его молчание становилось всё более пугающим.

Окончательная черта была подведена в 2232 году. Полуразумный орбитальный радиотелескоп, постоянно нацеленный на Gliese 764.2, обнаружил, что рядом со звездой как будто на пустом месте возник источник поляризованного синхротронного излучения. В своей исторической статье радиотелескоп-робот опубликовал удивительные параметры нового объекта: расстояние – 57 световых лет, напряжённость магнитного поля – около 400 гаусс, скорость приближения – половина скорости света.

Только теперь картина событий стала вполне ясна. Сначала инфракрасный лазер у Gliese 764.2 разогнал звездолёты до половины скорости света. Некоторое время они летели с этой скоростью по инерции, а потом включили магнитное поле для торможения. Поле работало как парашют, создавая упор против набегающего потока ионов межзвёздной среды. При торможении ионов в магнитном поле рождалось видимое на Земле радиоизлучение.

Итак, чужие не просто летели в нашу сторону на звездолётах невероятной мощности. Они тормозили. Они намеревались остановиться в Солнечной системе. И главное, они по-прежнему не посылали ничего похожего на сигналы ни в одном диапазоне волн.

Даже самые правоверные пацифисты, убеждённые, что высший разум непременно гуманен и миролюбив, уверились, что к Земле движется флот вторжения.

Невозможно описать смятение, охватившее тогда мир. Невозможно рассказать обо всех дикостях и безумствах людей перед угрозой, которая более всего пугала своей абсолютной непредсказуемостью. Паника обрушивала рынки. Бесчисленные «контактёры» заполнили медиа, каждый со своим уникальным «посланием» и рецептом спасения. Миллионы людей

шли за ними, и так возникли могущественные секты мирового масштаба. Другие бросились за спасением в традиционные религии, третьи проклинали бесполезных богов и воззвали о помощи к тёмным сущностям. В религиозных распрях и кровавых смутах рушились государства.

Но, к счастью, разум не окончательно покинул человечество. Многие сохранили трезвость ума, и им было ясно, что явление аквилиан – ещё не конец света. Техника пришельцев была основана на известных законах физики. В ней не было ничего необъяснимого, ничего магического. Очевидно, аквилиане не могли ни летать, ни даже передавать сигналы быстрее света. Они использовали обычные электромагнитные волны и поля, хотя и невообразимой мощности. Они не были ни богами, ни демонами. И это означало, что их можно победить.

Правительства трёх великих держав – Индокеании, Америкы и Пацифики – оставили распри и срочно договорились о создании Объединённого Космофлота. Его руководство получило почти диктаторскую власть над Землёй. И вскоре стратеги Космофлота представили детальный план отражения атаки.

Первым делом планировалось построить пункты управления и промышленные базы на Луне, ближних планетах и астероидах. Затем нужно было приступить к созданию главного оружия Земли – «Роя Светлячков». Так назвали гигантское облако лазерных излучателей, расположенных внутри орбиты Меркурия. Каждый отдельный «светлячок» не обладал большой мощностью, но, работая синхронно, они были способны разогнать кинетические снаряды на световых парусах до огромной скорости.

Нетрудно было подсчитать, что инопланетный флот включил магнитные парашюты ещё в 2170 году. Расстояние до него было определено наблюдениями. Тормозя с половины скорости света до нуля, флот должен был прибыть в Солнечную систему в начале XXV века. Таким образом, на подготовку обороны осталось около двухсот лет.

По плану Космофлота, предполагалось за двести лет достроить Рой, а в начале XXV века запустить парусные снаряды в сторону захватчиков. Снаряды должны были столкнуться с аквилианским флотом на дальней окраине Солнечной системы на скорости в доли процента от световой. Энергии столкновения всё ещё с лихвой хватило бы для уничтожения противника.

План выглядел безупречно. Но в один роковой день выяснилось, что стратеги предусмотрели не всё.

19 сентября 2295 года главный астроном Космофлота вручил овер-командеру Омару Янсону лаконичный доклад. В тексте говорилось, что часом раньше резко усилился поток теплового излучения из района аквилианского флота. Но излучал не флот. Излучало нечто другое. Гораздо более близкое. И оно приближалось со скоростью в половину скорости света.

Истолкование было очевидным. Перед тем, как начать торможение, звездолёты Аквилы отделили от себя какие-то снаряды (возможно, изготовленные из более не нужных световых парусов). Снаряды не тормозили, а продолжали путь с прежней скоростью 0,5 С. Тепловое излучение появилось из-за трения снарядов о межпланетный газ Солнечной системы. Судя по расстоянию и скорости, до удара о Землю им осталось 27 часов.

Было понятно без лишних объяснений, каковы будут последствия бомбардировки Земли снарядами на такой чудовищной скорости.

Янсен распорядился временем хладнокровно и эффективно. Около сотни шаттлов с экипажами успели подготовиться к старту и ушли на орбиту, унося самое драгоценное – законсервированные человеческие яйцеклетки, искусственные бактерии и другие биоматериалы для замкнутых экосистем в космических колониях. О массовом вывозе людей речи быть не могло – в шаттлах уместилось бы лишь несколько сотен человек, и брали только самых ценных специалистов. Основная масса населения укрылась в бункерах – их начали повсеместно строить ещё в начале XXIII века. Сам Янсен остался на Земле, на центральном пункте управления. Он руководил эвакуацией до последнего момента работы радиосвязи.

20 сентября, утром по всемирному времени, первый снаряд врезался в атмосферу Земли над Коралловым морем.

Бомбардировка длилась около суток. Более двухсот снарядов врезались в атмосферу планеты, и при каждом ударе высвобождалась энергия десятка «царь-бомб». Планета успела сделать полный оборот, и ни один материк, ни один океан не избежали поражения.

Плотные тучи пепла и паров на много дней окутали Землю. Мало-помалу тучи изошли грязным снегом и кислотным дождём, но мельчайшая пыль, вынесенная в стратосферу, осталась там висеть на долгие годы. Пыль поглощала солнечный свет. Небывалые, во всё небо, пурпурно-огненные закаты и рассветы в серебристых облаках горели над холодеющей с каждым днём планетой. Лето в 2296 году не настало, и в следующем тоже. Пять лет подряд в Европе и Северной Америке лежал снег, не тая, а в южных странах не выпадало ни капли дождя.

Далеко не все бункеры запаслись пищей и водой на такой срок. Неизвестно, сколько людей было убито снарядами и пожарами, но куда больше погибло в ту страшную пятилетнюю зиму от голода, болезней и в кровавых схватках за еду в душной полутьме подземелий. И даже когда кончилась зима, и выжившие выползли на свет с мешками семян и удобрений, они увидели, что Земля опустошена и бесплодна. Редкие островки оставшейся почвы не были способны прокормить и сотой доли населения.

Так цивилизация на планете погибла. Но ещё оставался космос.

Несколько тысяч служащих Космофлота на орбитальных станциях, лунных и марсианских базах, теперь должны были научиться жить самостоятельно, без поддержки Земли. Выжить, произвести потомство, сохранить цивилизацию – уже это казалось задачей, превышающей человеческие силы; но нужно было ещё и готовиться к встрече врага.

Аквизианский флот приближался и продолжал тормозить. Его магнитные парашюты с каждым годом всё ярче светились синхротронным излучением. До прибытия врага в Солнечную систему оставалось около века.

Книга первая

Первый снаряд вошёл в атмосферу над Коралловым морем – центнеровый стержень добела раскалённого графита на скорости в половину световой. Ни один глаз не видел процесса падения и испарения: пролёт сквозь всю атмосферу длился меньше миллисекунды. Просто между небом и морем мгновенно возникла бесконечно длинная, тончайшая, ослепительная, как тысяча солнц, нить – линия раскалённой плазмы, в которую превратились снаряд и воздух на его пути.

Воздух в радиусе километра вокруг трека снаряда, пронзённый ливнями высокоэнергетических частиц, тоже немедленно перешёл в состояние плазмы. Над океаном вспыхнул чудовищный столб огня, подобный огненному шару при ядерном взрыве, но более смертоносный, ибо сила его воздействия с расстоянием падала медленнее. Тепловое излучение в радиусе двухсот километров от огненного столба мгновенно испарило верхний слой воды и воспламенило всё, что было способно гореть: корабли, деревья, здания, металлы, почву.

Через минуту последовал второй снаряд – над Минданао, затем третий – над Алеутами. Вдоль трассы каждого удара струя раскалённого воздуха была в стратосферу, увлекая за собой пепел, пыль и водяной пар с поверхности, и на месте столба огня поднималась многокилометровая башня из дыма. Закручиваясь в гигантский торнадо, она блуждала по земле много часов и превращала в пустыню даже те области, что избежали прямого лучевого удара... А снаряды всё падали и падали огненным дождём день и ночь.

Зажжённые тепловым излучением пожары охватили почти всю сушу. Следом разразился ураганный, многодневный тропический ливень – результат обильного испарения воды из морей. Ливень потушил пожары, но к тому времени спастись от огня было нечего. В пепел

обратились не только вся растительность, но и почвенный слой со всеми корнями, семенами и микроорганизмами, которые делали почву плодородной. Дождь довершил дело, превратив остатки дёрна в безжизненную полужидкую грязь. И даже после того, как прекратился ливень, грязь продолжала стекать с возвышенностей, обнажая каменный остов холмов. Разве только в приполярных областях, куда упало меньше снарядов, кое-где чудом уцелели островки тундры – но на всей остальной суше не осталось ничего, кроме голых скал, пустынь и мёртвых грязевых болот.

Так в сентябре 2295 года погибла Земля.

Всё началось с открытия Кальциевого города в 2101 году.

Всё начиналось мирно. Автоматический луноход «Куой» блуждал по кратеру Альфонс, исследуя химический состав грунта. Это был рядовой дипломный проект студентов Ханойского университета – по Луне ползали сотни таких любительских роверов, и никаких особых открытий от «Куоя» не ожидалось. Долгое время их и не было – грунт представлял собой обычную смесь силикатов разных металлов. Но, приближаясь к центральной горке кратера, луноход начал встречать необычные участки с высоким содержанием тех же металлов, особенно кальция, в химически чистом виде. Нигде больше на Луне не было ничего подобного. Ещё более странным выглядело то, что кальциевые пятна располагались регулярно, в узлах шестиугольной решётки.

Это было настолько интересно, что мировые селенологические центры бросили целую армию луноходов в Альфонс и соседние кратеры. Затем была создана и обитаемая база. Постепенно выяснилось, что металлическая аномалия имеет форму правильного шестиугольника с чёткими границами, около километра в поперечнике. Искусственное происхождение феномена стало несомненным.

В медиа он получил прозвание «Кальциевый город» – как скоро выяснилось, совершенно ложное. В «городе» не было ни жилых помещений, ни чего-либо похожего на руины таковых. Не удалось обнаружить никаких следов органики. Геометрия решётки подсказывала, что когда-то она была массивом телескопов и антенн – автоматической обсерваторией, а не населённой базой. Учёные выявили остатки электрических цепей и трубопроводов системы охлаждения – но и только. Невозможно было составить ясное представление об инопланетной технологии по одним химическим следам.

По анализу треков частиц космического излучения в металлических зёрнышках удалось определить время, когда «Кальциевый город» прекратил существование: середина XX века. Историки обнаружили, что как раз тогда, в 1958 году, и как раз в кратере Альфонс, астроном Николай Козырев наблюдал необычное выделение газа. Сам Козырев истолковал явление как вулканическое, но поверить в это было трудно: геологическая активность Луны прекратилась миллиарды лет назад. Только теперь, после открытия «города», стало ясно, что на самом деле Козырев наблюдал серию взрывов, обративших обсерваторию в пыль. Вероятно, она самоуничтожилась после того, как заметила запуск первого спутника или какое-нибудь испытание ядерного оружия.

Открытие следов чужого разума стало, конечно, величайшей сенсацией.

В XX и XXI веках земляне успели побывать на Луне, Марсе и ближайших астероидах, автоматические зонды спустились под облака Титана и в подлёдный океан Европы, телескопы прощупали каждый градус небесной сферы во всех мыслимых диапазонах электромагнитных волн, открыли бесчисленные планеты у других звёзд – но до «Кальциевого города» не находили никаких следов внеземного разума. Ни артефактов, ни достоверных сигналов.

Теоретики объясняли это тем, что благоприятные для жизни условия складываются слишком редко. Планеты, похожие на Землю по размеру и температуре, встречались у многих звёзд. Но в абсолютном большинстве это были сухие безжизненные «Венеры» и «Марсы» или же обильные водой, но всё равно мёртвые ледяные и океанические миры. Лишь одна зем-

леподобная планета из тысячи содержала в атмосфере кислород – почти несомненное свидетельство жизни. Такие планеты можно было пересчитать по пальцам, и ближайшая, Саломея, располагалась в 150 световых годах от Земли. Но и обитаемые планеты не показывали характерных признаков цивилизации – высокочастотных радишумов или тепловых пятен. И всё-таки надежда найти в Галактике разумную жизнь не умирала и заставляла проводить всё новые, всё более тщательные и дорогостоящие поиски.

И вот теперь руины инопланетной обсерватории нашлись совсем недалеко от Земли, и обстоятельства открытия внушали тревожные мысли. Чужие следили за Землёй, но не хотели быть обнаруженными. Они взорвали свой наблюдательный пункт, как только возник риск его раскрытия. Они не стремились установить контакт. К чему же тогда они стремились? Какое место в их планах занимала Земля?

Следующий шаг к пониманию был сделан не скоро.

В 2184 году два астронома, Карл Квон и Фархад Назим, обнаружили странность в спектре одной слабой звезды в созвездии Орла. Эта звёздочка была едва видна невооружённым глазом и не имела названия, а только обозначение в каталоге – Gliese 764.2. Отделённая от Земли 108 световыми годами, она ничем не выделялась среди множества подобных ей жёлтых карликов класса F. Станным в ней было одно: исключительно узкая и яркая линия в инфракрасной части спектра. Предыдущие наблюдения не показывали ничего подобного. Больше всего это походило на излучение мощного лазера где-то около звезды – лазера, нацеленного на Солнечную систему.

Это не мог быть сигнал, так как яркость излучения не менялась, оно не несло никакой информации. Появилась гипотеза, что обитатели Gliese 764.2 направили к Земле световой парусник, и лазерный излучатель предназначен для его разгона. Подобная технология давно применялась людьми – световые парусники летали по Солнечной системе с XXI века – так что гипотеза смотрелась убедительно. Ещё больше веса придавало ей время открытия. В 1958 году лунная обсерватория, очевидно, сообщила на родную планету, что земляне вышли в космос, и самоуничтожилась. Через 108 лет её послание дошло до Gliese 764.2. После нескольких лет подготовки включился разгонный излучатель, и стартовала экспедиция к Земле. И вот ещё через 108 лет, в 2184 году, на Земле увидели включение излучателя. Всё шло идеально. Аквилиане – так называли инопланетян по латинскому имени созвездия Орла, «Аквила» – знали о нас и летели к нам. Вот только зачем?

Полвека прошло на Земле в тревожных гаданиях и попытках установить контакт с аквилианами. Но те молчали. Где-то в пространстве летел их невидимый флот, стремительно приближаясь к Земле, и с каждым пройденным парсеком его молчание становилось всё более пугающим.

Окончательная черта была подведена в 2232 году. Полуразумный орбитальный радиотелескоп, постоянно нацеленный на Gliese 764.2, обнаружил, что рядом со звездой как будто на пустом месте возник источник поляризованного синхротронного излучения. В своей исторической статье радиотелескоп-робот опубликовал удивительные параметры нового объекта: расстояние – 57 световых лет, напряжённость магнитного поля – около 400 гаусс, скорость приближения – половина скорости света.

Только теперь картина событий стала вполне ясна. Сначала инфракрасный лазер у Gliese 764.2 разогнал звездолёты до половины скорости света. Некоторое время они летели с этой скоростью по инерции, а потом включили магнитное поле для торможения. Поле работало как парашют, создавая упор против набегающего потока ионов межзвёздной среды. При торможении ионов в магнитном поле рождалось видимое на Земле радиоизлучение.

Итак, чужие не просто летели в нашу сторону на звездолётах невероятной мощности. Они тормозили. Они намеревались остановиться в Солнечной системе. И главное, они по-прежнему не посылали ничего похожего на сигналы ни в одном диапазоне волн.

Даже самые правоверные пацифисты, убеждённые, что высший разум непременно гуманен и миролюбив, уверились, что к Земле движется флот вторжения.

Невозможно описать смятение, охватившее тогда мир. Невозможно рассказать обо всех дикостях и безумствах людей перед угрозой, которая более всего пугала своей абсолютной непредсказуемостью. Паника обрушивала рынки. Бесчисленные «контактёры» заполнили медиа, каждый со своим уникальным «посланием» и рецептом спасения. Миллионы людей шли за ними, и так возникли могущественные секты мирового масштаба. Другие бросились за спасением в традиционные религии, третьи проклинали бесполезных богов и воззвали о помощи к тёмным сущностям. В религиозных распрях и кровавых смутах рушились государства.

Но, к счастью, разум не окончательно покинул человечество. Многие сохранили трезвость ума, и им было ясно, что явление аквилиан – ещё не конец света. Техника пришельцев была основана на известных законах физики. В ней не было ничего необъяснимого, ничего магического. Очевидно, аквилиане не могли ни летать, ни даже передавать сигналы быстрее света. Они использовали обычные электромагнитные волны и поля, хотя и невообразимой мощности. Они не были ни богами, ни демонами. И это означало, что их можно победить.

Правительства трёх великих держав – Индокеании, Амеропы и Пацифики – оставили распри и срочно договорились о создании Объединённого Космофлота. Его руководство получило почти диктаторскую власть над Землёй. И вскоре стратеги Космофлота представили детальный план отражения атаки.

Первым делом планировалось построить пункты управления и промышленные базы на Луне, ближних планетах и астероидах. Затем нужно было приступить к созданию главного оружия Земли – «Роя Светлячков». Так назвали гигантское облако лазерных излучателей, расположенных внутри орбиты Меркурия. Каждый отдельный «светлячок» не обладал большой мощностью, но, работая синхронно, они были способны разогнать кинетические снаряды на световых парусах до огромной скорости.

Нетрудно было подсчитать, что инопланетный флот включил магнитные парашюты ещё в 2170 году. Расстояние до него было определено наблюдениями. Тормозя с половины скорости света до нуля, флот должен был прибыть в Солнечную систему в начале XXV века. Таким образом, на подготовку обороны осталось около двухсот лет.

По плану Космофлота, предполагалось за двести лет достроить Рой, а в начале XXV века запустить парусные снаряды в сторону захватчиков. Снаряды должны были столкнуться с аквилианским флотом на дальней окраине Солнечной системы на скорости в доли процента от световой. Энергии столкновения всё ещё с лихвой хватило бы для уничтожения противника.

План выглядел безупречно. Но в один роковой день выяснилось, что стратеги предусмотрели не всё.

19 сентября 2295 года главный астроном Космофлота вручил овер-командеру Омару Янсену лаконичный доклад. В тексте говорилось, что часом раньше резко усилился поток теплового излучения из района аквилианского флота. Но излучал не флот. Излучало нечто другое. Гораздо более близкое. И оно приближалось со скоростью в половину скорости света.

Истолкование было очевидным. Перед тем, как начать торможение, звездолёты Аквилы отделили от себя какие-то снаряды (возможно, изготовленные из более не нужных световых парусов). Снаряды не тормозили, а продолжали путь с прежней скоростью 0,5 С. Тепловое излучение появилось из-за трения снарядов о межпланетный газ Солнечной системы. Судя по расстоянию и скорости, до удара о Землю им осталось 27 часов.

Было понятно без лишних объяснений, каковы будут последствия бомбардировки Земли снарядами на такой чудовищной скорости.

Янсен распорядился временем хладнокровно и эффективно. Около сотни шаттлов с экипажами успели подготовиться к старту и ушли на орбиту, унося самое драгоценное – законсервированные человеческие яйцеклетки, искусственные бактерии и другие биоматериалы для

замкнутых экосистем в космических колониях. О массовом вывозе людей речи быть не могло – в шаттлах уместилось бы лишь несколько сотен человек, и брали только самых ценных специалистов. Основная масса населения укрылась в бункерах – их начали повсеместно строить ещё в начале XXIII века. Сам Янсен остался на Земле, на центральном пункте управления. Он руководил эвакуацией до последнего момента работы радиосвязи.

20 сентября, утром по всемирному времени, первый снаряд врезался в атмосферу Земли над Коралловым морем.

Бомбардировка длилась около суток. Более двухсот снарядов врезались в атмосферу планеты, и при каждом ударе высвобождалась энергия десятка «царь-бомб». Планета успела сделать полный оборот, и ни один материк, ни один океан не избежали поражения.

Плотные тучи пепла и паров на много дней окутали Землю. Мало-помалу тучи изошли грязным снегом и кислотным дождём, но мельчайшая пыль, вынесенная в стратосферу, осталась там висеть на долгие годы. Пыль поглощала солнечный свет. Небывалые, во всё небо, пурпурно-огненные закаты и рассветы в серебристых облаках горели над холодеющей с каждым днём планетой. Лето в 2296 году не настало, и в следующем тоже. Пять лет подряд в Европе и Северной Америке лежал снег, не тая, а в южных странах не выпадало ни капли дождя.

Далеко не все бункеры запаслись пищей и водой на такой срок. Неизвестно, сколько людей было убито снарядами и пожарами, но куда больше погибло в ту страшную пятилетнюю зиму от голода, болезней и в кровавых схватках за еду в душной полутьме подземелий. И даже когда кончилась зима, и выжившие выползли на свет с мешками семян и удобрений, они увидели, что Земля опустошена и бесплодна. Редкие островки оставшейся почвы не были способны прокормить и сотой доли населения.

Так цивилизация на планете погибла. Но ещё оставался космос.

Несколько тысяч служащих Космофлота на орбитальных станциях, лунных и марсианских базах, теперь должны были научиться жить самостоятельно, без поддержки Земли. Выжить, произвести потомство, сохранить цивилизацию – уже это казалось задачей, превышающей человеческие силы; но нужно было ещё и готовиться к встрече врага.

Аквизианский флот приближался и продолжал тормозить. Его магнитные парашюты с каждым годом всё ярче светились синхротронным излучением. До прибытия врага в Солнечную систему оставалось около века.

Переговоры

7 раджаба 1735 года Хиджры

(7 июня 2305 года нашей эры)

Нижнее Поволжье, Земля

Эльдар Гусейнов в пыльном плаще, перетянутом португепями, сидел в седле квадроцикла. Противоожоговая маска с круглыми тёмными очками-консервами скрывала его лицо. Из-под маски выбивалась длинная и косматая чёрная борода. Позади эмира выстроилась рядами его дружина – полсотни таких же бородачей в масках. Их квадроциклы заряжались от солнца, распахнув огромные крылья тонкоплёночных батарей, и были похожи на отдыхающих драконов. Смоляно-чёрные полотнища, подставленные солнцу, трепетали и хлопали на холодном ветру. Воины ждали.

Вокруг была пустыня – голая, плоская, растрескавшаяся. Далеко слева вздымались гигантские обугленные карбокерамические столбы – всё, что осталось от мегахауса Знаменск после Удара. Позади пустыня спускалась к Ахтубе. Там, где некогда пышно зеленела волжская пойма, теперь тянулось до самого Каспия гигантское грязевое болото, прорезанное мутно-жёлтыми меандрами проток. Его безжизненная поверхность лишь прошлой весной впервые подёрнулась бледной патиной одноклеточных водорослей.

Впереди приземистым бетонным куполом вырос из земли вход в бункер. «Стой. Предъяви ID-чип. Охрана стреляет на поражение», – предупреждала полустёршаяся трафаретная надпись над стальной дверью. Угрозу молчаливо подтверждали пулемётные турели по обеим сторонам двери. За бункером обширный кусок пустыни был огорожен новеньким забором из проволочных секций. По всей огороженной площади в беспорядке валялись сбросовые контейнеры – стотонные сфероконические танки, каждый в буром нагаре атмосферной окалины. Плакаты на каждой секции ограды извещали по-английски и по-русски: «РЕКОНСТРУКЦИЯ ВПП КОСМОДРОМА КАПУСТИН ЯР. РАБОТЫ ВЕДЁТ ДЕПАРТАМЕНТ ПО ДЕЛАМ ЗЕМЛИ ОБЪЕДИНЁННОГО КОСМОФЛОТА».

Людей нигде не было. Бункер не подавал признаков жизни. Никто не обращал внимания на эмира и его людей.

Быстрым нервным движением Эльдар приподнял маску, сунул в рот самокрутку и, прикрываясь от ветра, закурил. Его дочерна загорелое лицо, украшенное орлиным носом, было безусым и неожиданно юным. Длинная косматая борода на нём выглядела неуместно – будто неуклюже приклеенная.

Эмир не оглядывался на дружину. Ему не хотелось, чтобы бойцы прочли озабоченность на его лице.

Эти свиньи космофлотцы заставили его ждать. Никто не вышел его встретить – а это было неуважение. Эмир никому не мог позволить неуважения к себе, иначе быстро перестал бы быть эмиром. Безошибочным чутьем жоака стаи он чувствовал, что ещё немного – и унижительное ожидание под дверью начнёт подтачивать его авторитет.

– Кто вы такие? – наконец-то проснулась громкая связь бункера.

Не слишком вежливый ответ, но даже такой был лучше полного молчания. Выдерживая паузу, Эльдар выплюнул окурок и тщательно втёр ботинком в грунт. Неспешно надвинул маску. Затем повернулся к своему знаменосцу и махнул рукой: не мог же он ронять достоинство, лично отчитываясь неизвестно перед кем.

Рослый, плечистый знаменосец с готовностью соскочил с седла. Отработанным эффективным движением выхватил из-за спины флаг, воткнул древко в землю и развернул одним широким рывком. Зелёное полотнище с золотой арабской каллиграммой, заключённой в восьмиугольник, шумно захлопало на ветру.

– Великий эмир и президент Иделистана! – проревел знаменосец. – Верховный военный и гражданский уполномоченный Волгоградский, Волжский, Краснослободский, Сарпинский, Балыклейский, вовеки победоносный Эльдар Хаджи Музаффаршах Данияр-оглы из рода Гусейновых с приветствием и дипломатическим визитом к наместнику Космофлота!

Прошло некоторое время, прежде чем громкая связь снова заговорила:

– Господин эмир, – тон стража бункера стал явно почтительнее. – Вы можете войти. Ваши люди пусть подождут снаружи.

Эмир с каменным лицом обернулся к помощнику.

– Вагиф, ты за старшего, – распорядился он. – Буду выходить на связь, – он похлопал по рации на поясе, – каждые двадцать минут. Пропущу один сеанс – ты знаешь, что делать.

– Есть, мой эмир.

Эльдар Гусейнов неторопливо слез с седла и, не оглядываясь, тяжёлой уверенной походкой зашагал к бункеру.

Его уверенность была показной. Он понимал, что, по сути, отдаёт свою жизнь в руки космофлотцев. Пулемётные стволы настроенно следили из амбразур. Кто-то внутри мог в любой момент нажать гашетку, и ни Эльдар, ни его бойцы ничего не смогли бы сделать в ответ. Надежда была одна: что Космофлот так же, как и они, нуждается в дружбе.

Эльдар Гусейнов не боялся войны. Война была его жизнью. В страшные дни борьбы за пищу он поднялся как командир, собрал сильную дружину и с ней захватил и ограбил бункеры

бывшего Волгограда, чтобы накормить свой родной бункер Волгоград-6. Затем были войны с соседними посёлками и городами – с краснослободским «королевством», сарпинскими сектантами-аквилопоклонниками – войны уже не за еду, а за землю. Двадцатилетний военачальник выиграл и их, и теперь Эльдару принадлежала вся волжская долина от Голодного острова до Горного Балыкля. Пятьсот воинов под ружьём, десятки тысяч пленников-рабов на плантациях... И сейчас Эльдар был уверен, что это для него не предел.

Да, он способен на большее, иншаллах, никаких сомнений! Отбить у людоедов бункеры Камышина, подняться по Волге до руин Саратова, а там – Самара, Казань, все эти необозримые равнины бывших водохранилищ-морей, чёрные от жирного ила... Подчинить себе всё Поволжье, бросить вызов Москве, стать величайшим из правителей новой эры... Лишь бы договорится с Космофлотом! Уверять космиков в своей нужности, напроситься в союзники, получить от них оружие и машины – и тогда весь мир ляжет у его ног!

Массивные створки бронедверей с подвыванием гидравлических приводов начали отворяться. Эльдар шагнул во мрак тамбура. Снял маску, постоял, чтобы глаза привыкли к темноте. Стены в угрюмо-зелёной краске, стальные челюсти турникета, пост охраны за пуленепробиваемым стеклом – всё было как во всех бункерах.

– Господин эмир, приветствую! – навстречу шагнул невысокий остроносый мужчина в синем рабочем комбинезоне с множеством кармашков, протянул руку. – Доктор Лен Сторм, начальник строительных работ. Я должен совершить какой-то ритуал?

Эльдар улыбнулся.

– Не обязательно. Приветствую, доктор Сторм, – стоя в дверях, на виду у дружины, вожди обменялись крепким рукопожатием.

– Простите, что не встретил сразу, – в голосе Сторма не чувствовалось вины. – У нас очень много работы, а людей мало. Да что мы тут стоим – идёмте ко мне.

Следуя за Стормом, Эльдар вышел из вестибюля на винтовую лестницу. Они направились вниз, на жилые уровни – металлические ступени лязгали под ногами, лампы тускло горели в решётчатых коробах. «Сейчас я могу запросто выстрелить ему в спину, – думал Эльдар. – Но не буду. Зачем?»

– Очки и маски можете уже не носить, – бросил Сторм. – Озоновый слой восстановился. Вы, как я понимаю, местный правитель? – без перехода спросил он. – Простите, если задаю глупые вопросы. Мы плохо знаем, что творится у вас, наземников.

– Как и мы о вас.

Сторм понимающе кивнул.

– Вас интересует, зачем мы прилетели. Конечно, я расскажу. Наши планы вполне открыты. Наша задача – восстановить космодром Кап-Яр. Ещё тридцать сбросов контейнеров – и можно будет развернуть производство бетона, начать реконструкцию взлётной полосы. Через четыре месяца начнём принимать шаттлы, построим верфь, через два года планируем первый старт...

Под увлечённую болтовню Сторма они сошли с лестницы на второй подземный этаж и двинулись по коридору. Свет редких ламп выхватывал из темноты участки стен из ячеистого бетона, местами попадался намалёванный по трафарету указатель: «Секция А1. Блок А15». По стенам извивались пыльные сплетения кабелей и труб.

– А с какой целью всё это? – спросил Эльдар, когда начальник строительства замолчал. – Вы хотите вернуться на Землю? Что-то вывозить с Земли?

– Вернуться? – Сторм как будто даже испугался такого предположения. – О нет. Возить с Земли, конечно.

– Я могу спросить, что?

– Почему нет? Уран, торий, – они свернули в жилую секцию – стены здесь были покрашены голубой краской и разрисованы цветочками. – Цезий, рубидий, редкие земли, золото...

Только на Земле ведь есть минеральные концентраты. Руды или солёная вода, на худой конец. Тут есть неподалёку озеро Эльтон – в нём одном больше доступного лития, чем на всей Луне... Короче, на вашу землю и хлеб мы не посягаем. Если беспокоились – расслабьтесь. Вмешиваться в ваши дела мы не собираемся. И от вас ждём того же. Всё, мы пришли.

Они остановились перед дверью с надписью «Бокс А22-15». Сторм отворил её, проведя запястьем левой руки по электронному замку.

За дверью оказался типовой жилой бокс три на два метра. Комнатушка была едва освещена. Двухъярусная кровать, откидной столик, едва различимая в полумраке фотография женщины с ребёнком, декоративная стекляшка на решётке воздуховода – жалкие попытки придать убежищу домашний уют. Сторм откинул от стены столик, жестом пригласил Эльдара сесть на кровать, сам полез во встроенный холодильник.

– Значит, никто ни во что не вмешивается? – спросил Эльдар. – Мы сами по себе, вы сами по себе?

– Как-то так, – согласился Сторм, выставляя на стол пакет вина, пару пластиковых стаканчиков и коробки консервов. – Забыл спросить: вы ведь мусульманин? Алкоголь употребляете?

– С хорошим человеком почему бы не употребить? – проявил дипломатичность Эльдар. – Я не фанатик. Наливайте. А жаль.

– Чего жаль?

– Вы же ураном сыты не будете. Вам нужна пища, – Эльдар с сомнением поглядел на розовое желе в консервной банке, которую только что откупорил Сторм. «Спирулина пищевая со вкусом тунца», сообщала этикетка. – Нормальная пища, не такая как эта. Хлеб, овощи – всё это у нас выращивают. Биотопливо – у нас его тоже делают...

– Да? – брови Сторма приподнялись в лёгком удивлении. – Разве почва не погибла?

– Везде, кроме Иделистана, – Эльдар самодовольно улыбнулся. – Водохранилища на Волге схлынули, дно обнажилось – а там плодороднейший ил. Если грамотно отводить воду, не давать земле заболачиваться – снимаем два урожая в год. Овощи растут вообще как сорняки, их девать некуда.

– Это интересно, – без особого интереса сказал начальник строительства, – но еду мы сами делаем, – он зачерпнул вилок и отправил в рот порцию спирулины. – Вполне съедобную. Когда-нибудь нашим внукам захочется роскоши, вот они и начнут покупать у вас натуральное, а пока... Что ещё можете предложить?

– Рабочие руки, – Эльдар не подал вида, что поворот беседы ему не нравится. – Этого добра тоже полно. В бункерах тысячи бездельников не знают, чем себя занять. А может, вам и охрана понадобится. Об этом тоже можно договориться.

– Охрана? – Сторм нахмурился.

– Вас тут, на Земле, многие не любят. «Сбежали в космос и отсиделись», – так о вас говорят. «Мы тут голодаем, мрём от болезней, а они над нами летают – только посмеиваются»... Много стало злых, завистливых людей, доктор Сторм. И опасных.

– Неквалифицированная рабочая сила не нужна, – прохладно сказал начальник строительства. – Охрана... по этой части тоже кое-чем располагаем, – он поднял стаканчик. – Но всё равно спасибо за предложение. Выпьем за победу, господин эмир!

– Да, за победу, – Эльдар выпил залпом. – Это вы хорошо сказали. За нашу и вашу победу. Думаете, мы тут, на Земле, не мечтаем покончить с аквилианами? За всё, что они с нами сделали? Мы тоже хотим внести вклад. У вас людей мало – сами же говорите. А задачи огромные. Зачем ваших ценных специалистов отвлекать от важных дел, заставлять делать эту... еду? – Эльдар с отвращением ткнул вилок в спирулиновое желе. – Доверьте нам простую работу – и построите свой космодром, иншаллах, за один год, а не за два...

– Чего вы, собственно, от нас хотите? – в голосе начальника строительства как будто впервые прорезалась жёсткость.

– Хотим дружить, доктор Сторм, – Эльдар с широкой улыбкой поднял свой стаканчик. – Только и всего. Не выпить ли нам за дружбу?

– Говорите прямо, господин эмир. Какие *выражения* дружбы вам требуются?

Эльдар помедлил, собираясь с мыслями. У них вроде как пошёл разговор по делу, и это было хорошо.

– Я хочу, – заговорил он, взвешивая каждое слово, – чтобы Космофлот признал меня единственным законным правителем моей страны, Иделистана. Чтобы не имел никаких дел с моими врагами.

– Насколько я знаю, – осторожно сказал Сторм, – законное правительство этой страны находится в Москве.

– В развалинах Москвы. Прячется в каком-нибудь бункере. О них ничего не слышно с самого Удара. И Москва далеко, а я близко. Ставьте на меня, и не проиграете.

– Это всё?

– Это будет знак дружбы с вашей стороны. А дальше будем договариваться по конкретным товарам. Нам нужны средства связи, моторы, вообще любая техника. Химия, лекарства, оружие...

– Только не оружие, – решительно сказал Сторм. – Про это забудьте. А насчёт остального... Я должен согласовать всё с начальством. Но, думаю, возражений не будет. Я полагаю, что ваши запросы вполне разумны.

Эльдар улыбнулся очень сдержанно – стараясь не показать, какая гора свалилась у него с плеч.

– Вы совершенно правы, доктор Сторм.

– Теперь что касается наших потребностей. Продовольствие, топливо – это хорошо. Но это не главное. Гены – вот что нам нужно, – Сторм заговорил торопливо и взволнованно. – Гены. Понимаете? Нас, космиков, мало, слишком мало. Чтобы не выродиться, нам нужны гены людей с Земли. Как можно больше генетического разнообразия...

– Женщины?

– О нет, нет. Только образцы клеток. Можно даже ногти, волосы... Но это не скоро. Когда запустим транспорт на орбиту, тогда можно будет и начать... И последнее, – Сторм допил свой стаканчик. – Рабочие руки нам не нужны. Нужны рабочие мозги. Присылайте умных, талантливых, обучаемых людей, лучше всего подростков. Если человек нам подойдёт – заплатим за него щедро.

Эльдар дружески хлопнул его по плечу.

– Никаких проблем, доктор Сторм. Нам в Иделистане умные и талантливые ни к чему. Сработаемся. Наливайте.

Битва

24 мая 2418 года

Астероид Рианнон

Астероид, названный в честь древней кельтской богини, был некогда ядром погасшей кометы. Внешне он выглядел как цельнокаменная скала, но внутри был конгломератом из силикатной пыли, песка и щебня, замороженных в аммиачно-водяной лёд с углеводородными клатратами. Сверху всё это было присыпано сухой пылью реголита, побито кратерами. Рианнон ничем не выделялась среди тысяч километровых астероидов, что вращались между орбитами Марса и Земли. Почему же Космофлот выбрал для основания колонии именно её? По чисто

случайному совпадению. В 2280 году Рианнон должна была сблизиться с другим, безымянным астероидом, всего на 400 километров – уникальная возможность сцепить их в пару.

Технология переделки астероидов в жилые колонии была к тому времени отработана. Подготовительная операция заняла около двадцати лет. Сначала роботы-бурильщики в тщательно выбранных точках пробивали шахты до ледяного слоя. Затем туда запустили рои миниатюрных роботов с радиоактивными источниками тепла – ферментоботов, «дрожжей». Те начали греть лёд, высвобождая замёрзшие газы из клатратов. Газовые пузыри, раздуваясь, взламывали лёд, от них вглубь астероида разбегались сети трещин. Ферментоботы по этим трещинам забирались всё глубже в недра Рианнон, оставляя за собой цепочки новых пузырей. Выделяемые «дрожжами» катализаторы сцепляли кремнезём и углеводороды в вязкую, медленно застывающую силиконовую массу – так стенки пузырей закреплялись и обретали прочность. Мало-помалу внутренность Рианнон превращалась во вспененный пористый лабиринт со структурой хлебного мякиша.

А пока ферментоботы прокладывали путь к центру, в уже застывших полостях трудились искусственные бактерии, перерабатывая газовую смесь в пригодный для дыхания воздух. Отходы – водород и углеродная сажа – не пропадали даром. Водород шёл на топливо, а углерод – на сверхпрочные волокна из нанотрубок. Роботы-швецы затем извлекали их на поверхность и сшивали в единый гигантский трос – привод, необходимый, чтобы раскрутить Рианнон и создать внутри неё тяготение.

Трос, намотанный в сотни витков на Рианнон, как на катушку, дождался заветного 2280 года. Когда второй астероид (незатейливо названный Р2) достаточно приблизился к Рианнон, робот-тяжеловес с ракетным двигателем оттащил к нему свободный конец троса и прочно присоединил, вплавив глубоко в лёд. Р2 как ни в чём не бывало продолжал лететь по орбите – пока трос не натянулся до отказа. Волна напряжения пробежала по тросу и обоим астероидам. В миг пиковой нагрузки могло показаться, что две хрупкие горы не выдержат – развалятся сами или разорвут трос. Но всё было рассчитано точно. С треском и скрежетом, не слышными ни одному человеческому уху, Рианнон просела всей массой, принимая форму луковицы. Широким веером с неё разлетелась пыль, обнажая глыбы коренных пород, заблаговременно скрепленные упругой сеткой. Связка выдержала. Рианнон и Р2 закружились вокруг общего центра масс, подобно гигантскому боласу, делая полный оборот примерно за полчаса.

Так Рианнон обрела центробежное тяготение в пятую часть земного – вполне пригодная для жизни величина. Осталось только расчистить полости, проложить внутренние коммуникации – и начальник Департамента колонизации мог с чистой совестью доложить овер-командеру Космофлота: «Работы завершены в срок. Астероид готов к заселению».

С тех пор прошло без малого полтора века.

Колония Рианнон – пещерный лабиринт-муравейник с десятитысячным населением – стала крупнейшей в Солнечной системе фабрикой по производству людей.

Давным-давно, сразу после основания первых космических колоний, выявился один печальный факт. В слабом тяготении Луны, Марса и астероидов здоровые дети не рождались. Земная гравитация оказалась критичной для правильного развития плода. Космофлоту ничего не оставалось, кроме как налаживать репликацию людей в искусственных матках – утеринах. Там, в управляемой среде, можно было нейтрализовать вредное влияние низкой гравитации.

Эта технология была разработана ещё до Удара, но опробована только на животных. После Удара отчаянные условия заставили отбросить старомодный гуманизм и начать рискованные эксперименты на человеческих зародышах. Производство людей поставили на поток довольно быстро, а позже удалось вывести новые человеческие породы, которые могли и сами размножаться в условиях низкой и даже нулевой гравитации. Но и после этого утерины продолжали работать. Для быстрой колонизации космоса требовалось много людей – гораздо больше, чем могло родиться естественным путём. Верный своей политике дублировать всё что

можно, Космофлот создал несколько антропофабрик в разных местах Солнечной системы. Одной из них стала Колония Рианнон.

– Две минуты до прохода первой волны...

Просторная полость – округлая каверна неправильной формы – была погружена в полутьму. Горели только цифры под смотровыми экранами – расстояние до цели, скорость, точность наведения, – и сами экраны: виды с камер, установленных на снарядах.

Доктор Нерия Вэй смотрела на экран из толпы рианнонцев. Так же, как все, она затаила дыхание и боялась пропустить хоть один кадр.

Нерия Вэй не так давно прибыла на Рианнон с Марса – заключать важный контракт на выращивание нескольких сотен людей: у Марса до сих пор не было собственных антропофабрик. Нерия была колониалкой в четвёртом поколении, с типичной для марсиан и астероидных жителей внешностью: высокая, грациозно-худощавого сложения, большеглазая, бледнокожая. Как и все вокруг, она была нага. Среди колониалов ношение одежды давно стало не обязательным, а у высокопоставленных лиц, чьи тела были совершенно очищены от физических изъянов генетической и эмбриональной коррекцией – даже и неприличным. Редковолосую голову Нерии охватывал серебристый обруч диадемы-антенны. Через диадему процессор, имплантированный под кожу на лбу, получал беспроводное питание и поддерживал связь с информационной сетью.

Нерия вполне могла бы смотреть передачу одна, в своей личной полости, безо всяких экранов – процессор-имплант транслировал бы сигнал прямо в зрительный центр мозга. Но она была официальным лицом, и дипломатический протокол требовал её присутствия на публичной трансляции.

Как-никак наступал решающий момент для всего человечества. Момент, ради которого существовал Космофлот и были основаны колонии на Марсе и Рианнон. Событие, ради которого была рождена на свет Нерия Вэй и все, кого она знала.

Битва с аквилианами.

– Одна минута до прохода первой волны...

Снаряды, нацеленные на аквилианский флот, мчались сквозь зону Койпера в 11 световых часах от Солнца. На таком расстоянии никакое управление, конечно, не было возможно. Снаряды должны были сами найти цель. И сейчас набившиеся в зал люди только и могли созерцать битву, которая на самом деле произошла 11 часов назад. А может, и вовсе не произошла. Никто ещё не знал, действительно ли попали в цель снаряды, разогнанные Роем Светлячков до невообразимых 1200 километров в секунду.

А на экранах во всём чудовищном триумфальном блеске сиял флот Аквилы.

Сами по себе четыре звездолёта были крохотны и невидимы – но каждый извергал вперёд по курсу плазменную струю, плававшую ярче и жарче Солнца. Звездолёты к этому времени успели настолько сбросить скорость, что магнитные парашюты перестали быть эффективными – и на последнем этапе торможения включились реактивные двигатели.

Стокилометровые хищные цветы из мегаэлектронвольтовой плазмы лениво вспучивались в магнитном поле, рождая дуги протуберанцев и скрученные щупальца филаментов. До сих пор был не известен источник энергии, за счёт которой двигатели кораблей уже больше века втягивали в себя межзвёздный газ, разогревали до температуры солнечного ядра и вновь извергали. Антивещество? Микроскопическая чёрная дыра? Что-то ещё более экзотическое? Чем бы оно ни было, Земля не могла и мечтать о такой мощи. Как человечество осмелилось бросить вызов этим колоссам? Неужели был хоть какой-то шанс победить?

– Тридцать секунд до прохода первой волны...

Не отрывая глаз от экрана, Нерия поднесла к губам чашку гуараны и сделала глоток. Движение было машинальным, она едва почувствовала, что напиток уже остыл. Всё её сознание было там, в зоне Койпера.

Реактивный ураган плазмы выглядел подавляюще. Но он-то и был слабым местом врага. Сквозь него попросту ничего не было видно. Аквилиане своим выхлопом сами создали маскирующую завесу для людских снарядов. И теперь пришельцы летели вслепую, летели курсом, давно рассчитанным и предсказанным на Земле – летели напрямик к собственной гибели.

– Пятнадцать секунд до прохода первой волны...

Нерия поставила пустую чашку и нервно сжала пальцы.

Сами снаряды можно было разглядеть с трудом, только в боковые камеры. Исчезающе прозрачные километровые полотнища тончайшей полимерной плёнки, казалось, неподвижно висели на фоне звёзд. Ближайшие к цели снаряды были так же далеки от противника, как Луна от Земли, но даже на таком расстоянии тепловое излучение реактивных струй быстро испаряло их. Впрочем, это было не страшно. Испарялись только плёнки световых парусов, которые были нужны на этапе разгона, но сейчас превратились в балласт. Ядро каждого снаряда – вольфрамовая болванка с небольшими двигателями коррекции – оставалось целым и невредимым. Вражеский флот летел навстречу с такой скоростью, что энергии столкновения с лихвой хватило бы, чтобы распылить его на атомы. Вся проблема заключалась в том, чтобы направить снаряды в цель.

Рой снарядов шёл длинной, растянутой на гигаметры серией волн. Первую волну ждал почти неизбежный промах. Но она должна была передать следующей волне уточнённые координаты мишеней, и та успела бы скорректировать курс.

– Пять секунд до прохода первой волны...

Нерия судорожно стиснула ручку кресла. Сейчас. Сейчас оно начнётся.

– Первая волна прошла...

Плазменные деревья выхлопов начали медленно таять.

В зале возбуждённо загомонили. Аквилиане выключили двигатели! Они нас заметили, увидели пролёт первой волны! Теперь их звездолёты стали невидимы. Неужели они так просто ускользнут от удара? Нет! Экраны заискрились мелкими вспышками: это снаряды второй волны включали двигатели коррекции. Значит, первая волна успешно передала уточнённые координаты целей... Значит, вторая волна получила свой шанс...

– Пять секунд до прохода второй волны...

Невыносимые пять секунд ожидания...

Взрыв!

Краткая вспышка, почти тусклая по сравнению с бурей реактивного пламени, что ещё недавно царствовала на экранах, какой-то десяток килотонн, но – попадание!

– Объект «Рыжий», попадание, – бесстрастно подтвердил голос компьютера-комментатора.

Не помня себя, Нерия с воплем восторга вскочила на ноги. Есть! Получилось! Всё новые взрывы вспыхивали на экранах – второй, третий, четвёртый! – и под этот фейерверк почтенные руководители Рианнон, как дети, вскакивали с мест, орали, плясали, целовались. Никто уже не слушал комментатора («Объект «Белый», попадание... Объект «Бледный», попадание... Объект «Вороной», попадание... Все цели поражены»). Было ясно и так: победа, мир спасён, мы сделали своё дело. Зажегся свет, хлопнула пробка – кто-то откупорил напиток, по уверениям химиков, совершенно идентичный легендарному земному шампанскому.

– Это, конечно, прекрасно, – донёсся голос из-за спины. – Но вы что, думаете, всё кончилось? Аквилиане не такие дураки.

Нерия гневно оглянулась на того, кто столь бестактно отказался присоединиться к общей радости.

Полковник Максвелл Янг, эмиссар центрального командования, маленький смуглый венерианин. Встретив негодующий взгляд Нерии, он холодно усмехнулся.

Нерия закусила губу. «Вечно *этим* надо всё испортить!» Она отвернулась, подавив в себе прилив ненависти – общего чувства гражданских колонялов к космофлотцам. Сейчас не время для таких недостойных эмоций. Всё-таки без Космофлота ничего бы не получилось... «Но больше вы, голубчики, никому не нужны, – мелькнуло напоследок в голове Нерии Вэй. – Войне конец, а значит, и вам». В её улыбке скользнула тень злорадства – и тотчас стёрлась.

Урок

Программа социализации Колонии Фламарион, Луна

Возрастная категория: 7–8 лет

Модуль: История послеударного периода

Урок № 3: Мартовская революция

Тип урока: Линейный нарратив

Последняя редакция: 6 февраля 2471 года

Текст: Здравствуй, [ИмяУченика]! В прошлый раз мы рассказали тебе о Койперовской битве, в которой Космофлот уничтожил аквилян. А сейчас поговорим о том, что случилось после битвы.

Видео: орбитальная верфь над кирпично-рыжей поверхностью Марса. Виден остов корабля, опутанный паутиным коконом строительных ферм.

Длинный полутёмный туннель. Вдоль стены тянется ряд рабочих мест, там работники горбят голые спины над консолями дистанционного управления.

Текст: Аквилян уничтожили. Пора было переходить к мирной жизни. Космофлот стал не нужен. Но командиры Космофлота не желали расставаться с властью. Они продолжали запугивать людей аквилянской угрозой, чтобы те по-прежнему работали на Космофлот и покорно служили Венере.

Видео: пышные покои с богато накрытым обеденным столом. Адонис Шастри, овер-командер Космофлота – тучный, обрюзгший, краснорожий – жадно ест, раздирая пальцами куски мяса и громко чавкая.

ШАСТРИ (гнусаво, капризно): Хочу построить новый корабль. Самый быстрый и мощный корабль во всём флоте. Личную яхту. (Жуя, с набитым ртом): С плавательным бассейном, концертным залом и роскошной пыточной камерой! (Сладострастно облизывает пальцы).

ЮЛИУС ОКЕЛЛО, советник Шастри: Не будет ли это слишком, овер-командер? Силы колоний и так напряжены до предела. День и ночь они строят вам всё новые корабли. Может, хватит?

ШАСТРИ: Не указывай мне, болван! (Визгливо): Я хочу, хочу, хочу этот корабль! Хочу слетать к Юпитеру! А колонии... Что колонии? Припугнём их Аквиллой, и будут как шёлковые.

ОКЕЛЛО: Аквилян давно разбили, овер-командер. Пятый год их не видно и не слышно. Люди нам не поверят.

ШАСТРИ (отмахивается): Это стадо верило нашему вранью до сих пор – поверит и сейчас. (Сатанински хохочет): МУАХАХАХА!

Текст: И вот колонии получили приказ: выделить людей, машины и все необходимые ресурсы для строительства гигантского межпланетного корабля «Гибель Богов».

Видео: скромный кабинет прайм-админа Колонии Фламарион. За рабочим столом – старый прайм-админ Тим Новицкий. Он выглядит больным, затравленным и несчастным. Рядом стоит его младший помощник Астар Далтон – высокий, бравый и куда больше похожий на лидера.

НОВИЦКИЙ: Боже! Боже! Наш ненасытный Космофлот строит ещё один корабль. Это немислимо. Я пытался объяснить, что мы не можем, что колония и так работает на износ, но... (закрывает лицо руками).

ДАЛТОН (сурово): Но зачем Шастри этот корабль?

НОВИЦКИЙ (горько усмехаясь): Для экспедиции в систему Юпитера. Искать там аквилиан. Всё та же надоевшая сказка! (Всхлипывает). Я не знаю, Астар. Как я скажу людям, что норма снабжения будет урезана ещё на десять процентов? Что вводятся новые сверхурочные работы? Что отпуска опять переносятся? Как я буду смотреть им в глаза?

ДАЛТОН (грохнув кулаком по столу): Довольно! Хватит терпеть. Пора положить конец этому рабству. Соедините с Марсом!

В воздухе появляется Нерия Вэй, прайм-администратор Колонии Сильвана.

ВЭЙ: Приветствую, док Далтон. Уже получили последний приказ Шастри?

ДАЛТОН: Приветствую, док Вэй. Да, получили, и отказываемся его выполнять. Мы больше не подчиняемся Венере!

ВЭЙ (всплескивая руками): Не могу поверить! Док Новицкий, это правда? Вы восстали против Космофлота?

НОВИЦКИЙ (встаёт, выпрямляется, молодеет на глазах): Да! Да! Наконец-то мы на это решились!

ДАЛТОН: Вы с нами, Нерия?

ВЭЙ (расцветая): О, конечно, мой друг!

Текст: Вот так две главные колонии – Фламарион и Сильвана – объединились и восстали против тирании Космофлота. Это случилось 10 марта 2423 года – тебя ещё не было на свете, [ИмяУченика]. Вслед за ними провозгласили независимость и другие колонии в космосе и на Земле. Так народы Солнечной системы начали борьбу за свободу.

Видео: картины космических битв. Сквозь черноту пространства плывут корабли, на них поворачиваются антенны и оружейные турели. Ракеты вылетают из стартовых шахт и разделяются на стройные рои снарядов. Ослепительно вспыхивает беззвучный взрыв. Корабль разлетается на раскалённые докрасна осколки.

Текст: Большинство колоний поддержало революцию. После нескольких сражений повстанцы начали брать верх.

Видео: Адонис Шастри с багровым, искажённым бешенством лицом колотит кулаком по столу так, что тарелки летят на пол.

ШАСТРИ (визжит): Нет! Нет! Нет! Никогда проклятым мятежникам, подлецам, предателям не увидеть моего поражения. Я уничтожу их до последнего человека! Сравняю с грунтом, расплью на атомы! Рой Светлячков! Вот какой фигурой я сделаю ход! Приказываю направить весь Рой на Фламарион!

ОКЕЛЛО (в шоке): Но овер-коммандер, вы не можете! Рой – оружие против аквилиан. Вы не посмеете направить его на людей – на тех, кого поклялись защищать! Вы не можете изменить присяге!

ШАСТРИ: Что-о?! (Тяжело поднимаясь из-за стола). Это что, мятеж, Окелло? (Вопит в воздух): Арестовать! Расстрелять изменника!

ОКЕЛЛО (играя желваками): Есть, овер-коммандер. (Выхватывает пистолет и стреляет в Шастри).

Текст: Так погиб Адонис Шастри, непримиримый враг свободных колоний. Вскоре новый овер-коммандер Окелло заключил мир и признал независимость Марса и Луны.

Видео: Новицкий, Далтон и Вэй стоят, держась за руки, и смотрят в камеру – мужественно, устало и просветлённо.

НОВИЦКИЙ: Мы выполнили свой долг.

ВЭЙ: Мы победили.

ДАЛТОН: Теперь мы – свободный народ.

Звучит гимн Колонии Фламарион.

Чёрный король

11 апреля 2473 г.

Ланута Эрикс, Венера

Небо в панорамном окне было огненным. Мглисто-кровавым в надире и золотым в зените – золотым сиянием сквозь прозрачно-алые слои волокнистых и перистых облаков. Окно не было настоящим – никакое стекло не выдержало бы полутора веков воздействия сернокислотного смога. Да и человеческий глаз увидел бы снаружи только слепящую, сливочного цвета мглу без деталей и глубины. «Окно» было на самом деле экраном во всю стену кабинета и показывало внешний мир не в видимом свете, а в ультрафиолетовом.

Максвелл Янг, прайм-администратор Колонии Эрикс, овер-коммандер Космофлота, стоял у экрана спиной к комнате. Невысокий, слегка сутулый, с сединой в волосах, он был в простом чёрном кимоно, какие некогда носили мастера боевых искусств. Одевание было аурой, виртуальной иллюзией. Его скромный вид был обманчив. Реалистичный просчёт и рендеринг всех этих мягких свободных складок требовал такой мощности процессора, какой обладали только самые дорогие импланты.

– Продолжайте, – произнёс Янг глуховатым вкрадчивым голосом, не поворачивая головы к собеседнику.

Доктор Эйнар Грин, молодой человек лет сорока, заметно взволнованный важностью своего доклада, стоял посреди кабинета почти навтыжку. Его аура была официальна и проста: голову нимбом окружало белое кольцо с бегущей строкой символов его должности (главный астроном), домена (Грин) и текущего статуса (при исполнении). Нервной скороговоркой Грин продолжил:

– Итак, статистически подтверждается, что в 2471-м и 72-м годах кометная активность за снеговой линией аномально усилилась. В троянцах Юпитера и поясе кентавров наблюдаются многочисленные вспышки, недолговечные комы и хвосты. Эти события не коррелируют ни с близостью объектов к Солнцу, ни с солнечной активностью.

– Ваша интерпретация?

Грин перевёл дыхание.

– Мы видим следы производственной деятельности. Чужой деятельности, потому что человеческих баз на таком расстоянии от Солнца нет. Они что-то строят. Возможно, фабрики-репликаторы. Из-за выделения тепла лёд испаряется, пар создаёт наблюдаемые кометообразные формы.

Янг медленно обернулся. Его руки прятались в иллюзорных рукавах кимоно, жёлто-карие глаза из-под седоватых бровей, слегка щурясь, в упор смотрели на Грина.

– Итак, они появились?

– Да, овер-коммандер, – с неожиданной твёрдостью ответил астроном. – Они, собственно, никуда и не исчезали. Просто не были нам видны все эти шестьдесят лет. Если они используют репликаторы, то рост шёл по экспоненте, и только сейчас производство энергии перешло порог видимости.

– Рост продолжается?

– Статистика не слишком надёжна, но явного роста нет. Можно даже выделить тренд снижения, но тут уж достоверность будет совсем низкой.

– Значит, размножение прекратилось, так?

– Ещё раз: это только гипотеза, и...

– Размножение прекратилось, – прервал его Янг. – Значит, развёртывание индустрии закончено. Теперь они строят не самих себя, а нечто другое. Оружие. Боевых роботов. Корабли

десанта. Подготовка вторжения вышла на финальный отрезок. Док Грин, другие колонии это знают?

– Астрономическое сообщество, конечно, всё знает. Проблема обсуждается. Но... Астрономы других колоний, в основном, считают, что эта кометная активность – естественна. Что её усиление – случайная флуктуация.

– Ещё бы они считали по-другому! – губы Янга искривились в мрачной усмешке. – Когда их главари Далтон и Вэй уже полвека уверяют Солсистему, что пришельцев больше нет, что бояться нечего! Что главная угроза – реваншисты Венеры!.. Благодарю за работу, док Грин. Составьте доклад с обоснованием вашей гипотезы. Я созову межправительственную конференцию. Имейте в виду, что реакция будет крайне скептической.

– Понимаю, овер-коммандер.

– Вы готовы ответить на главный вопрос: как они выжили в Койперовской битве?

– Очевидно, перед самым столкновением они отбросили главные двигатели. Наши снаряды были нацелены на двигатели и уничтожили только их.

– А как корабли потом затормозились без двигателей?

Грин беспомощно развёл руками.

– Тут можно только гадать. Скорее всего, магнитными парашютами в облаке плазмы, которое образовалось при взрыве. Окончательно – гравитационным или атмосферным манёвром у Юпитера. Но это всё...

– Это всё только догадки. Ясно. Постарайтесь обосновать их как можно лучше. Напишите самый убедительный доклад в вашей жизни, док Грин. Задача ясна? Можете идти.

– Да, овер-коммандер, – Грин повернулся к двери, но замер на полуобороте. – Прошу прощения, но...

– Да?

– Овер-коммандер, вы действительно верите, что какой-то доклад сможет переубедить вождей Марса и Луны? Что они поверят в угрозу и согласятся... опять подчиниться?

– Да, это наивно – надеяться, что они так просто отдадут свою... независимость, – Янг будто выплюнул последнее слово. – Но когда-то же, на Старой Земле, это получилось? Индокеания, Амеропа и Пацифика объединились, чтобы создать Космофлот? Ну, а если нет... – лицо овер-коммандера напряглось. – Я готов и на силовые действия. Мы объединим колонии, хотя бы они этого или нет – ради их же спасения. Когда чужие вернуться – они встретят единое человечество. И возрождённый Космофлот. Идите, док Грин.

И Максвелл Янг отвернулся к пылающему небу Венеры.

Часть первая: Дебют

Эпизод мухи

Это был третий зарегистрированный объект за апрель – совершенно заурядная десяти-метровая силикатная глыба. Спутниковый телескоп Службы антикинетической обороны заметил его уже внутри лунной орбиты, за несколько часов до столкновения с Землёй. Вычислительная сеть САО немедленно рассчитала параметры движения и орбиту, сделала вывод, что никакой угрозы метеороид не представляет, занесла его в каталог под обозначением 2481 HN₁ и благополучно удалила из стека заданий.

Если бы данные попали к специалисту, он наверняка заметил бы, что афелий орбиты метеороида находится в зоне астероидов-кентавров, и что он прошёл афелий десять лет назад – как раз тогда, когда у кентавров наблюдалась аномальная кометная активность. В те годы даже серьёзные астрономы поговаривали о возвращении аквилиан... Но компьютеры САО не были запрограммированы проводить такие сопоставления, а специалистам было не до того, чтобы отслеживать каждый падающий на Землю камень. И HN₁ остался незамеченным.

Под низким углом он вошёл в атмосферу над ночной Атлантикой, окутался факелом раскалённого воздуха, вытянул за собой шлейф горящих обломков. В 70 километрах над мелководьем бывших Нидерландов последние ключья абляционной оболочки догорели и обнажили обтекаемый, докрасна разогретый корпус планёра.

В его форме, подчинённой универсальным законам аэродинамики, не было ничего «инопланетного»: тупоносый конус фюзеляжа, стабилизаторы, дельтавидные крылья. Когда планёр сбросил скорость до субзвуковой, он раскрыл створки днища и выронил на землю Европы первый зонд, похожий на яйцо с кинжалообразным выростом.

Выбросив десяток зондов, планёр вошёл в пике и самоуничтожился ударом о землю к востоку от руин Самары. Короткий взрыв озарил ночную полупустыню, не замеченный никем, кроме мышей и сольпуг.

Так окончил жизнь первый инопланетный аппарат на Земле. Но основная часть миссии только начиналась.

Выброшенный планёром зонд вонзился в грунт утяжелённым лезвием кинжала. Как только вибрация утихла, защитная скорлупа яйца начала раскрываться и разваливаться. Медленно, словно распускающийся бутон, разворачивались нежные лепестки солнечных панелей, волосатые усики сенсоров. Когда над полупустыней занялся рассвет, разведывательный зонд был готов к работе.

Первая муха, привлечённая необычным резким запахом, села на чёрный пушистый ус. Приклеилась. Слишком поздно рванулась взлететь, впустую затрепыхалась. Ус неторопливо обвил её, микроскопические пасти на концах пушинок впелись в эпителий. Кусочки мушиного тела по капиллярам побежали в глубину зонда – в автоматическую лабораторию. Через несколько часов муха перестала существовать, а в память аппарата легли первые мегабайты данных. Миссия началась.

Рианнон. Прибытие

БАЗА РИАННОН – КОРАБЛЮ

2481/07/30 22:14:02

Запрос: О роза ты больна во мраке ночи бурной

КОРАБЛЬ – БАЗЕ РИАННОН

2481/07/30 22:14:03

Ответ на запрос: Разведал червь тайник любви твоей пурпурной¹

БАЗА РИАННОН – КОРАБЛЮ

2481/07/30 22:14:04

Извещение: Вы пересекли границу 300-мегаметровой сферы контроля Колонии Рианнон

Предупреждение: Данным курсом вы войдёте в 50-мегаметровую сферу безопасности

2481/07/31 05:01:43

Извещение: Несанкционированный вход в сферу безопасности будет считаться агрессией против Колонии Рианнон и Плеромы

Запрос: Является ли Колония Рианнон вашим пунктом назначения?

КОРАБЛЬ – БАЗЕ РИАННОН

2481/07/30 22:14:05

Ответ на запрос: Да

БАЗА РИАННОН – КОРАБЛЮ

2481/07/30 22:14:06

Предписание: Запрашивайте разрешения на любые коррекции орбиты

Запрос: Идентификационные данные

Запрос: Перечень вооружений

Запрос: Цель посещения

КОРАБЛЬ – БАЗЕ РИАННОН

2481/07/30 22:14:08

Ответ на запрос «Идентификационные данные»:

Название – «Султан Демонов Азатот»

Тип – пилотируемый корабль прямого межпланетного сообщения

Владелец – Объединённый Космофлот

База приписки – Колония Эрикс / Венера

Производитель – Wyvern Industries

Серийный номер – ВЗК

Капитан – м-р Тангейзер [NAV] Варгас

Ответ на запрос «Перечень вооружений»:

Гамма-лазерная бомба «Xpear Light»

2 УФ-лазерных 20-МВт эмиттера «Shinigami»

4 спаренных 86-мм скрэм-пушки

8 ракет «Сферомахия»

Ответ на запрос «Цель посещения»: Дружественный визит

Глава делегации – д-р Зара Янг

БАЗА РИАННОН – КОРАБЛЮ

2481/07/30 22:14:11

Извещение: Идентификация подтверждена

Извещение: Рассматривается решение о вашем допуске в сферу безопасности

Предписание: Не меняйте орбиту

– Док Ллойд! Срочное, – мягко прозвучал баритон программы-даймона в голове Гвинед

Ллойд. – «Султан Демонов Азатот» вошёл в «жёлтую» сферу.

Доктор Гвинед Ллойд, прайм-администратор Колонии Рианнон, исполнительный директор компании «Рианнон Биосервис», глава исследовательского центра «Рианнон Нейролаб», прайм домена Ллойд, покоилась в кресле посреди рабочего кабинета.

¹ Вильям Блейк, «Большая роза». Пер. В. Потаповой.

Как и все помещения в Рианнон, кабинет был неправильной пещерообразной полостью. Плоским в нём был только пол – настил из шахматных чёрно-белых плит. Неровные стены из ноздревато-серого камня плавно переходили в такой же потолок-купол. Интерьер был строго минималистическим, во вкусе Ллойд. Никакой мебели, кроме кресла, обитого лаково-чёрной кожей. На стенах – никаких обоев и украшений: лишь решётка вентиляции, пожарный датчик да три консоли с камерами наблюдения (камеры красные: частное пространство, видео в ограниченном доступе). Посреди потолка светился матовым дневным светом круглый плафон диффузора световода. По земным меркам, в полости стоял полумрак, но для огромных светочувствительных глаз рианнонки – самая норма.

– «Азатот» вошёл в «жёлтую» сферу, – повторила Гвинед Ллойд глубоким грудным голосом. Её тон был равнодушен с оттенком лёгкого недовольства. – И что? Это важно?

Гвинед находилась в кабинете одна, отключила все свои ауры, и её бледное тело не было скрыто ни реальным, ни иллюзорным одеянием. Это была стройная сорокалетняя женщина с высокой грудью, тонкими руками и острым, резко очерченным лицом в рамке прямых волос цвета воронова крыла. Прозрачно-зелёные глаза смотрели холодно. Голову охватывала серебристая диадема антенны. На лбу сквозь кожу рельефно проступал квадратик импланта – именно через имплант сейчас общалась с мозгом Гвинед программа-даймон.

– Да, это важно, – подтвердил даймон. – На корабле находится Зара Янг. Прикажете вызвать на связь?

Гвинед нахмурила тонкие брови.

– Зара Янг?

Да, вот это была действительно важная новость.

Новость, требующая быстрой, но обдуманной реакции. И пришедшая в самый неподходящий момент.

Политическое положение Рианнон было сложным.

После Войны за независимость, когда Луна и Марс отпали от Космофлота, некоторые колонии остались ему верны. Союз лоялистов стал называться Плеромой². В этот союз вошла и Колония Рианнон – хотя не всем рианнонцам это понравилось.

С тех пор прошло почти шестьдесят лет. Рианнон сохранила верность Плероме, но верность ненадёжную и сомнительную. Фракция сторонников независимости была весьма влиятельна и беспокойна. Она неустанно мутила воду.

Очередной мятеж сепаратистов произошёл год назад. Сторонники независимости на короткое время захватили власть, но фракция плеромистов, как обычно, оказалась сильнее. Верные Плероме домены при поддержке десанта с Венеры подавили мятеж. Последовали чистки и перестановки. Службы внешней и внутренней безопасности – экстрагард и интрагард – были укомплектованы венерианами, и во главе их обеих встал венерианин, вечно угрюмый и обиженный на весь свет полковник Прасад. Ну, а чтобы это не выглядело слишком явной оккупацией, Венера позволила Совету выбрать прайм-администратором – главой колонии – Гвинед Ллойд, одну из самых известных и уважаемых рианнонок.

Несмотря на юный возраст, Гвинед уже была к тому времени видным учёным. Она посвятила жизнь нейронике и добилась в этой науке немало. К политической карьере она не стремилась. За несколько лет до мятежа плеромисты с трудом уговорили Гвинед возглавить их фракцию – в основном, чтобы самим подняться на её авторитете. Гвинед и сама разделяла взгляды плеромистов, и пока дело сводилось к речам в Совете, роль не доставляла ей неудобств. Когда сепаратисты подняли свой мятеж и захватили власть, всё стало хуже. Ей даже пришлось посидеть под арестом как «агенту влияния Эрикса». Но вскоре сепаратистов раз-

² Pleroma (др.-греч. «полнота»), термин из учения гностиков. В данном контексте можно перевести как «единство высших сил света». – Прим. автора.

били, «агенты влияния» в одночасье превратились в правительство, и новый Совет избрал Гвинед главой.

Ей этого совершенно не хотелось – Гвинед наелась политики досыта. Но венериане чуть ли не физическими угрозами заставили её принять должность. Поначалу Гвинед надеялась, что должность будет номинальной, и все дела возьмёт на себя Прасад, но ей не позволили и этого. Пришлось управлять Колонией по-настоящему, и работа оказалась невероятно хлопотной и неблагодарной. Гвинед совсем забросила любимую науку и всё своё время отдавала делам управления.

«И хоть кто-нибудь, не считая профессиональных подлиз, сказал спасибо?» – часто спрашивала она себя. Наоборот! Чем больше Гвинед надрывалась на благо Рианнон, тем популярнее становилась оппозиция – недобитые сепаратисты во главе с Кадваллоном Арауном. Осведомители давно доносили, что на предстоящем Совете оппозиция готовит какую-то гадость – чуть ли не новый мятеж. Да что там оппозиция! Даже среди плеромистов у неё было полно ненавистников. Некий Мирдин Маур, больной на всю голову конспиролог, забил весь Солнет разоблачениями её коварных планов установления диктатуры – и ведь многие принимали его всерьёз.

И вот теперь ещё, в довершение всего, ей на голову свалился неожиданный пассажир с Венеры.

Да ещё *такой* пассажир.

– Отчёт по «Азатоту», – устало распорядилась Гвинед.

Даймон послушно вывел в её поле зрения стереофотографию корабля и краткую сводку данных.

«Султан Демонов Азатот». Один из «большой тройки» мощнейших межпланетников Космофлота. Вперёд по курсу – тормозя – извергалась из магнитного сопла реактивная струя белого пламени. Она ослепительно отражалась в диске тонкоплёночного рефлектора, который защищал корабль от теплового излучения струи. За рефлектором тянулась стометровая, оплётённая толстой спиралью соленоида, труба термоядерного реактора-пробкотрона, крестовины радиаторов, шары топливных баков. Дальше тонкий центральный ствол ветвился антеннами и пусковыми фермами боевых ракет. На самом носу крутилась гантель жилого модуля. Судя по элементам орбиты, до тесного сближения с Колонией кораблю оставалось восемь часов.

То, что «Азатот» два месяца назад стартовал от Венеры, что он везёт делегата на Совет, давно все знали. Но оказалось неприятным сюрпризом, что делегат – сама Зара Янг.

Дочь Максвелла Янга, всесильного правителя Эрикса, гегемона Плеромы, главнокомандующего тем, что осталось от Космофлота. Доверенный помощник и вероятный наследник. Насколько её знала Гвинед – девушка способная и энергичная, но не в меру избалованная своим влиянием и известностью.

Только сейчас Гвинед вспомнила, что в последние два месяца Зара совершенно исчезла из новостей светской хроники. (Она не следила за светской хроникой – но в обычное время просто некуда было деться от сплетен о Заре Янг). Только сейчас, запоздало, Гвинед поняла, что должна была сразу насторожиться. «Сводка медиа о Заре, – торопливо приказала она даймону, – июнь-июль». Вспыхнул кричащий заголовок интервью какому-то таблоиду – «ЗАРА ЯНГ: Я СПЛЮ ТОЛЬКО С ПЛЕРОМИСТАМИ». Цитата раскрывалась в выноске: «Я сплю только с плеромистами. Нет, правда. Чем больше вы сделали для объединения Солсистемы – тем больше у вас шансов оказаться в постели со мной»... Зачем она читает эту чушь? Досадуя на себя, Гвинед потребовала рассортировать сводку по рейтингу источников. Только теперь наверх всплыло что-то содержательное: «с мая этого года учится пилотированию», «проходит лётную практику» – вот только не сказано, на каком корабле. Что ж, теперь выяснилось, на каком.

Зара не была ни другом, ни врагом Гвинед. Они не встречались в реале, а по Солнету общались редко и исключительно официально. Но согласно всем правилам Гвинед, как глава Рианнон, должна была узнать о визите гораздо раньше. То, что её не предупредили, что застали врасплох, могло означать лишь одно.

Визит направлен против неё.

Венера ей больше не доверяет.

– Дай разрешение кораблю на парковку и наладь видеосвязь, – приказала даймону Гвинед. Затем короткой мыслекомандой вызвала в окно связи собственное изображение, включила официальную ауру – белый нимб вокруг головы, сделала уверенное лицо.

БАЗА РИАННОН – КОРАБЛЮ

2481/07/30 22:21:25

Извещение: Вам разрешён вход в сферу безопасности

Извещение: Вам разрешена парковка на расстоянии не менее 500 км от центра масс Рианнон-Р2 в плоскости вращения

Предписание: Установить широкополосную связь по протоколу CSP

Предписание: Вызвать главу делегации на связь

– Док Янг на связи, – доложил даймон. – Лаг одна секунда.

Перед глазами Гвинед – там, где только что висела фотография корабля – возникло два окна. Левое пока пустовало, в правом Гвинед видела себя: твёрдое, волевое, невозмутимое лицо, медленное кружение кольца ауры.

– Начало сообщения, – заговорила она. – Рада вас приветствовать у Рианнон, док Янг. Несколько неожиданно. Мне говорили, что на Совет летит командер Халид. Что-то изменилось? Конец сообщения.

Левое окно замигало, и в рамке появилась Зара Янг. Смуглая синеволосяя красавица с миндалевидными кошачье-золотистыми глазами и сложенным в лёгкой улыбке превосходства ртом. Сейчас она явно старалась выглядеть как настоящий офицер Космофлота: форменный чёрный дзентай сверкает всеми регалиями, лазурные волосы разделены идеальным пробором.

– Приветствую, док Ллойд, – с отцовской вкрадчивой интонацией заговорила Зара. Голос был артистически мелодичен, с лёгким придыханием (Гвинед он всегда казался манерным). – Да, папа решил послать вместо Халида меня. Повысить уровень представительства. Маленький знак внимания вашей колонии и вам лично, – девушка завершила фразу лукавой улыбкой, от которой Гвинед передёрнуло.

– Я польщена, – холодно сказала Гвинед. – Но зачем же было скрывать это до последнего?

Голос Зары тоже похолодел.

– Затем, что мой визит – не просто визит вежливости. Венера не стала бы посылать «Азатот» и тратить килограммы гелия-3 только для того, чтобы я гордо отсиживала зад у вас в президиуме. Мне доверена миссия исключительной важности и исключительной секретности. Такой секретности, что одним её упоминанием я уже нарушаю режим.

– Вы меня заинтересовали.

– Ещё бы! Да вы подождите. О самом интересном будем говорить *не* по радио. Подготовьте мне апартаменты на двоих с тихой комнатой, – властно распорядилась Зара. – А теперь до связи, – её окно погасло.

– До связи, док Янг, – по инерции проговорила Гвинед.

Она перевела дыхание, вытерла пот со лба. Кажется, её не собирались отправлять в отставку?

Эпизод в циклере

В небольшой сферической полости тихо и полутемно. Лишь еле слышно шелестит вентиляция, да мягко светятся глифы на мониторах контроля. Сейчас – середина ночи по условному бортовому времени циклера «Нефер».

У стены, приклеившись к магнитной рамке магнитами на пояснице, спит мастер Тэм [MED] Петерсен, санитар.

Он расслабленно висит в невесомости, поджав ноги к животу в позе эмбриона. Маленькое тело туго обтянуто тёмным эпидермособирающим комбинезоном-дзентаем. Руки и плечи бугрятся мышцами, зато ноги – худые, почти без мускулов: Тэму почти никогда не приходится ни ходить, ни стоять.

Тэм – нульграв. Он генетически и эмбрионально модифицирован для жизни в невесомости. Безгравитационные полости жилых астероидов – его естественная среда. Внешне, впрочем, никаких отличий от стандартного человеческого облика не видно. Лишь если снять с Тэма дзентай, окажется, что на его теле почти нет волос: лёгкая коррекция генотипа – для меньшей нагрузки на сантехнику.

Тэм – биосинт. Он зачат в пробирке, выношен в искусственной матке-утерине и рождён специфическим выдавливанием через имитатор родовых путей. Его серия получилась удачной, и клоны Тэма выпускаются до сих пор. Это ни в коей мере не делает его неполноценным: таким же путём появляется на свет большинство космиков.

Тэм – нейтрал: это его пол. Внешне он³ выглядит скорее как мужчина, и выделение отходов организовано по мужскому типу – так удобнее в невесомости. Но гормональный фон женский – это лучше подходит к характеру его работы.

Тэм – воркмод. Он любит свою работу – обслуживание пациентов на госпитальных циклерах; работу, к которой его начали готовить ещё на стадии проектирования генома.

Тэм – член гильдии MED, которая произвела его на свет и дала образование, и пожизненный сотрудник корпорации «СтарФаб», которая всё это оплатила. Его это не тяготит. Он гордится своей должностью и до глубины души предан «СтарФабу», гильдии и Церере.

Тэм немолод. Ему под семьдесят, позади полжизни. В его послужном списке около двадцати рейсов на циклерах – небольших астероидах, наматывающих эллипсы между орбитами Цереры, Марса, Венеры и Земли. Ещё полсотни миллизвертов дозы – и на пенсию. Заработал он за свою жизнь достаточно, чтобы завести ребёнка – тоже биосинта, естественно. Клона, для которого донором ДНК послужит сам Тэм или один из его семейных партнёров (да, у Тэма есть семья). А может, даже и не клона, а конструкта с индивидуально скроенным геномом. Это намного дороже – но рейс на «Нефере» Тэму оплатят по тройной ставке – как-никак, военная операция. А война может и затянуться: ещё три-четыре таких рейса – и его сбережения удвоятся.

Что это за война? Об этом Тэму известно мало. Ведь он всего лишь гильд, человек узкой специализации – «мастер», а не «доктор». Он отлично разбирается в своём деле, имеет кое-какие хобби, но сверх этого не знает и не хочет знать ничего.

Что знает Тэм?

Что владелец «Нефера» – марсианская колония Сильвана.

Что Сильвана вместе с лунной колонией Фламарион составляют Дуэт – альянс двух сильнейших независимых от Венеры колоний Солсистемы.

³ В английском языке XXV века для нейтралов и андрогинов есть специальное местоимение – «se». Но по-русски неудобно писать «оно сказало», «оно подумало» – читателю представлялось бы какое-то потустороннее существо, а не обычный человек с понятными мыслями и чувствами. Поэтому приходится использовать мужской род. – Прим. автора.

Что сейчас «Нефер» движется к астероиду Рианнон и долетит через месяц. А зачем летит? Официально – везёт инвалидов на биопротезирование. Зачем на самом деле – Тэму знать не положено, но тут и дурак поймёт: освободить Рианнон из-под власти венериан. Недаром же все инвалиды как один – милитанты, а временные механопротезы у них нестандартной, незнакомой Тэму комплектации...

А зачем воевать с венерианами? Да затем, что они – ненасытные агрессоры и враги человеческого рода, что Максвелл Янг, безумный правитель Эрикса, до сих пор не смирился с падением тирании Космофлота и мечтает вновь подчинить независимые колонии.

Остальное покрыто туманом. При желании Тэм, конечно, найдёт в сети какие угодно сведения. Ответ на запрос придёт не сразу – до ближайшего сервера Солнета около пяти световых минут, – но можно заглянуть и во внутреннюю медиатеку циклера, там тоже хватает регулярно обновляемых данных.

Другое дело, что всё это Тэма не касается и совершенно ему не интересно.

Он резко открывает глаза. В каюте загорается свет, и становится видно, что пастельно-жёлтые стены увешаны его личными вещами. Тут и награды, и сувениры, и пластиковые 3Д-иероглифы (трёхмерная каллиграфия – одно из его хобби). Становится видно, что кожа Тэма бледна, а голый череп охвачен диадемой антенны...

Тэм проснулся не сам. Его разбудил сигнал – пришла какая-то важная информация по подписке. «Солнет, “Церера Таймс”, текстовое сообщение», – информирует его даймон.

Тэм отдаёт мыслекоманду загрузить сообщение, и текст появляется перед его глазами.

ЗАРА ЯНГ ПРИБЫЛА В РИАННОН

Как это повлияет на исход выборов?

В начале сентября в Совете Колонии Рианнон состоятся выборы прайм-админа. Официального списка претендентов нет – согласно уставу Колонии, любой член Совета может выдвинуть свою кандидатуру в начале заседания. До последнего момента ставки на выигрыш наиболее вероятных кандидатов были таковы:

Гвинед Ллойд – 73 %

Кадваллон Араун – 18 %

Кто-либо другой – 9 %

Но ситуация изменилась, как только к Рианнон прибыл венерианский корабль «Азатот». Выяснилось, что на корабле находится Зара Янг – дочь эриксиянского прайм-админа и оверкомандера Космофлота Максвелла Янга. До последнего момента это скрывалось. Букмекеры сразу подняли ставку на лояльную Венере Ллойд до 86 %, а ставку на сепаратиста Арауна понизили до 10 %...

Чем дальше Тэм читает, тем шире расплывается в улыбке.

Шансы Кадваллона Арауна упали до 10 % – разве это не прекрасно? Ведь чем меньше ставят на Арауна, тем больше выигрывают те, кто на него ставил.

Если всё пойдёт так, как предполагает Тэм, то команда «Нефера» вышибет венериан из Рианнон, приведёт к власти оппозицию во главе с Арауном – и Тэм получит на свою ставку десятикратный выигрыш.

Тогда его семья, пожалуй, сможет позволить себе и двоих детей!

Сказка о запретном городе

Когда-то здесь стояла Москва, великий город кафиров. Была она полна зла и нечестия, и столь великого соблазна, – рассказывал по пятницам имам, – что многие нетвёрдые мусульмане стремились в неё, чтобы предаться кафирским порокам. Забывали истинную веру, впадали в безбожие, смеялись над старшими, отталкивали бедных и слабых. Мусульманки ходили по

улицам неприкрытые, накрашенные, полуголые, – раздувая волосатые ноздри, вещал имам, – а потом ложились в постель к кафирам. Страшный грех царил на Земле! Вот за что Аллах милостивый, милосердный разгневался и огненными копьями поразил мир, как прежде разил Содом и Гоморру, и адитов, и самудитов, и фараона, и многоколонный Ирам. Так погибла Москва и все люди в ней.

А потом прилетели с небес гоги и магоги.

Кто из них гоги, а кто магоги, Саид не знал. Толком не знал даже имам. Дедушки в чайхане любили посудачить на эту занятную тему. Большинство соглашалось, что гоги – это те, что выглядят как люди, а магоги – полулюди: потомки тех, кто путался с ифритами, всякие великаны и другие уроды. Саид же подозревал, что с ифритами путались и гоги: уж больно все были рослые, румяные и откормленные – пышущие здоровьем так, что казались какими-то хищниками; скорее пугали, чем вызывали зависть.

По-настоящему они назывались «космики», и Саид знал, что все они (ну, может, кроме самых уродов) – потомки обычных людей. Просто перед самым Гневом Аллаха они смылись в космос и пересидели там самое страшное. С тех пор прошло неведомо сколько лет. Но и до сих пор наземники – потомки тех, кто остался на Земле и принял Гнев смиренно и бесстрашно – жили наособицу от космиков, почти с ними не водились, да и вообще едва считали за людей.

Колония космиков – Новая Москва – располагалась довольно далеко от махаллы Науруз, родного квартала Саида. Бывало, они с пацанами забирались на старую водонапорную башню и глазели в чей-то электронный бинокль на город гогов-магогов. Весь он был в садах, с зеркально-прозрачными домами, бассейнами, воздушными машинами. Но пацаны глазели всё больше на женщин – те, бывало, летом ходили по улицам совсем голые. Потом у костра на пустыре пацаны любили похвастаться, как развлекались с космичками: один имел двоих зараз, другой пятерых. Поначалу Саид даже думал, что только он один врёт от первого до последнего слова.

Но Саиду Мирзаеву было двенадцать лет, и его пока ещё интересовали не только женщины. Любил он поглядеть и на военную базу, и на космодром – как с громом, сотрясающим землю, поднимаются самолёты-кэрьеры, осёдланные гладкими белыми шаттлами; как в струях горячего марева садятся шаттлы; как расхаживают увешанные оружием великаны-милитанты, снуют роботы, катаются грузовики – гигантские тягачи для буксировки кэрьеров, рефрижераторы с цистернами криотоплива...

Все эти слова – «шаттл, кэрьер, рефрижератор» – с важным видом объяснял Байрам Ходжаев, единственный в их компании ученик космиковской благотворительной школы. Его семья, хоть и довольно уважаемая, как-то уж слишком старалась выслужиться перед космичками. За это Байрам частенько бывал пацанами бит, но его рассказы о жизни гогов-магогов все слушали затаив дыхание. Саид даже подозревал, что Байрам, возможно, единственный не совсем врёт про то, как лапал космичек-учительниц.

Самого Саида родители и близко не подпускали к школе. Отец, Малик Хамид-оглы, пожилой чернобородый владелец чайханы, считал, что изучать кафирскую науку – и само по себе грех, да и для будущего чайханщика дело совсем ненужное. Ходит мальчик дважды в неделю в мектеб при мечети, учит там основы веры, арифметику, русский и английский языки – и хватит с него. Нельзя сказать, чтобы и самого Саида сильно тянуло к знаниям. Ничего бесплатного в мире нет, уж это он усвоил твёрдо. Так что наверняка за космиковской благотворительностью скрывался какой-то тёмный замысел: заманивают детей, а потом режут на органы, насилуют или приносят в жертву шайтанам.

И всё-таки мир гогов-магогов притягивал как магнит. Попасть в Колонию было невозможно. Мешал не забор – его Саид перемахнул бы в два счёта – мешали магические красные плакаты в ста метрах от забора. «НЕ ХОДИТЬ: БОЛЬНО», – предупреждал плакат словами и картинками. И правда, шагнёшь за волшебную черту – вся кожа вспыхнет, будто кипят-

ком обваренная; а отбежишь с воем, и тут же пройдёт. Так что если хочется космиковских вещичек – иди на пустырь к Южным воротам. Посидишь полчаса, дождёшься, когда выедет мобиль – тут-то и беги за ним, пока дыхания хватит, ори во всё горло: «Док, хелло, мани, сувенир!» Раз на раз не приходится, но могут и бросить шоколадку или деньги, а то и вовсе драгоценность: электронную игрушку. И тут уж будет одна забота – хватай и уноси ноги, пока не отняли старшие пацаны.

О том, чтобы попасть внутрь, Саид и не мечтал. Внутри не бывал никто из знакомых семей. Один только Бабаджан Галимов, самый уважаемый человек в Рабате, хозяин Галимовского базара, имел право напрямую торговать с космиками – вот он-то бывал у них каждый день. Но это был такой большой человек, что ездил в золочёной машине, имел отряд нукеров, дворец с фонтанами, зиндан для должников, и на свои деньги содержал общественную баню. Разве мог Саид всерьёз думать, что сможет ему в чём-то уподобиться?

Но всё-таки однажды в Колонию попал и Саид.

Всё началось в четверг, 3 сафара 1917 года Хиджры, в руинах Старой Москвы.

Древняя столица кафиров, непомерно огромная – целая страна, а не город – начиналась в километре к югу от махаллы Науруз, за овечьим выгоном. Хоть и не защищённая никакой волшебной оградой, Старая Москва была для Саида столь же запретной, как Новая.

Город, прогневивший Аллаха, населяли джинны и призраки (так пугали его родители в детстве), разбойники, собаки и ядовитые змеи (так стали говорить, когда Саид подросток). Но его и без этих страшилок не слишком тянуло в Старую Москву. По рассказам бывавших там людей, ничего интересного в руинах не было. Легенды о сокровищах Алмазного фонда и Оружейной палаты до сих пор притягивали кладоискателей, но уже много лет никому из них не улыбалась удача...

Вряд ли Саид пошёл бы в руины, если бы его не заманил лучший друг, Хафиз Халиков.

Накануне того рокового четверга Хафиз подошёл к нему на перемене в мектебе, с таинственным видом отвёл в сторонку и показал сокровище: прозрачный округлый камешек с вишню величиной.

– Брат принёс из Старой Москвы, с охоты, – гордо сказал Хафиз. – Их там целая река, таких камней. Я у него выпросил дорогу. Пошли завтра со мной!

Саида одолевали сомнения.

– Что же твой брат не набрал там мешок? Разбогател бы.

Хафиз пренебрежительно махнул рукой.

– Да он, кроме своей охоты на собак, и знать ничего не знает. Думает, это стекляшка. Пошли! А не хочешь, и без тебя найду с кем сходить, – он поглядел на Саида с прищуром. – Или боишься?

Этот вопрос решил дело. Следующим утром Саид торопливо надраил пол на террасе чайханы, отпросился у отца погулять (отец даже не спросил, куда – врать не пришлось) и покатил на велосипеде к месту встречи, на пустырь у Южных ворот. Хафиз уже ждал на своём велике. Он оказался предусмотрительным – захватил бутылку воды и какую-то нацарапанную от руки карту. Друзья выехали из Рабата на бывшее Дмитровское шоссе и покатали на юг.

В своё время огненные копыя Аллаха сожгли асфальт шоссе, а дожди и зимы довершили разрушение. Древняя дорога давным-давно превратилась в расплывшийся травянистый вал. Но по нему шла удобная колея, накатанная мобилиями археологов из Новой Москвы, и ехать по ней было удобнее, чем по степи. Скоро Саид и Хафиз миновали овечий выгон и въехали на окраину гигантского города.

Дома-башни сравнительно недавней постройки, высокие, просторно расположенные, ещё не успели до конца разрушиться. Их остовы из прочной карбокерамики обросли лишайником и птичьими гнёздами, над обломанными верхушками вились и галдели стаи птиц – но всё-таки эти дома ещё выглядели как дома. Дальше потянулись более старые районы, много веков

назад застроенные хлипкими бетонными зданиями. От них остались только бугры, заросшие полынью. Здесь Хафиз то и дело останавливался, чтобы свериться с картой. «Восемь кварталов на юг... – важно бормотал он (как будто себе под нос, но так, чтобы Саид слышал). – Три квартала на восток...» Наконец они наткнулись на речушку, что прорыла извилистый овраг сквозь бывшие кварталы. Притормаживая, вздымая клубы белой пыли, мальчики по дну сухого распадка съехали к реке. Та почти пересохла – галечник русла был едва смочен водой.

– Вот, – Хафиз с видом скромного торжества поднял плоскую гальку. – Видишь? Они тут все такие.

И правда – если отмыть камешек от пыли, он оказывался прозрачным. Река сокровищ! Саид присел, с восторгом перебирая гальки, набивая карманы самыми крупными и красивыми. Скоро он, однако, присмотрелся и ощутил горькое разочарование.

– Это стекло, дубина, – он чуть не ткнул очередную находку Хафизу в нос. – Видишь? Трещина. И пузырьки. Разве в камнях такое бывает? – Он бросил стекляшку наземь и с хрустом раздавил ногой. – Тут были дома со стеклянными окнами. Окна разбились, речка обкатала осколки. Тьфу! Поехали домой.

Хафиз схватил его за руку.

– Стой, где стоишь.

Саид замер.

Он тоже увидел собаку.

Жёлтая собака в чёрных подпалинах, тощая, вислоухая, стояла в десяти шагах и щерилась на них пасть в грязных сосульках бороды. Дикая собака. Самый страшный зверь в степи. Саид никогда не видел их так близко, но какой-то древний инстинкт подсказывал, что её поза – поза готовности к атаке. Зверь встретил его взгляд и глухо зарычал.

– Не бежим, – вполголоса сказал Хафиз, – спокойно отступаем. Брат говорит, они нападают только стаей. А в этом районе все стаи выбиты. Это одиночка. Наверное, тут её логово со щенками...

Они медленно пятились к распадку, по которому спустились сюда, не сводя глаз со зверя. Саид подобрал крупный окатыш. Вместо того чтобы испугаться, собака громче зарычала и потрусила в их сторону.

– А ну пшла! – Хафиз резко позвонил в велосипедный звонок. Саид швырнул в собаку окатыш, та с рычанием отскочила, но так и не обратилась в бегство. – Всё, идём! Мы её отогнали, теперь не набросится.

Мальчики развернулись и, ведя велики за руль, бегом пустились вверх по распадку. Хафиз бежал впереди и остановился так резко, что Саид едва не налетел на него.

– Что там?

– Стая, – выдохнул Хафиз. – Ах ты, шайтан...

Стая?

Да. Впереди, у выхода из распадка, их поджидали два пса. Серый и чёрный, оба крупнее той жёлтой суки. Почему они разного цвета, ведь в стае все родственники? – промелькнула в голове Саида бесполезная мысль. С грозным глухим рычанием серый и чёрный двинулись вперёд. В панике Саид оглянулся. Жёлтая сука наступала сзади, отрезав путь к отступлению. Ловушка. Справа и слева высились крутые склоны. Сейчас они погибнут, погибнут из-за кусочка стекла.

Не сговариваясь, друзья бросили велосипеды и полезли на правый склон – не такой отвесный, как левый. Хватаясь за кусты полыни и камни, ломая ногти в сухой земле, Саид карабкался вверх. Склон слишком крут для собак – но что, если стая уже поджидает наверху? Лучше об этом не думать. Саид добрался до верха. Он ухватился за куст на бровке склона, подтянул ногу, напрягся для рывка – и тут его что-то больно ужалило в ладонь.

Саид вскрикнул, и – будто укус его подстегнул – рванул вверх, вывалился на ровную землю. Хвала Аллаху, собак не было. Тяжело дыша, Саид посмотрел на то, что ужалило его.

Чёрный цветок торчал на самой бровке, возвышаясь над чахлыми кустиками полыни. Прямой стебель с утолщением внизу, раскидистый венчик листьев, глянцево-чёрных и странно чистых, будто кто-то отмыл их от пыли, невесомое облако пушистых волос, трепещущих на ветру. На пару шагов вокруг цветка ничего не росло. Площадка голой земли была усеяна высохшим добела собачьим дерьмом и костями каких-то мелких зверушек. Саид никогда не видел ничего подобного.

– Что это за хрень? – спросил он Хафиза. Тот тоже успел поднялся и валялся на земле, шумно дыша.

– Первый раз вижу, – Хафиз перевёл дыхание. Он больше не пытался строить из себя знатока Старой Москвы. Рука Саида болела, как от укуса осы, и на глазах краснела и вздувалась опухолью. Из центра красноты торчало блестящее чёрное жало... Жало цветка. Что же это такое творится? Саид попытался вытащить жало зубами, но оно сломалось, и острое ушло внутрь.

– Всё, пошли вниз за великами, – сказал Хафиз. – Собак нет. Дома иголкой вытащишь.

Действительно, собаки исчезли, будто провалились сквозь землю. Почему стая бросила добычу? Нечего думать, надо убираться отсюда. Мальчики спустились за велосипедами, вышли на шоссе и покатали домой. Вся охота к приключениям пропала. Опухоль на руке Саида не спадала, хоть он и приложил подорожник, и горела огнём.

Укус не прошёл и дома. Родителям Саид соврал, что ужалила оса.

Он попытался вынуть жало иголкой, но не смог – только расковырял ранку до крови.

Проклятый цветок оказался ядовитым. После обеда начался жар, и заболела голова. Покраснение и зуд распространились от опухоли на всю руку. Саиду стало совсем страшно – но не настолько страшно, чтобы признаться родителям во всём. Проще было тайком сходить в больницу, что в космиковской благотворительной миссии.

Отец как раз очень кстати послал его на базар – удачный повод уйти из дома. Саид снова оседлал велосипед и покатыл в сторону, противоположную базару – в благотворительную миссию.

Тогда Саид не мог и подумать, что не вернётся домой.

Рианнон. Воспоминание

– Зара.

– Что, папа?

– У меня к тебе разговор.

– Говори быстрее, папа.

– Торопишься?

– На благотворительный концерт. На первое отделение уже опоздала. Ещё немного – опоздаю и на второе, и это будет уже неприлично. Давай. Что ты хотел сказать?

– Концерт придётся пропустить. Разговор серьёзный. Сядь.

– Ну?

– Я хочу поручить тебе задание.

– Опять соблазнить какого-нибудь несчастного марсианского дипломата?

– Я сказал, сядь.

– О нет! Аквилианского дипломата?! И сколько у него щупалец?.. Ладно, ладно. Я села. Всё. Я настроилась серьёзно.

– *Надеюсь. Ты не ребёнок. Тебе уже тридцать шесть, четверть жизни позади. Довольно развлекаться. Пришла пора сделать нечто достойное Янгов. Нечто по-настоящему важное для Космофлота.*

– *Папа, ты меня обижаешь. По-твоему, я только развлекаюсь? Я пропагандирую наше дело везде, где могу.*

– *Есть вещи поважнее пропаганды на светских вечеринках. Ты ещё не в курсе, но Дуэт начал войну.*

– *Что?*

– *Фламарион направил к Венере два вооружённых до зубов циклера, «Санторо» и «Хольцман». Марс направил циклер «Нефер» к астероиду Рианнон. Это война. Сепаратисты шестьдесят лет орали: «Раздавить гадину» и наконец-то решились. Началась серьёзная игра, Зара. И она потребует предельного напряжения сил от всех нас.*

– *Что я должна сделать?*

– *Ты ничего не должна. Я не собираюсь ни к чему тебя принуждать. Если тебя пугает ответственность – только скажи и иди на концерт.*

– *Ты меня опять обижаешь, папа.*

– *Прости, моя девочка. Это я так... Я никогда в тебе не сомневался.*

– *Итак, что мне делать?*

– *То же, что и всегда. Говорить с людьми. Убеждать людей. Но на этот раз помнить, что от твоих слов зависит всё. И зависит самым прямым образом.*

– *Как-то неконкретно. Всё – это что?*

– *Будущее Эрикса. Будущее Космофлота. Будущее Солсистемы. Жизнь и смерть человечества. Ты готова взять на себя такую ношу?*

– *Готова, папа, готова. Хватит предисловий.*

– *Тогда прочти вот это.*

– *«Уроборос»? Что это значит?*

– *Червь, моя девочка. Червь, кусающий себя за хвост.*

Из архива. Доклад комиссии

26 сентября 2234 г.

Только для руководства штаба Объединённого Космофлота.

При признаках утечки информация дезавуируется.

Маячный сигнал на волне связи с зондом «Параллак-4» был принят телеметрической станцией в 2186 году. Сигнал достоверно повторялся и содержал астрометрические координаты движущейся точки в системе координат, привязанной к пяти стабильным пульсарам.

Область ошибок включала в себя карликовую планету Седна в облаке Оорта. Предварительные поиски сигнала от Седны на указанной в сообщении частоте не дали результата. Однако продолжительные наблюдения выявили, что диаграмма направленности сигнала указывает на область вне орбиты Земли, и уверенный приём был достигнут только со станции дальней связи на Церере.

Контакт состоялся и продолжается до сих пор. Поток информации со стороны Седны велик, но большая его часть нам непонятна. Причина непонимания заключается в невозможности декодировать сигналы различных протоколов. Перевести информационный поток в единый протокол без знания принципов его организации не представляется возможным.

Седной была предложена помощь в создании транслятора протоколов. Условием его исполнимости и функциональности была передача нами спецификаций на уровне микроядра процессоров и исполняемого кода ядра операционной системы, в которой предполагалась

инсталляция кода. Только после этого контактёр переслал бы нам принципиальную схему адаптера или подобного устройства и начал бы передачу.

Это требование не было принято, поскольку означало бы открытие сегмента нашей информационной сети для внедрения инопланетного кода с последующим непредсказуемым воздействием на остальные сегменты. Поскольку уровень развития математики и электроники наших собеседников заведомо выше нашего, никакая изоляция адаптера и компьютера с запущенным кодом уже не имела бы значения. Код нашёл бы лазейку в нашу информационную среду сам, помимо нас.

В то же время реакция контактёра на наши вопросы вызывает сомнения в его разумности, если понимать её как способность пройти тест Тьюринга. До определенного момента переговоров происходило накопление смысловых единиц, понятных обеим сторонам. Однако когда мы задали вопросы о природе системы передачи данных, об их источнике, а также о целях летящих к нам объектов, переговоры зашли в тупик. Всё большая часть вопросов получала стандартный ответ – «задайте вопрос в запрашивающем потоке, ждите ответа от полномочных представителей, я не имею достоверных знаний об этом. Поставить вопрос в запрашивающий поток (да/нет)?» В настоящий момент это единственный ответ на все наши новые вопросы. Кроме того, нам постоянно напоминают, что разъяснение можно получить, инсталлировав предложенный код в нашу вычислительную систему.

В ходе переговоров удалось узнать о самом контактёре и состоянии дел в Солнечной системе следующие факты:

1) Седна является местоположением промежуточного ретранслятора, но не самого контактёра. Доверительный интервал задержки превышает время на прохождение сигнала на передачу и приём, но имеет статистически достоверную, плавно нарастающую добавочную составляющую. Хотя это может быть и уловкой, но с таким же уровнем достоверности это указывает на объект в радиусе пяти световых часов от Седны, удаляющийся от неё со скоростью порядка гелиоцентрической круговой.

2) Статус контактёра – предварительный переводчик, вестник, приглашающий к полноценному контакту. Уровень компетенции – совмещение семантики языков общения на уровне фундаментальных терминов.

3) Система связи контактёра со своей цивилизацией – маломощные сигналы с системой неустановленной удалённости, предположительно через гравитационную линзу Солнца. Ответ от вышестоящего представителя контактёра правдоподобно замотивирован им как обещанный в весьма отдалённом будущем.

4) Технические подробности системы связи сводятся к понятиям «очень давно существует», «очень просто устроена», «не требует ремонта». Само понятие «ремонт» долго не удавалось согласовать. В конце концов Седна объявила его «не важным». Местоположение систем связи не известно контактёру. Вопрос переадресован «вышестоящим».

5) Причина, по которой Седна вышла на связь, и по которой состоялся запуск флота «аквилян», сформулирована так: «Вы, земляне, несёте опасность». Никаких разъяснений не последовало, для выяснения подробностей нам вновь предложили скачать код-переводчик.

6) Вопрос о личных данных контактёра вызвал обильные ссылки на передаваемые им пакеты информации. Данные пакеты характеризовались как «подробное описание давних событий». Пакеты очень велики (терабайты двоичного кода) и содержат, скорее всего, визуальную и параметрическую информацию. Однако неизвестен даже способ проверки контрольной суммы. В настоящее время пакеты начали повторяться. На продолжающиеся вопросы приходит стандартный ответ-отсылка и предложение скачать код.

7) Близкий контакт по каким-то причинам нежелателен для Седны. Контактёр утверждает, что он запрограммирован на самоуничтожение в случае прибытия нашего зонда или корабля.

Попытки расшифровать пакеты информации, передаваемые Седной, продолжаются. Информация заведомо не предполагалась к передаче как контактная, поэтому попытки разбить её на экраны на манер первого послания Аресибо были безрезультатны. Огромные последовательности знаков, повторяющиеся на очень длинных отрезках, дают намёк на то, что пакеты содержат много избыточной информации для трансляции её в протоколы, принятые у различных пользователей. Незнание нами языка или даже принципов составления кода делает попытки дешифровки заведомо бесплодными.

Сопоставление файлов Седны с недешифрованной инопланетной передачей, случайно перехваченной зондом GRAFFOS ещё в 2103 году, не выявило никаких статистически значимых совпадений.

Общение с Седной происходило посредством условного языка, составленного из понятий, переданных с нашей стороны. Попытки выяснить семантику языка контактёра сопровождались обычным предложением скачать код и обратиться к «вышестоящим».

Выводы

Деятельность человечества практически одновременно привлекла внимание двух представителей внеземного разума. Первый обнаружил наши действия космически заметных масштабов и выслал очень энергоёмкий объект в сторону нашего местоположения. Второй вышел на связь в тот момент, когда существование первого могло быть обнаружено нами. Хотя совпадение может иметь случайный характер, вероятность этого априорно невелика.

Комиссия не пришла к единой оценке риска, связанного с исполнением или неисполнением предложений контактёра по созданию компьютерной системы-транслятора. Большинство членов комиссии предлагает планировать дальнейшие действия, исходя из того, что Аквила и Седна оперируют в рамках взаимно согласованной стратегии. В этом случае предложение по закачке кода является частью стратегемы, нацеленной на экспансию потенциально враждебных программ и/или мемов в информационную среду человечества. Принятие предложения равносильно сдаче, отказ означает войну с неопределённым исходом.

Особое мнение выразил проф. Такахиро Эда, предложив исходить из противоположной гипотезы: Аквила и Седна представляют двух независимых и враждебных друг другу субъектов. Принятие этой предпосылки заставило бы оценить риск закачки кода как меньший по сравнению с риском отказа: закачка означает принятие покровительства союзника, отказ – войну в одиночку.

Ни гипотеза большинства, ни гипотеза Такахиро не имеет достаточной опоры в имеющихся данных. Вопросы типа «на чьей ты стороне» оказалось невозможным сформулировать в терминах согласованного с контактёром словаря понятий. Большинство комиссии считает саму эту неоднозначность признаком того, что никакой войны между инопланетными субъектами нет.

Рекомендации

Комиссия выработала компромиссный вариант ответа на предложение Седны. Он заключается в создании с нуля нестандартной аппаратно-программной системы-«песочницы», несовместимой ни с какими из действующих компьютеров и физически не приспособленной к обмену данными с внешней информационной средой. Подобная система может быть основана на концепции тотально обратимых (изоэнтропических) вычислений. Подозрительный код можно устанавливать в такой системе без риска вирусной утечки, поскольку любая попытка несанкционированного ввода-вывода привела бы (согласно теореме о невозможности копирования квантовых состояний) к необратимой потере информации, а следовательно, к производ-

ству энтропии и аварийному разогреву процессора. Трудности создания тотально изоэнтروпического компьютера высокой производительности велики, но принципиально преодолимы. Предварительная разработка соответствующего аппаратного обеспечения ведётся в рамках проекта «Уроборос».

Комиссия ожидает санкции Объединённого штаба на дальнейшие действия.

Рианнон. Встреча

Астероид Рианнон – километровая скала в форме помятой луковицы – светился мягким пепельно-серым отсветом далёкого Солнца. Там и сям на бугристой каменной поверхности поблескивали металлом купола оружейных блистеров, решётки антенн, зеркальные блюдца светоприёмников. От заострённой верхушки луковицы тянулась длинная прямая нить мерцающих огоньков – габаритные отражатели вдоль 450-километрового троса, что соединял Рианнон с чуть меньшим астероидом P2. Этот младший необитаемый партнёр Рианнон выглядел еле заметным светлым пятнышком. Связка с заметной скоростью вращалась вокруг общего центра масс. Вокруг этой пары висели мелкие огоньки спутников – они так медленно ползли по орбитам, что казались неподвижными: ретрансляторы, маяки, телескопы, боевые платформы, сборки контейнеров, ожидающих разгрузки в порту или отправки к внутренним планетам.

«Султан Демонов Азатот» приближался к колонии вперёд хвостом. Тонкая нить термоядерной плазмы – разогретые до миллионов градусов несколько граммов дейтерия и гелия-3 – скрывалась за бериллиевыми стенками в гигантском соленоиде реактора. В хвостовом магните плазма смешивалась с обычным водородом, текущим из баков, накаляла его и заставляла вырываться из сопла ослепительной струей. Светясь ярче далёкого Солнца, струя была вперёд по курсу. В семистах километрах от центра астероидной связки «Азатот» тормозил.

Гантель жилого модуля, моргая сигнальными огнями, безостановочно вращалась на носу корабля вокруг оси центрального ствола. На конце ствола торчала набалдашником мобильная пассажирская капсула – прямоугольный контейнер, обвешанный шарами топливных баков и параболоидами антенн.

В точно вычисленный момент капсула дрогнула и рывком отделилась от «Азатота». Из дюз боковых бустеров бесшумно выросли струи огня – бустеры уводили контейнер в сторону от громады материнского корабля. В то время как «Азатот» продолжал тормозить, капсула сохранила скорость, которую имела в момент отделения.

Капсула обгоняла «Азатот», двигаясь относительно него всё быстрее. Мимо проползли решётчатые сплетения ферм вокруг центрального ствола. Пролетели шары баков, каждый в несколько раз больше капсулы. Промчалась труба реактора в сплетениях охладительных труб и отростках радиаторов, промелькнула и померкла в пустоте реактивная струя. Оставив позади «Азатот», капсула приближалась к Рианнону.

Астероид, неразрывно связанный со своим противовесом P2, двигался по кругу, на глазах меняя фазы, со скоростью 600 метров в секунду – с точно такой же скоростью, с какой подходила к нему капсула «Азатота». Несколько раз вспыхнули дюзы двигателей коррекции – кораблик выравнивал курс. Рианнон – по окружности, а капсула – по касательной, быстро приближались к точке схождения траекторий.

Гвинед Ллойд и полковник Веспер Прасад наблюдали за прибытием капсулы из-за толстого стекла аванзала. Кольца и глифы официальных аур ореолами светились вокруг их голов. Гвинед, не одетая ни во что, кроме ауры, кривила тонкие губы в едва заметной улыбке. Прасад, на голову ниже Ллойд, смуглый эриксианин в форменном чёрном дзентае Космофлота, выглядел мрачно. «Явились на мою голову», – откровенно говорил взгляд глубоко посаженных глаз из-под густых бровей.

Космопорт располагался в самом низу астероида – то есть дальше всего от оси вращения – и, с точки зрения Рианнон, капсула «Азатота» подплывала снизу. Раскрытые стыковочные лепестки двух шлюзов капсулы – пассажирского и грузового – смотрели вперёд, между ними на борту алела роза Эрикса и золотился лучезарный щит Космофлота. Скорость сближения уменьшалась на глазах. В нескольких метрах от потолка причального дока капсула замерла, и тут стыковочные механизмы пришли в движение. Отделившись от потолка, многосуставчатые краны подхватили капсулу венчиками электростатических манипуляторов, приняли её, подтянули к стыковочному узлу. Защелкали замки, зашипела гидравлика, невыносимо тонко засвистел, выравнивая давление, воздух.

Пассажирский люк начал открываться. Яркий свет изнутри озарил полутёмный аванзал. Гвинед растянула губы в приветственной улыбке, её аура заиграла радугами и золотыми искрами. Грянул марш.

Запрос #2481073106/0 на регистрацию в интрасети Колонии

ID: 815204553251

Даймон: Genie Guard 5.16

Запрашиваемый статус: гость с правом ношения оружия

Личные данные пользователя:

Имя – Либертина Эстевес

Девпат – милитант

Дата рождения – 2447/09/19

Родители (производитель) – Рианнон Биосервис (филиал) / Колония Новая Москва /

Земля

Модификация – файтмод / хайграв

Гендер – женский

База – Колония Эрикс / Венера

Аффилиация – Частная служба безопасности / Семья Янг

Должность (статус) – телохранитель, лейтенант

Запрос #2481073106/1 на регистрацию в интрасети Колонии

ID: 814607624575

Даймон: Genie Pro 5.03

Запрашиваемый статус: VIP-гость

Личные данные пользователя:

Имя – Зара Мария Сюзанна Янг

Девпат – бланк

Дата рождения – 2445/03/04

Родители (производитель) – Лавиния Лакшми Шастри, Максвелл Янг

Модификация – бьютимод / хайграв

Гендер – женский

База – Колония Эрикс / Венера

Аффилиация – Аппарат овер-командера / Объединенный Космофлот

Должность (статус) – помощник овер-командера

Первой в проёме люка показалась лейтенант Либертина Эстевес – коротко стриженная девушка с простым круглым лицом и гибким, изящным телом танцовщицы. Под чёрным, кожисто блестящим дзентаем невозможно было различить ни миомерно-усиленных мышц, ни укрепленных суставов. Разве что кобура на поясе, рубиновый нимб ауры да быстрый цепкий взгляд выдавали её род занятий. Оглядев аванзал и ни на миг не задержавшись глазами на встречающих, телохранительница шагнула в сторону – пропуская свою госпожу.

Когда в люке появилась маленькая стройная фигура Зары Янг в синем дзентае, Прасад и Ллойд поспешили навстречу. За ними покатила тележка для вещей в сопровождении сервобота. Тележка направилась к грузовому люку, там сервобот принялся выгружать багаж. Зара, однако, оставила у себя в руке один из чемоданов – объёмистый металлический кейс, пристёгнутый цепочкой к её запястью. «Секретная миссия», – сразу вспомнила Гвинед. Белые кольца ауры вокруг синеволосой головы Зары загорались одно за другим, по мере того как её даймон загружал в интрасеть Рианнон всё новые личные данные.

– Док Янг!..

– Добро пожаловать в Рианнон, док Янг!

– Док Ллойд, полковник, – Зара выглядела слегка оглушённой резким выходом из невестомости, но её улыбка была бодрой, а рукопожатие энергичным. – Очень рада. Не будем терять время. Выключайте ваш оркестр, и поехали.

Девушка шагнула вперёд, качнулась и едва не потеряла равновесие. Телохранительница мгновенно подхватила её под локоть.

– Спасибо, Либи, – Зара мягко освободилась от поддержки. – В полёте отвыкла от нормального тяготения, – объяснила она. – Всё время под 0,1 g, на трёх оборотах в минуту. Вестибулярка успела привыкнуть к сильному кориолису, а у вас тут... – Зара не закончила фразу, остановилась и прикрыла глаза. – М-м. Можно идти помедленнее? Слегка мутит от того, что *не* чувствую вращения.

– Конечно, – заверила Гвинед. Они с Прасадом неторопливо вели гостей через просторный и пустой аванзал, мимо светящихся вывесок «Таможня», «Личный досмотр» и «Биологический контроль». Тележка катилась за ними, нагруженная чемоданами, но без кейса – тот по-прежнему был пристёгнут к запястью Зары. «Чего она боится? – подумала Гвинед. – Что мы его отнимем? Смешно». Безмолвная лейтенант Эстевес следовала позади как тень.

– Док Янг, – низким тяжёлым голосом заговорил Прасад, – я должен дать вам инструкции по безопасному поведению в Рианнон.

– А есть необходимость, полковник? – они подошли к концу аванзала. В стене гостеприимно открылась дверь лифта.

– Здесь много врагов Венеры, а вы известны неосторожным поведением. – Прасад отстранился, пропуская девушку в лифт.

– Мне нравится ваша бесцеремонность, полковник, но отложим инструкции на потом, – в лифте Зара со вздохом облегчения опустилась на диван. Хотя она двигалась медленно и осторожно, всё равно чуть не села мимо, и Либертине опять пришлось её подхватывать. Лифт бесшумно тронулся. – Ох. Надеюсь, видео не попадёт в сеть?

– Прямого эфира нет, – сказала Гвинед. – Но вообще-то предполагается, что ваш визит необходимо осветить. Конечно, передачи не будет, если не хотите.

Зара махнула рукой.

– Да ладно, показывайте. Пусть народ позубоскалит. Это же моя работа.

– Работа? – не поняла Гвинед.

– Ну да, громоотводом, – с непосредственной улыбкой пояснила Зара. – Знаете, такой вздорной избалованной принцессой, которая вечно попадает в нелепые положения. Строит из себя героя-космолётчика, а сама садится мимо дивана. Как можно всерьёз ненавидеть отца такой смешной дочери?.. Да, какие у нас планы? – сменила она тему.

– Сначала два часа отдыха, – заговорила Гвинед. – Потом...

– Нет-нет, без отдыха, – аура Зары засеребрилась иглами деловитой строгости. – Я на корабле два месяца маялась от безделья. Начнём с главного. В моих апартаментах есть тихая комната?

– Конечно, как вы просили.

– Вот и начнём с переговоров там. Ну а вы, – обратилась она к Прасад, – тем временем будете вводить Либи в курс дела.

– Простите? – из ауры над головой полковника поднялось серое облако недоумения.

– Ах, да. Забыла сказать. Лейтенант Эстевес – ваш новый временный глава интрагарда. Только на время моего визита, конечно. Личная рекомендация овер-командера, – девушка многозначительно подняла бровь. – За вами, полковник, останется только экстрагард, внешняя безопасность.

– Странно, что меня не предупредили, – Прасад старался не выглядеть оскорблённым, но голос слишком выдавал его. – Это знак немилости?

– О нет! – воскликнула Зара. – Не обижайтесь, полковник. Это только из-за меня. Когда речь идёт о безопасности Янгов, папа доверяет только самым близким людям. А главное... – она театрально понизила голос. – Нам предстоят жаркие дни, полковник. И по части внешней безопасности, и по внутренней. И вы, боюсь, просто не потянете всё в одиночку.

Прасад погрузился в угрюмое молчание. Гвинед решила из вежливости поговорить с самой Эстевес:

– Лейтенант, вас произвели в земном филиале нашей компании. Приятно, что вы до некоторой степени рианнонка. Но почему вам дали такое нестандартное имя? Не валлийское?

– Либертина? – Телохранительница как будто смутилась от того, что с ней заговорили. – Прозвище богини Венеры. Меня заказала Венера, домен Эстевес, имя входило в контракт.

– Но вы никогда не были в Рианнон, насколько я понимаю?

– Нет.

– Беспokoитесь, достаточно ли опыта у Либи? – Зара ласково взяла телохранительницу за руку. Их ауры на миг соединились золотой электрической дугой симпатии. – Да, недостаточно. Вот я и прошу ввести её в курс дела. Либи прекрасный специалист, поверьте, и схватывает всё на лету. Но вернёмся к программе визита. Переговоры в тихой комнате. Что потом?

– Обед у меня, – сказала Гвинед. – Втрoём, неофициальный. То есть нет... уже вчетвером. Лейтенант Эстевес теперь равна по должности полковнику Прасад и должна быть приглашена. Потом экскурсия по колонии, если хотите. А в девять вечера правительственный приём с банкетом и оргией.

Зара согласно кивнула.

– Отлично. Нельзя ли открыть стены? Хочу посмотреть, где мы едем. Кажется, моя вестибулярка пришла в себя.

Гвинед отдала мыслекоманду, и стены кабины стали прозрачными.

Лифт поднимался пологой спиралью Магистральной Бейт. Это была главная транспортная артерия Колонии, названная так по первой букве древнекельтского алфавита. Они ехали сквозь округлые, неровные, будто анатомические слепки, залы-полости, соединённые круглыми устьями. Стены в мелких ячейках формовочной сети были гипсово-белыми. Бледный солнечный свет лился из диффузоров световодов. Сверху и снизу, слева и справа в Бейт выходили устья пещер-ответвлений. Над ними пестрели вывески клубов, кафе, секс-сервисов, вывески: «Магистраль Феарн», «Гильдия [INF]: образовательный центр», «Домен Араун. Частное владение». Людей не было – интрагард закрыл всю магистраль на время проезда высокой гостьи.

– Кстати, о приёме, – вновь заговорила Зара. – Кто приглашён?

– Вся администрация и лояльные члены Совета.

– Пригласите и оппозицию. Арауна и его людей.

– Хм... – Гвинед постаралась не выказать удивления. – Это будет неожиданно, учитывая их ненависть к вам, но... как вам угодно.

Лифт свернул в боковую, лишённую вывески магистраль, остановился перед запертым люком.

– Дальше пешком, – буркнул Прасад.

Люк открылся перед ними. Все четверо вышли из лифта и вступили в правительственный сектор астероида.

Гостевые апартаменты находились выше уровнем. Впрочем, в хаотическом пещерном лабиринте Рианнон никаких уровней не было – просто выше. Войдя внутрь, Зара без особого интереса оглядела просторную полость, украшенную картинами из жизни Старой Земли. Морская буря, цветущие рододендроны в Гималаях, лев и стадо зебр, черепичный европейский городок в сумерках – всё было ностальгически-тщательно выписано настоящими масляными красками на настоящих холстах. Кресла и диван, возможно, из настоящего дерева, выглядели так же тяжеловесно-роскошно.

– Пара минут, док Ллойд, – сказала Зара. – Схожу в туалет и переоденусь. А вы, полковник, проводите Либи в интрагард и дайте все нужные инструкции.

Зара скрылась в соседней полости, следом покатила тележка с чемоданами. Через несколько минут она вышла, одетая в развевающееся чёрное платье – не аuru, а материальное платье из ткани. Зара Янг была дрессером, это знала вся Солсистема. Гвинед ощутила мгновенное раздражение – даже сейчас, перед серьёзным разговором, девчонка не удержалась от эпатажа – но постаралась подавить в себе это чувство.

– Ну, всё, идёте, док Ллойд, – Зара кивнула на устье другой полости – тихой комнаты. – Пора поговорить о том, зачем я прилетела.

Две женщины прошли в устье. Дверь за ними плотно, мягко захлопнулась.

Сказка о дворце чудовищ

Благотворительная миссия располагалась в паре кварталов от махаллы Науруз – несколько одинаковых белых домиков: школа, больница, спортзал, культурный центр, до сих пор не отремонтированный после того, как кто-то кинул в него гранату. В больничном коридоре толпилась очередь, но, слава Аллаху, знакомых Саид не встретил. Отстояв своё, он робко шагнул в белоснежный кабинет.

– Вот, – показал он распухшую и побагровевшую руку, – в Старой Москве чёрный цветок ужалил. Убегал от собак, схватился, а он...

– Цветок? – молодой чернокожий врач с табличкой на комбинезоне: «Лу Брендан» недоверчиво ухмыльнулся. – Что-то не слышал про такие цветы. Скорпион там сидел, скорее всего. Ничего страшного. Давай руку, посмотрю.

Рядом с Бренданом стоял какой-то прибор – белый шкаф с множеством мелких дверок. Одна дверка открылась, и из ящика, жужжа, выехала складная механическая рука с острыми щипчиками вместо пальцев. Она нависла над рукой Саида и точными резкими движениями опустилась к ней. Саид боязливо отвёл глаза. Он не почувствовал боли, когда щипчики вонзились в руку – лишь холодное острое прикосновение.

– Вот и всё, – бодро сказал Брендан. – Жало вытащили. Сейчас посмотрим, какая тварь тебя укусила.

В шкафу открылся другой ящик, ярко освещённый внутри. Механическая рука сунула туда свою крохотную добычу. Глаза Брендана застыли, сосредоточенно упёрлись в пустоту. Саид уже видел у космиков этот взгляд. Байрам Ходжаев – тот, что учился в космиковской школе, – объяснил, что они так разговаривают с джиннами в своих головах. Взгляд Брендана снова ожил. Теперь он выглядел оторопевшим, и Саиду стало страшно. Значит, даже врач-космик не знал, что это?

– Это скорпион, да? – нетерпеливо спросил Саид. Ему очень захотелось, чтобы это оказался скорпион.

– Погоди с вопросами. Ну-ка рассказывай. Что это за цветок? Где нашёл?

– Да я рассказал уже! В Старой Москве. Около речки со стеклянной галькой, где стая собак. Чёрный цветок, листья как у лопуха, блестящие, волосатые. Вы лечить-то меня будете?

– Обязательно! – Брендан достал из шкафчика белый, как всё в комнате, пистолет, зарядил какой-то ампулой. – Только не здесь. Надо будет тебя свозить в Колонию. От воспаления сейчас сделаю укол, а серьёзно лечить будем там, в штаб-квартире. Давай, подставляй руку, не бойся...

В Колонию? В Новую Москву?!

– Зачем в Колонию? – голос Саида предательски дрогнул. – Что у меня такое?

– Пугать не хочу, – Брендан приставил пистолет к вене на его запястье, – но честно скажу: не знаю, – пистолет щёлкнул. Саид ничего не почувствовал. – И это точно не скорпион. Поедем разбираться там, в хорошей лаборатории, – Брендан встал. – Всё, пошли.

– Э... А мои родители? Они не знают!

– Свяжешься с ними оттуда, – врач подтолкнул его к двери. – Идём, идём, время не ждёт. Господа пациенты, – громко обратился он к очереди, – на сегодня приём окончен!

Еле чувствуя под собой ноги, Саид плёлся за Бренданом. Они вышли во внутренний двор миссии, где ждал мобиль – белоснежный шар на четырёх таких же белых шарах-колёсах. Спускаясь с крыльца, Саид пошатнулся – сильно кружилась голова – но Брендан уверенно подхватил его под руку.

– Ничего, сейчас полегчает. Идём. Ездил когда-нибудь на мобиле?

В белом боку шара обозначилась дверь и отъехала в сторону – и когда Саид понял, что сейчас окажется внутри, жадное любопытство охватило его и заставило забыть обо всех несчастьях. Он шагнул в белый шарообразный салон, опоясанный кольцом бархатных диванов, со столиком посередине. В стене напротив тотчас возникло круглое окно. Брендан уселся на диван. Саид несмело присел напротив.

Никем не управляемый мобиль тронулся с места. Они выехали за ворота миссии, в Рабат. За окном прежний мир Саида – кривые пыльные улицы, женщины в хиджабах, ковровые веранды кофеен, ниши лавок, глухие стены, размалёванные надписями «JIHAD FOREVER» – стремительно уносился назад.

– У меня опасное отравление? – Саид постарался, чтобы это прозвучало мужественно, сурово. Сейчас он чувствовал себя лучше – видно, укол начал действовать.

Брендан ответил не сразу – был занят мысленным разговором с джиннами.

– Если сразу не умер – значит, не опасное. Вылечим. Ничего сложного. Единственное, что странно – не бывает жалящих чёрных цветов. Тем более с таким странным ядом. Вот с этим надо разобраться, а с тобой всё будет в порядке. Как зовут твоих родителей? – сменил Брендан тему.

– Малик и Динара.

Врач достал из сумки пистолет-инъектор, поменял насадку на стволе.

– Подставь-ка руку.

– Опять укол?

– Ай-ди-метка. Без неё не пустят в колонию. Не бойся, ничего не почувствуешь. – Брендан приставил пистолет к его левому запястью, щёлкнул.

ID: 925840365286

Время присвоения: 2481/07/31 14:12:45

Личные данные:

Имя – Саид Мирзаев

Девпат – нульдев

Дата рождения – 2469/05/16

Родители (производитель) – Малик Мирзаев, Динара Мирзаева / Предместье Рабат / Колония Новая Москва / Земля

Модификация – нульмод / хайграв

Гендер – мужской

База – Колония Новая Москва / Земля

Аффилиация – Рианнон Биосервис / Колония Рианнон

Должность (статус) – подопечный несовершеннолетний

Они проехали пустырь – тот самый, где Саид с пацанами бегал попрошайничать за мобильными. Перед Южными воротами шар замедлил ход. Они въехали в коридор между бетонными башнями, остановились перед стальными створами. В машине открылось окно, и внутрь просунулся какой-то прибор, мигающий красным огоньком.

– Делай как я, – сказал Брендан. Он поднёс к прибору руку, провёл запястьем. Красный огонёк сменился зелёным, а потом опять замигал красным. – Предъяви сканеру ай-ди.

Саид провёл по прибору только что уколотой рукой. Сканер снова загорелся зелёным, и створы ворот начали разъезжаться. Мобиль тронулся с места, ускорился, коридор остался позади. Колёса зашуршали по траве, которая непонятным образом росла на совершенно твёрдой, ровной дороге. За окном волновался пышно цветущий сад.

Вот он и в запретном городе.

Саид не удержался – вскочил с кресла и прильнул к окну, жадно раскрыл глаза. Шар теперь ехал гораздо быстрее, чем по кривым улочкам Рабата, и невозможно было рассмотреть ни встречные мобили, ни пешеходов – лишь проносилось мимо что-то яркое и пёстрое. Дальше от травяной дороги поблёскивали стёклами сквозь листву ровные ряды разноцветных коттеджей. Жилые кварталы перемежались зеркальными кубами офисных зданий, парками, бассейнами, взлётными площадками воздушных машин. Наконец, шар свернул в тихую боковую улицу, затормозил, встал перед решётчатыми воротами. Здесь всё было стилизовано под совсем старую Москву. На каменных столбах горделиво сидели каменные львы. В чугунную вязь ворот вплетались золотые вензеля с конскими головами. Вдали, в глубине яблоневого сада, желтел особнячок с фронтоном и колоннами.

Пока ворота открывались перед мобилем, Саид успел прочитать табличку на столбе: «Рианнон Биосервис^{ТМ}. Земной филиал. Исследовательская клиника». Они въехали в ворота, встали перед домом. Вслед за Бренданом Саид шагнул наружу, навстречу свежести сада и пьянящему запаху незнакомых цветов.

С крыльца особняка к ним уже спускался местный врач в белом комбинезоне – низенький, полный, длинноволосый...

Приглядевшись к нему, Саид вздрогнул и замер.

У него в Рабате гости из Колонии одевались благопристойно – в закрытые платья или просторные комбинезоны, какой был надет и на Брендане. Но комбинезон здешнего врача облегал его плотно, как вторая кожа – без единой застёжки и шва – и не скрывал ни одной складки его довольно-таки пухлого тела. Но самый ужас был не в одежде. Саид смотрел на врача и не мог понять, какого он пола. Комбинезон обтягивал весьма внушительную пару груди, а между ног... Вот оно, начинается, в панике подумал Саид. Вот они, гнусности космиковской жизни, которыми, бывало, страдал имам... Биомодификации и всё такое... Двупольный доктор – лицо было обыкновенное, круглое, нос картошкой – улыбнулся (или улыбнулась) приветливо, но как будто насторожённо.

– Привет, сынок! – голос был тоже ни мужской, ни женский. – Ты и есть тот самый Саид? А я мас Валли Шефер, будем знакомы. Как себя чувствуешь?

Саид перевёл дыхание и взял себя в руки. Быть невозмутимым. Ничему не удивляться. Не выказывать страха ни перед чем.

– Чувствую себя хорошо, – ответил Саид. Действительно, лихорадку и зуд сняло как рукой, да и опухоль совершенно исчезла. – Я уже здоров?

– Надо сделать кое-какие анализы, – уклончиво ответила (или ответил) Шефер. – Это не больно, не бойся.

Саид раздражённо скривил рот – почему его успокаивают, как маленького? Он и так был готов потерпеть. Тем временем врачи заговорили между собой по-инглийски. Тон Шефера был начальственным, поэтому Саид решил условно считать его мужчиной.

– Поздравляю, Лу, ты в рабочей группе, – почти все слова были понятны Саиду, но смысл оставался загадочным.

Брендан удивлённо поднял брови.

– Я? За что такая честь?

– Не спеши гордиться, дорогой. Гриффит просто не хочет огласки. Чем меньше людей в курсе дела, тем лучше.

– Всё так серьёзно?

– Два красных квадрата, – Шефер значительно пошевелил маленькими бровками. – И с тебя, конечно, гарантия неразглашения. Впрочем, это тебе расскажет Конти. – Он покосился на мальчика и как будто спохватился: – Ну, пойдём-ка, сынок. Пара анализов – это совсем недолго.

Саид только таращился по сторонам, пока его вели по коридору. Ничего особенного в самом коридоре не было – светящиеся матово-белые стены, диванчики – но вот люди... Ох, и странные люди встречались по пути. Ещё более странные, чем мас Шефер.

Большинство встречных были в белых врачебных комбинезонах – таких же бесстыдных, как и у Шефера. Но попадались и вовсе голые – и мужчины, и женщины – одетые лишь в сандалии, толстый браслет на запястье и металлический обруч вокруг черепа. Саид, багровея от смущения, отводил от них глаза – и всё-таки успевал заметить, что у многих на животе нет пупка... Встречались чернокожие, как Брендан, и желтокожие люди с красными, синими, зелёными волосами... но даже эти выглядели почти нормально по сравнению с некоторыми... о Аллах, людьми ли вообще?

Эти существа, огромного роста даже для космиков, головастые, большеглазые, мертвенно-бледные, как личинки, с рахитично тонкими руками и ногами – ездили в инвалидных креслах, каждый с прозрачной маской на лице. Саид принял бы этих головастиков за больных, если бы не докторские белые комбинезоны (к счастью, они хотя бы были одеты). Наверное, это и были магоги, ублюдки ифритов и людей?.. Наконец, Саида ввели в просторный белый кабинет с единственным креслом посередине. Окно во всю стену смотрело в сад, над креслом нависала многорукая металлическая машина.

– Раздевайся, сынок, и залезай, – Шефер указал на кресло. – Придётся немного поскушать.

Машины внушали Саиду страх, но всё оказалось действительно очень скучно. Следующие полчаса он неподвижно просидел в кресле, пока врачи водили по его телу какими-то пищалками, кололи ужаленную руку тончайшими иглами (было не больше, чем от укуса комара), обменивались непонятными фразами и разве что изредка покрикивали ему, чтобы не ёрзал.

– Долго ещё? – спросил Саид, когда ему вконец надоело. Он вспомнил, что «гуляет» уже часа два, что родители наверняка его потеряли, а ведь время вечернее, в чайхану набился народ, полно работы... – Мне надо домой!

Врачи переглянулись. Выражения их лиц Саиду совсем не понравились.

– Видишь ли, Саид... – заговорил Брендан таким задушевым тоном, что сразу стало понятно: сейчас будет врать.

– Что у меня за болезнь?

– Э-э, как бы тебе сказать... – Брендан окончательно впал в растерянность.

– Мелантемия⁴, – пришёл Шефер ему на помощь. – Самая обычная мелантемия, – он улыбнулся Брендану и заговорил по-инглийски: – Удачный экспромт, а? Давайте назовём это мелантемой. Надо же как-то назвать эту дрянь?

Брендан раскрыл рот – наверное, чтобы возразить – но ему не дали. Дверная панель отъехала, и в лабораторию въехал в инвалидном кресле новый человек.

Сердце Саида заколотилось чаще. Один из тех самых, жутких... из бледных головастиков. Из магогов. И судя по тому, как сразу вытянулись врачи, магог был крупным начальником.

– Док Гриффит, – почтительно произнёс Шефер.

Но магог, небрежно кивнув ему и Брендану, подъехал прямо к Саиду. Мальчик в панике вжался в кресло...

– Не смотри на меня так, – послышался голос из-под прозрачной маски – самый обыкновенный голос пожилого мужчины, сильный и сухой, с властной интонацией. – Я тоже потомок Адама, как у вас говорят.

Не мигая, Гриффит смотрел Саиду в глаза своими огромными голубыми глазами, лишёнными бровей и ресниц, на бескровном морщинистом лице. «Так я и знал, – в страхе думал мальчик, съезжаясь под этим взглядом. – Так и знал, что с космиками дело нечисто. Что ими правят какие-нибудь такие... существа. О Аллах, если он прикоснётся... этими своими паучьими пальцами...» Но Гриффит и не думал отрывать от подлокотника вялую тонкую руку.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Хорошо, – Саид уже столько раз отвечал на этот вопрос, что несколько успокоился. – Что у меня за болезнь? – решил он спросить. Может, хоть это... существо... не будет мямлить и врать, как те двое?

– Чёрный цветок запустил в тебя заразу, – сказал Гриффит. – Как она проявится, мы не знаем. Мы видим такое первый раз. И мы подозреваем, что этот цветок – оружие врага. Того, кто уничтожил Старую Землю.

У Саида перехватило горло.

– Я умру?

– Мы сделаем всё, чтобы тебя вылечить, – взгляд Гриффита был безжалостен. – Но гарантировать ничего не могу. Мы ничего не знаем об этом цветке. Но постараемся узнать больше. Будет хорошо, если ты нам поможешь.

Саид взволнованно выпрямился в кресле.

– Как?

Гриффит повернул лицо к двери – и только сейчас Саид увидел, что в лаборатории появился ещё один человек.

Этот был самый обыкновенный, и даже одетый по-людски – в брюки и рубашку. Саиду сразу показалось, что он видел в Рабате, а может и в своей махалле, этого стройного, небрежного в движениях, бронзово-смуглого мужчину с ярко-синими глазами и длинной косой соломенного цвета. Мужчина весело улыбнулся и подмигнул, и это был первый человек из Новой Москвы, чья улыбка не показалась Саиду фальшивой и искусственной.

– Это капитан Конти из экстрагарда, – сказал Гриффит. – Проводи его к чёрному цветку, Саид.

Рианнон. Посвящение

«Тихая комната» была изолированной полостью для секретных переговоров. В космических колониях, где системы контроля просматривали и прослушивали каждый уголок, требовались специальные меры, чтобы обеспечить приватность.

⁴ От греческих слов melas, «чёрный», и anthemis, «цветок». – Прим. авт.

Маленькая душная полость была обшита листами вспененного металла – они полностью глушили и звук, и радио. Тусклый зелёный свет тритиевой лампы – никаких световодов, никаких проводов – отражался от стен. Два плетёных кресла едва умещались к комнатке.

Как только за Гвинед и Зарой закрылась дверь, их ауры погасли. Регенератор воздуха автоматически включился и заурчал. «Сеть не найдена... Сеть не найдена...» – забормотал в голове даймон. Что ж, вот и пришло время узнать, с какой такой секретной миссией Максвелл Янг прислал свою дочь.

– Начнём, – Зара уселась в кресло, сделала приглашающий жест. Голос, не отражавшийся от стен, звучал глухо и странно. – Итак, вы хотите отставки?

Вот это было неожиданно. Гвинед села – кресло пришлось повернуть самой, вместо того чтобы привычно приказать ему повернуться.

– Откуда у вас такие сведения? – осторожно спросила она.

– Ну, вы же постоянно всем жалуетесь, как устали от политики и мечтаете вернуться в науку. Мы не возражаем. Уходите с поста. Как нейроник, вы нам гораздо нужнее, чем как прайм-админ.

«Так легко!» Гвинед почувствовала растерянность. Она действительно порой мечтала об уходе с поста, но сейчас её застали врасплох, и Гвинед сама не понимала, рада она или огорчена.

– Кто же займёт моё место? – спросила она холодно.

– Я, – Зара скромно потупилась.

– Это шутка? – прайм-админ с трудом выдержала невозмутимый тон.

– Нет.

– Док Янг, вы уверены, что понимаете ситуацию? Ни один член Совета, даже из лояльных, не проголосует за вас. Вы чужой человек для Рианнон.

– Ситуацию не понимаете вы. Ваш Совет больше не имеет значения. Голосования кончились, ваша автономия отменяется. Балаган закрыт. Прямо на Совете мы переведём Рианнон под прямое управление Космофлота.

– Так, – проговорила Гвинед. Голова у неё шла кругом. – Так. Значит, переворот и открытая оккупация. Вы понимаете, что это вызовет войну?

– Нет. Это реакция на уже идущую войну.

– На какую ещё войну?

– Да будет вам известно, что вооружённые до зубов циклеры с Земли идут к Венере. Циклер с Марса идёт сюда. Война не объявлена, однако Дуэт фактически её начал. Но это всё не должно вас беспокоить. Военные дела мы берём на себя.

– Но наша оппозиция... Нет, нет. Нельзя же так грубо. Оставьте эту идею, док Янг. Они вас просто убьют.

– Ладно, ладно, – отмахнулась Зара, – это мои проблемы. Кстати, можете звать меня по имени. Поговорим о вас, – она наклонилась к Гвинед и доверительно понизила голос. – Когда я сказала, что как нейроник вы нужнее, я не пыталась подсластить вам пилюлю. Это то самое, зачем вы действительно нам нужны. Скажу больше. Это то, зачем я вообще сюда прилетела.

– Что, правда?

– Да. Неужели вы думаете, отец послал бы *меня* только из-за какого-то марсианского циклера? Чушь. Рианнон не настолько для нас важна. Важны вы.

– Лестно, – произнесла Гвинед настолько безразлично, насколько могла. – Вы хотите заказать какое-то исследование «Нейролабу»?

– Не только. Мы хотим получить ваш «Нейролаб» в полное распоряжение. Цена результата слишком высока. Мы не можем позволить ни малейшей утечки информации. Полный контроль над «Нейролабом», иначе о *проекте* и думать нечего.

– О каком проекте?

– Сейчас узнаете.

С хитрой улыбкой – которая показалась Гвинед совершенно детской – Зара поставила на обтянутые платьем колени свой кейс. Увесистый, угловатый, с предупреждающим значком «криогенные компоненты» и логотипом в виде змеи, кусающей свой хвост, с какими-то разъёмами по бокам, он выглядел по-военному – грубо, надёжно, низкотехнологично.

– Вот, – просто сказала она.

– Что это?

– «Уроборос». Компьютер, – Зара подняла крышку, и Гвинед увидела нечто в самом деле похожее на старинный ноутбук, с *экраном* и *клавиатурой*. – Уникальный компьютер совершенно нестандартной архитектуры. Единственный ключ к архиву данных гигантского объёма и величайшей ценности. Сам архив – не здесь. Здесь только программа-транслятор и маленький образец из архива. Для вашей работы должно хватить.

– Для какой работы?

– Для взлома. Ваша задача – расшифровать архив без запуска транслятора.

Гвинед помолчала, пытаясь справиться с бурей охвативших её мыслей, идей, вопросов. Она чувствовала, что всё становится для неё не важным – Совет, прайм-админские дела, даже война.

– Он сделан... чужими? – спросили она, чувствуя себя глупее некуда.

– Для чужих, – золотисто-карие глаза Зары Янг не выражали ни малейшего намёка на улыбку. – Вам, конечно, известна история «большого тайного контакта»? Да-да, та самая теория заговора.

– В общих чертах. Стандартный бредовый мотив у параноиков. И сейчас вы мне скажете, что всё это правда?

– Процентом на десять, – Зара была до того серьёзна, что Гвинед почувствовала холодок ужаса. – В конце XXII века Космофлот действительно вступил в контакт. Да.

– Прекрасно, – Гвинед всё ещё пыталась закрыться щитом иронии. – Просто прекрасно. А то, что миром тайно правит искусственный супер-интеллект, тоже правда? Или по старинке – масонский заговор?

– У нас нет времени на шуточки. Контакт был. Через их ретранслятор на Седне. И мы получили гигантский архив сырых данных в инопланетной кодировке. Совершенно нечитаемых, конечно. Седна предложила нам программу-переводчик. Но с условием, что мы сдадим ему устройство наших компьютеров, все коды и протоколы. И наши решили, что это слишком рискованно. Что, если в программе есть вирусы, и они заразят все земные сети? Вот наши и сделали это. – Зара хлопнула по крышке «Уробороса». – Песочницу для вируса. Обратимый компьютер. *Тотально* обратимый, глобально и локально. Поэтому, кстати, и «Уроборос». Червь, пожирающий себя с хвоста.

– Разве не змея?

– Змея не будет себя есть, – рассудительно сказала Зара, – ей ведь сразу станет больно. А вот червь... Короче, уробороса взяли как символ обратимости. Сколько вошло, столько и вышло. Вы, конечно, знакомы с этой концепцией?

– Как с чистой теорией. Никогда не думала, что кто-то реально сделает такое в железе.

– В его логических элементах информация не стирается – сколько бит на входе, столько и на выходе, – не слушая, продолжала Зара. – Значит, энтропия не возрастает. Тепло не рассеивается. И энергия не потребляется. Ну, не совсем, конечно. Энергию потребляет система охлаждения – у процессора рабочая температура три кельвина. Но сам процессор – практически ничего.

– Что ж, экономно.

– Дело не в экономии. Вся эта красота возможна только в изоляции от внешней среды. Любой ввод и вывод – только под контролем пользователя, через специальный фильтр, и с сохранением количества бит. А иначе возникнет необратимость, выделится тепло, свёрхпро-

водимость нарушится и процессор полетит. Короче, если бы «Уроборос» попытался связаться с сетью, он бы себя уничтожил.

– Попытки были?

– Насколько я знаю, нет. Но это не значит, что вирусов нет. Это значит лишь, что программа умна. И никакие меры безопасности не будут лишними.

– Я всё ещё не понимаю, зачем вам мои услуги.

– Сейчас поймёте. Мы сдали Седне устройство «Уробороса», она прислала программу-транслятор, как и обещала. Мы запустили её и смогли расшифровать часть файлов. Только часть. Картинки, кое-какие числовые данные и короткие текстовые комментарии. По которым всё равно было невозможно понять главное: кто такие аквилиане, почему на нас напали и как их остановить. Седна уверяла, что всё это невозможно передать ни словами, ни картинками. Только целостными мыслеобразами. Гештальтами. Не через глаза и уши, а только непосредственно в мозг. Понимаете?

Зара перевела дыхание. Её загорелое лицо блестело от пота, в комнате было невыносимо душно, но сейчас никому не хотелось отвлекаться на перенастройку климат-контроля.

– Кажется, да, – заговорила Гвинед не столько с Зарой, сколько сама с собой. – Человек видит фрагмент картинки и бессознательно достраивает остальное... Инстинктивные программы мозга создают шаблоны и выявляют закономерности там, где пасует математика. Потому что сложность нейронной сети мозга выше предела сложности для массива, обчисляемого системами уравнений... Мозг перебирает все слои целиком, а не разбивает их на уравнения. И видит смысл... Да. Смешно, – криво улыбнулась она. – Сколько раз в жизни я перешивала мозги больным, которые верили, что они – контактёры с Аквиллой. Некоторые были даже убедительнее вас... М-да. Но я всё равно не понимаю. Как они могли создать такие файлы? Они ведь не знают, как устроен наш мозг. Или знают?

– О! Вот это и есть главное. Нет, не знают. Передать им сведения о нашем мозге, вообще о нашей биологии, мы побоялись. И поэтому главная часть архива – те самые гештальт-файлы – до сих пор не расшифрована. Транслятор их не берёт – именно потому, что не знает устройство нашего мозга. И мы не собираемся его раскрывать. Мы хотим, чтобы вы взломали эти файлы.

Гвинед помолчала.

– Я могу их посмотреть?

– Только после того, как согласитесь взяться за работу.

– Но ведь отказать я всё равно не могу?

– Вы правильно понимаете ситуацию.

– Ваши условия?

– Абсолютная секретность. Работа с «Уроборосом» только в тихой комнате. Ни одного байта наружу. Да, будет технически непросто, зато в расходах можете не стесняться. Не сомневайтесь, Космофлот оплатит любые счета не глядя. И награда лично вам будет *предельно* щедрой.

– А именно?

– Любое ваше желание, – просто сказала Зара. И уточнила: – Если оно не во вред Космофлоту и Плероме, конечно.

– Звучит несерьёзно.

– Семейство Янг – серьёзные люди. У нас даже шутки серьёзно звучат, а я не шучу.

– А если... – Гвинед поколебалась и всё-таки рискнула спросить: – Если моё желание – остаться в живых после выполнения работы?

– Да это само собой, – Зара покровительственно улыбнулась. – Вы – исполнитель слишком высокого уровня. Таких не ликвидируют. Таких заставляют молчать другим способом – вводят в круг посвящённых. Тех, кому *выгодно* хранить тайну. Так что просите другого. Жизнь вам гарантирована и так.

– Хм. Собственный астероид?

– Да пожалуйста. Но ведь это мелко, Гвинед, и вам не это нужно на самом деле. Подумайте хорошо. Как насчёт *высшего* посвящения?

– Во что?

– В информацию пришельцев. Здесь, повторяю, нет всего архива. Только транслятор и кое-какие образцы. Транслятор знает форматы данных, но не сами данные. Те в другом месте. В курсе четыре человека. Хотите быть пятой?

Гвинед ответила не сразу.

Она понимала, что выбора уже нет, да и не желала его – но ей не хотелось сразу соглашаться на всё. Нужно было хоть что-то выторговать. Но как торговаться, если ей сразу обещают исполнение любого каприза? Как придумать каприз, который обошёл бы им по-настоящему дорого?

– Право задавать вопросы, – заговорила, наконец, Гвинед. – *Свои* вопросы. Хочу сама решать, *во что* мне быть посвящённой. Это приемлемо?

– Вполне, – против ожидания легко согласилась Зара. – Но сразу предупреждаю – моя компетенция тоже не безгранична. Есть вещи, которые отец не открыл даже мне.

– Понятно. И собственный астероид.

Зара добродушно улыбнулась.

– А это – после работы. Может не получится, понимаю, но должен же у вас быть стимул стараться?

– Принято. По рукам?

– По рукам.

– Срок выполнения?

– Минимальный. Марсианский циклер прибудет через месяц. «Азатот» будет драться, но я не поручусь, что смогу отстоять Колонию. Хорошо бы вы закончили до того, как станет жарко.

– Невозможно, – Гвинед решительно мотнула головой. – Месяц – слишком мало. Мы говорим о принципиально новой разработке...

– Надеюсь, вы не ищите предлог, чтобы затянуть дело? – Зара вмиг пришла в раздражение. – Оставьте эти мысли. Марсианам вы в любом случае не достанетесь.

На этот раз Гвинед почувствовала себя всерьёз оскорблённой.

– Вы всегда так унижаете лояльных Эриксу людей? – ледяным тоном спросила она.

– Если откровенно, я не полагаюсь на вашу лояльность. Ничего личного. Я вообще никогда ни на чью лояльность не полагаюсь. Я мотивирую вас другим. Перед вами интересная задача. Такая, о которой вы и мечтать не могли. И в награду – реальная «Галактическая энциклопедия». Каково? Разве по сравнению с этим вся наша политика – не мышьяная возня?.. Всё, док Ллойд, – Зара встала и бодро хлопнула Гвинед по плечу. – За работу!

Сказка о волшебной кошке

– Я покажу вам чёрный цветок, – сказал Саид. – Поехали.

Он решительно подошёл к смуглому длинноволосому человеку. Сейчас ему больше всего хотелось выбраться из колонии, подальше от Гриффита и ему подобных существ – пусть даже в развалины Старой Москвы... Смуглый, которого Гриффит назвал капитаном Конти, дружелюбно положил ему руку на плечо.

– Далеко не поедем, – сказал он. – Идём со мной.

К огорчению Саида, Конти никуда его не повёз, а только отвёл в другую комнату в той же больнице.

Палата была просторной, пустой и светлой, с голыми кремовыми стенами. Стеклопанная стена смотрела в сад. На полу, затянутом синим ковром, белели три кресла – пушистые шары с ямками. Никакой другой мебели, никаких украшений на стенах – только неглубокая ниша,

где стояла белая пластиковая кукла в человеческий рост. Саид вздрогнул, когда кукла шагнула из ниши и плавными, совершенно человеческими шагами направилась к ним.

– Спокойно, это сервобот, – сказал Конти. – Типа слуги для поручений. Можно ему приказывать: сходи, принеси... Садись. Сейчас полетим к твоему цветку.

Полетим? Прямо на этих креслах? Предвкушая нечто невиданное, Саид уселся в соседнее с Конти кресло, крепче вцепился в подлокотники. Сервобот протянул ему поднос. Там лежали наушники, сетчатые перчатки и странные очки – в каждой линзе плавала, как в вязкой жидкости, какая-то ярко мерцающая точка.

– Надевай, – велел Конти, – это твоя гарнитура.

– Что?

– Через неё входят в вирт. Ну, смотрят картинки. Ты сам сидишь здесь, а видишь всё как будто из «кречета»... ну, из летающей машины. У нас такие приборы стоят прямо в мозгах, а у тебя нет. Придётся тебе пользоваться гарнитурой. Давай, надевай.

Саид несмело нацепил очки. Мерцающие точки сразу расплылись во всё поле зрения пятнами цветного тумана. Потом пятна сфокусировались в чёткую картинку, и Саид не смог сдержать вздоха восхищения. Перед ним были Южные ворота – те самые, через которые он въехал в колонию. Теперь он видел их изнутри – видел в таких же ясных и подробных деталях, как в реальности: сварочные швы на листах створок, шершавый бетон привратных башенок. Картинка слегка покачивалась, в ушах жужжали моторы.

– Поехали, – сказал Конти. – Я веду «кречет», ты говоришь куда. Вперёд?

– Вперёд! – выкрикнул Саид, забыв обо всех невзгодах.

«Кречет» взмыл над воротами и с невообразимой скоростью помчался на юг. Саид еле успел заметить, как промелькнул и остался позади Рабат. Он летел над травянистым валом Дмитровского шоссе примерно на высоте человеческого роста, в ушах ревел ветер, голова кружилась, степь уносились назад, впереди вырастали башни окраин Старой Москвы.

– Узнаёшь места? – расслышал он голос Конти сквозь шум ветра и моторов.

– Да, да! Вперёд!

Саид напрочь забыл о своей болезни, о том, что дома ждут родители. Подумать только! Он летит, он почти что сам управляет летающей машиной! Рассказать пацанам – не поверят ни за что... Усеянные птичьими гнёздами башни остались позади, замелькали одинаковые бугры древних кварталов...

– Куда теперь?

– Восемь кварталов на юг, три квартала на восток, – Саид хорошо запомнил карту Хафиза. – И там речка со стеклянными гальками.

– А, понятно, – «кречет» свернул с дороги и полетел напрямик по диагонали; его вытянутая крылатая тень то ныряла в балки, то взлетала на бугры. Только сейчас Саид понял, что машина совсем маленькая – не больше вороны...

– Вот! – крикнул он. – Та самая стая! – Саид показывал на неё рукой, но не видел своей руки. – Шайтановы твари, это всё из-за них!

Полёт резко замедлился. Собаки неподвижно сидели на вершинах бугров. Когда над стаей пролетел «кречет», клоня бурьян ветром своих винтов, собаки повскакивали и смешно зачихали хором, но не тронулись с мест. Саид понял, что стая широкой цепью окружает распадок с крутыми склонами... тот самый распадок. И сразу увидел чёрный цветок.

– Вот он, на краю обрыва!

– Вижу, – подтвердил Конти. Картинка исчезла. Саид снова был в больничной палате, а Конти вставал из соседнего кресла. Сквозь очки гарнитуры Саид видел, что светловолосая голова капитана окружена каким-то призрачно-красным ободом, но не осмелился спросить, что это. – Спасибо, парень! – Конти широко улыбнулся и потрепал его волосы. – Ты здорово помог.

Саид растерянно моргнул.

– Это всё? Вы его там оставите, этот цветок?

– Вытащу, но не «кречетом» же. Нужен экскаватор и грузовик. Пойду с этим разбираться. А ты сиди здесь. Скоро принесут ужин.

– Стойте... – Саид вспомнил о своей главной проблеме. – А родители? Вы им скажете?

– Обязательно, – Конти двинулся к двери. – Гарнитуру тебе оставляю, можешь побаловаться. И с родителями поговоришь тоже через неё.

– Это как? – Саид растерянно вертел в руках очки и наушники.

Конти вздохнул и вернулся.

– Надевай, – велел он. – Внутри гарнитуры – твой даймон. Это такая невидимая говорящая машина, которая тебе во всём помогает.

– Н-нет, я не хочу, – Саид немного испугался говорящей машины, да ещё и невидимой.

– Тут ничего страшного. Это тебе не джинн. Просто разговариваешь с ним как с человеком... как со слугой. Задаёшь вопросы, командуешь. Вот например, – Конти взял руку Саида в свою, – показываешь на кресло и говоришь: сюда! – кресло тотчас послушно и бесшумно подъехало. – Понял? Всё просто, – Конти похлопал его по плечу. – Можно в игры играть, можно заказы делать. В общем, не скучай.

Конти вышел, сервобот пошагал за ним, и Саид остался один.

Он походил по комнате.

Поглазел в окно на сад, усеянный зелёными яблоками.

Потрогал дверь в коридор, но она, конечно, была заперта. Более того, на ней даже не было ручки.

Делать было решительно нечего.

Саиду очень не хотелось вступать в разговоры с этим невидимым «даймоном», готовым выполнять его приказания. Но чем ещё заняться? Тупо ждать ужина? Ну уж, нет.

– Сюда, – неуверенно приказал он креслу, только чтобы попробовать. Кресло подъехало, и его покорность несколько ободрила Саида. – Ну-ка сюда! Туда! – А что если приказать двум креслам столкнуться? – Ты и ты – сюда!

Эффект был удивителен: два кресла сцепились, смялись и образовали из себя один целый диван. Происходящее начинало захватывать. Саид попробовал вогнать кресло в стену, но тут оно не послушалось – само затормозило в шаге от стены. Потом его осенило: ведь можно самому сесть в кресло и погонять по комнате...

Когда это наскучило, Саид встал с кресла. Он начал входить во вкус. «Можно задавать вопросы, делать заказы», сказал Конти. Не пора ли попробовать?

– Эй, даймон! – чувствуя себя немного по-дурачки, обратился он в пустоту. – Я могу тебя увидеть?

Перед ним тотчас появилась круглая серая кошечка с белой грудкой, очень миловидная, нарисованная, как в мультиках. Она сидела прямо в воздухе, уютно обернув вокруг себя пушистый хвост.

– Я мудрая кошка по имени Кэт, – промурлыкала она. – На всякий вопрос я имею ответ. Скажи, чем ты хочешь заняться? Поесть, поиграть, пообщаться? Любую услугу, товар заказать? Во всём я готова тебе помогать.

– Э-э... – Саид слегка растерялся. Он понятия не имел, о чём можно говорить с кошкой из мультика. Задать вопрос? По-настоящему его интересовало только одно – как вылечиться. Но если этого не знал даже Гриффит, что могла знать какая-то кошка, да ещё и нарисованная?... Ага, Гриффит, вспомнил Саид. Да. Вот про кого я хочу знать побольше.

– Что за человек Гриффит?

– В мире много людей по фамилии Гриффит, – сказала кошка (к счастью, уже не стихами). – Уточни, кого ты имеешь в виду?

– Он здесь, в этой больнице... Недавно говорил со мной. Старый, в инвалидной коляске, и...

Саид замялся: как описать его внешность? Но кошке это и не понадобилось.

– Это директор нашей организации, – сказала Кэт, – земного филиала компании «Рианнон Биосервис». Доктор Ллеу Гриффит. Рассказать подробнее?

– Что за странное имя – Ллеу? – почему-то спросил Саид. (Хотя, если подумать, было совсем не удивительно, что у странного человека странное имя).

– Док Гриффит – рианнонец, – ответила Кэт, как будто это что-то говорило Саиду. – Колония Рианнон названа в честь древней валлийской богини. Поэтому там есть традиция – всем уроженцам давать имена из валлийской мифологии и истории. Рассказать подробнее?

– Нет. – Саида интересовала вовсе не история. – Скажи лучше, почему он... такой? Не как нормальные люди?

Кошка ненадолго задумалась, наклонив голову.

– Ты имеешь в виду внешность?

– Да.

– Док Гриффит – лоуграв. Лоугравы – нормальные люди, просто они родились и выросли в пониженном тяготении. Например, в Колонии Рианнон всё весит в пять раз меньше, чем здесь. Поэтому у лоугравов хрупкие кости и слабые мышцы. Если бы на Земле они попытались встать и пойти, их раздавил бы собственный вес. Поэтому они только ездят в креслах. А ещё там, откуда родом док Гриффит, солнечный свет слаб – поэтому у него такие большие глаза и бледная кожа. А воздух стерильный, без микробов – поэтому док Гриффит носит маску. От нашего воздуха он бы сразу заболел. Рассказать подробнее?

– Не надо, – Саид понял не всё, но общую идею уловил. Он попытался представить себе эту Рианнон... Вечная тьма, в которой порхают, как летучие мыши, эти бледные головастики... бр-р, какая жуть! – Скажи, а эти... лоугравы... они вами правят? Эта Рианнон у вас типа столицы?

– Нет, лоугравы нами не правят. Рианнон – рядовая колония. Наша столица находится на Венере и называется... С тобой хочет говорить капитан Конти, – оборвала кошка сама себя. – Принять вызов?

– Прими!

Саид подумал, что не помешает потом узнать у Кэт, почему Конти – не «доктор», а «капитан», и какое звание выше. Между тем кошка исчезла, и в воздухе перед Саидом возникло что-то вроде окна, а в нём – улыбчивое смуглое лицо Конти.

– Привет, Саид, ещё раз. С тобой хотя бы говорить родители.

Саид взволнованно соскочил с кресла. Что он скажет родителям, как всё объяснит? Отец убьёт его за то, что ходил в Старую Москву... Конти небрежно откинул со лба соломенную прядь.

– Предупреждаю, – сказал он уже без улыбки, – о чёрном цветке говорить нельзя. Тебя укусила муха, чем-то заразила. Если зайкнёшься о цветке, я отключу связь. И больше говорить с родителями не разрешу. Понял?

– Конечно, – Саид испытал невероятное облегчение – не придётся говорить о Старой Москве! – Никакого цветка не было, меня укусила муха. У мусорной кучи за мясным базаром.

– Молодец. Я знал, что ты умный парень. Передаю связь.

Конти исчез, окно расширилось, и Саид увидел встревоженные лица отца и матери.

– Саид-джан! Как ты? Что с тобой?

В который за сегодня раз он заверил, что чувствует себя хорошо, что воспаление прошло... Вот только его подержат несколько дней в больнице, а то болезнь заразная. Нет, ещё не кормили, но, судя по всему, кормить должны хорошо. Нет, ничего передавать не надо. Успокоенные родители отключились, и как только погасло окно, опять возникла серая кошечка.

– Наша столица находится на Венере и называется Эрикс, – окончила она прерванную фразу. – Но не все колонии ей подчиняются. Рассказать подробнее?

– Погоди, – сказал Саид. – Мне надо передохнуть.

Он снял очки и походил по палате, собираясь с мыслями.

Кажется, эта кошка в самом деле знает всё на свете. Но если он будет спрашивать про всё подряд... Он узнает бездну ненужных мелочей – и никогда не доберётся до важного.

Надо начать с главного вопроса.

– Кэт! Что со мной будет?

Кошка задумалась, склонив голову набок.

– Сегодня? – уточнила она. – В 20–00 по местному времени ужин. В 21–00 вечерний осмотр. В 22–00 отход ко сну. Рассказать подробнее?

Эпизод плюща

Директорский кабинет располагался на верхнем, двадцатом, этаже земного филиала «Рианнон Биосервис». Панорамное окно открывало вид на половину Новой Москвы с её коттеджами в зелени одинаковых кварталов и широкими улицами-газонами. За кранами порта и зеркальной полосой канала источали пар гиперолоиды-градирни ТЯЭС. Затемнённая секция окна прятала солнце, клонящееся к закату.

Ллеу Гриффит в официальном белом дзентае с золотыми нашивками в виде конских голов восседал во главе стола в своём передвижном кресле. Перед ним сидели сотрудники рабочей группы – врачи Шефер и Брендан, а с ними Брэм Конти, старший оперативник экстрарагарда. Сервобот с тихим жужжанием объехал стол, ставя перед каждым по чашке гуараны.

– Начнём, коллеги, – заговорил Гриффит, когда сервобот скрылся в стенной нише. – Капитан Конти, вам слово.

– Есть, – Конти коротко кивнул и начал без предисловий: – Мы его нашли. Вот он. – Перед глазами каждого участника совещания возникла фотография: странный высокий цветок, сверкающий смоляным отливом листвы среди пыльного сухотравья. – Я послал к нему сторожевого бота, но на что-то большее не рискнул. Если мы начнём работать по-крупному, это заметит Новая Москва. И потребует разъяснений.

– Да, отдавать его НМ нельзя, – Гриффит нахмурился, его аура подёрнулась чёрной мглой озабоченности. – Что предлагаете делать?

– А при чём тут Новая Москва? – пожал круглыми плечами Шефер. – находка-то наша.

– На их земле, – заметил Гриффит. – И по закону принадлежит колонии, а не нам. Отсюда и секретность. – Он поднёс чашку ко рту. Из маски хоботком вытянулась трубочка и погрузилась в гуарану. – Итак, капитан? Как нам скрытно заполучить этот цветок?

– Дайте работа-экскаватор, – безразлично сказал Конти, – и небольшой грузовик. Сегодня же вырезаю десяток кубов грунта с цветком и привожу сюда. Всё.

– А если Колония заметит и начнёт задавать вопросы? – рискнул вмешаться в разговор Брендан.

– Для сочинения ответов существует пиар-отдел, – Конти не повернул головы в его сторону.

– За какое время управитесь? – спросил Гриффит.

– За час-полтора. НМ просто не успеет среагировать.

Гриффит кивнул.

– На случай, если успеет – отправьте вооружённую охрану. Если вас захотят остановить... вы знаете что делать. Разрешаю применить силу при необходимости.

– Это маловероятно.

– Но ваши люди, конечно, не должны приближаться к цветку. Пусть с ним работают только роботы. Теперь вы, мастер, – директор повернулся к Шеферу. – Что выяснили насчёт мальчика?

– О, немало интересного, – андрогин довольно улыбнулся и пригубил из чашки. – От места поражения разрастается некое новообразование. – Перед взорами присутствующих замелькали рентгеновские снимки каких-то ветвистых структур. – Растёт очень быстро, где-то по два сантиметра в час, в глиальной ткани вокруг нервных волокон. Оплетает их, как плющ – ствол дерева. Сейчас уже поражено всё предплечье. Химически – это сеть из правозакрученных полипептидов, полиамидов и ещё какой-то полимерной дряни, которую я пока не распознал. Самоорганизующийся супрамолекулярный комплекс. Я его назвал «мелантема». Надо же было как-то его назвать.

Гриффит нахмурил безволосые брови.

– Что этот... плющ... эта ваша мелантема делает? Как влияет на организм?

Шефер развёл руками.

– Пока никак, если не считать начальной иммунной реакции.

– Это заразно?

– Только при введении в кровь. Серво, ещё чашечку! – окликнул Шефер сервобота. – Я вводил фрагменты мелантемы лабораторным мышам. Все успешно инфицированы.

– И что? Она уже целиком их захватила?

– Она не захватывает организм целиком. Только оплетает нервные волокна. Периферическая нервная система – да, полностью поражена. Сейчас идёт колонизация головного и спинного мозга. Это уже намного медленнее, миллиметры в час.

– И как ведут себя мыши?

– Абсолютно нормально, только едят больше обычного.

– Как и Саид, – вставил Брендан. – Оно и понятно: мелантема потребляет энергию и вещество, чтобы расти.

– То есть это паразит?

– Вроде того, – согласился Шефер. – Но повторяю – никаких болезненных эффектов мы не видим. Пока.

Гриффит побарабанил пальцами по столу.

– Какая у неё цель, по-вашему? Перехват управления нервной системой? – Он невесело усмехнулся. – Превращение в зомби?

– Да нет там никакого управляющего центра, – Шефер отставил пустую чашку. – Прimitивная паразитическая структура. Хотя нет, не такая уж примитивная. Там есть какие-то слабо выраженные сгущения узлов с электрической активностью. Если они способны влиять на нейронные токи, и делать это координированно... Тогда да, мелантема *могла бы* влиять на поведение жертвы. Но пока, *пока*, мы этого не наблюдаем.

– Может, и наблюдаем, – возразил Контти. – Собаки. Они явно загоняли детей к цветку. Не слишком естественное поведение.

Шефер задумчиво покивал.

– Да... очень может быть. Сможете привезти мне одного пёсика, капитан? Желательно живым. В его нейронах стоит покопаться, вы правы.

– Эта ваша мелантема – живое существо? – поинтересовался Контти.

– Что вы понимаете под живым существом, капитан? Мелантема растёт и питается, это факт.

– Хорошо, она природная или искусственная?

– У неё нет клеток. Это совершенно точно не компонент биосферы Земли. Возможно, это инопланетная форма жизни. Возможно, продукт биотехнологии.

– Нашей или инопланетной? – не отставал Контти.

Шефер беспомощно развёл руками.

– Пятьдесят на пятьдесят. Ничего не могу сказать. В принципе, люди могли бы сварганить такую штуку, просто никто не работал в этом направлении. Наш биотех пошёл по другому пути. Разве что кто-нибудь в глубоком секрете, но... Привезите нам цветок, дорогой капитан, цветочек! Тогда, может, и удастся что-то прояснить.

– Хорошо, – подвёл итог Гриффит, – ситуация мне ясна. Продолжаем исследование. Но прошу всех иметь в виду! – его аура вспыхнула ярко-алым огнём особой значимости. – Это проблема не нашего уровня. И даже не уровня Рианнон. О таких вещах я обязан докладывать на Венеру в штаб Космофлота. Мас Шефер! Продолжайте опыты на мышах. Мас Брендан! На вас – наблюдение нашего больного. Капитан Конти! Начинайте операцию по доставке цветка... Мас Шефер, вы хотите что-то добавить?

– Да, – лицо Шефера словно окаменело. – Сообщение из моей лаборатории. Только что...

– Что?

– Мыши, – врач вскочил и бросился к двери, опрокинув стул.

Из мемуаров. Мне никогда не нравилась эта девушка

Мне никогда не нравилась эта девушка – до тех пор, пока я знала её только по медиа и слухам. Перед встречей с Зарой Янг в моём уме успел сложиться образ избалованной, капризной, самовлюблённой нахалки, до смешного уверенной в своей неотразимости и обширных дарованиях. Беседа в тихой комнате несколько изменила моё отношение к ней. Я увидела в Заре ум, волю, а главное – некое авантюрное обаяние, способность заражать людей безумными идеями и увлекать на рискованные дела. Наверное, в тот момент я не могла судить здраво. Я была слишком польщена и горда тем, в какую важную тайну меня посвятили. А главное, слишком счастлива от того, что наконец-то возвращаюсь к научной работе после стольких лет, отданных ненавистной политике.

После разговора с Зарой я поехала в домен Ллойд, где размещался и научный центр «Ллойд Нейролаб». Там я нашла своего мужа Артура, ведущего программиста «Нейролаба». Я отвела Артура в нашу собственную тихую комнату, рассказала всё о *проекте* и вручила кейс с «Уроборосом».

– Мне некогда убеждать тебя, что всё это не бред, – сказала я напоследок. – Изучи инструкции к «Уроборосу» и попробуй включить. Больше ничего без меня не делай. А я пошла на неофициальный дипломатический обед, будь он неладен.

На обеде присутствовали всё те же: Зара Янг с телохранительницей, полковник Прасад и я. Сколько мне помнится, мы не обсуждали ничего важного. Зара, не давая никому вставить слова, делилась сплетнями о знаменитостях. Аудитория была не слишком благодарная – Прасад только хмурил брови, а я отмалчивалась, погружённая в мысли о *проекте*. И только Либертина Эстевес, телохранительница, пожирала хозяйку влюблённым взглядом и искренне хохотала над её не всегда удачными шутками.

Помню, эта Эстевес тогда показалась мне недалёкой. Возможно, она была прекрасным сторожевым псом семьи Янг, но сможет ли она возглавить интрагард в не слишком лояльной колонии? Я сомневалась. Впрочем, всё это мало заботило меня в тот момент.

Когда обед, наконец, к моей радости, завершился, Зара потащила Прасада на экскурсию по Колонии, а я вернулась к себе в «Нейролаб». Мне не терпелось увидеть, чего добился Артур. И моё любопытство оказалось вознаграждённым.

Небольшая тихая комната была так забита аппаратурой, что я с трудом поворачивалась в хаосе нагромождённых друг на друга корпусов и перепутанных кабелей. «Уроборос» был включен, его криогенные насосы громко жужжали. Артур склонился над компьютером и не замечал

ничего вокруг. По чёрному экрану бежали жёлтые символы – Артур прокручивал какой-то список буквенно-цифровых последовательностей.

– Ну, что нового, дорогой?

– Разобрался в интерфейсе, сейчас изучаю ядро операционки, файловую систему, – муж улыбался счастливой улыбкой ребёнка. – Это что-то потрясающее. Это писал гений. Ты можешь себе представить...

– Без технических подробностей, – мягко перебила я. – Результаты есть?

Артур вздохнул.

– Я могу с ним общаться. Пока только через экран и клавиатуру. – Он провёл рукой по экрану. – Это список файлов. Хочешь посмотреть?

Я наклонилась к экрану.

ТЕКСТ.ФОРМАТЫ_ФАЙЛОВ

КАРТА.ГАЛАКТИКА

ИЗОБРАЖЕНИЕ.ЗЕМЛЯ 0001

ИЗОБРАЖЕНИЕ.ЗЕМЛЯ 0649

ИЗОБРАЖЕНИЕ.САМОВОСПРОИЗВОДЯЩАЯСЯ ЕДИНИЦА 001

ИЗОБРАЖЕНИЕ.КОСМИЧЕСКИЙ_АППАРАТ 001

ТЕКСТ.ФРАГМЕНТ ЛОГА ПЕРЕГОВОРОВ 081648

X.000001

X.000002

X.000003

X.000004

– Прокрути дальше, – попросила я.

– А бесполезно. Дальше одни иксы. Это как раз и есть недешифрованные файлы. Вот, почитай описание форматов, – Артур навёл курсор на строку «ТЕКСТ.ФОРМАТЫ_ФАЙЛОВ» и щёлкнул клавишей ввода.

На экран высыпали строки. В священном трепете от того, что передо мной – перевод с инопланетного, я начала читать:

ОПИСАНИЕ ФОРМАТА_ФАЙЛОВ ТЕКСТ

ОДНОМЕРНЫЙ МАССИВ ЕДИНИЦ СЛОВАРЯ КОММУНИКАЦИИ СТОРОН_ПЕРЕГОВОРОВ

ОПИСАНИЕ ФОРМАТА_ФАЙЛОВ КАРТА

ТРЕХМЕРНЫЙ ФРАКТАЛЬНО_СЖАТЫЙ ГИПЕРМАССИВ. АЛГОРИТМ СЖАТИЯ ПО ССЫЛКЕ ТЕКСТ.ФОРМАТ_ФАЙЛА КАРТА

ОПИСАНИЕ ФОРМАТА_ФАЙЛОВ ИЗОБРАЖЕНИЕ

ДВУМЕРНЫЙ НЕ СЖАТЫЙ МАССИВ 1024 НА 1024 ЕДИНИЦЫ ЦВЕТОВОГО ПРОСТРАНСТВА КРАСНЫЙ ЗЕЛЁНЫЙ СИНИЙ 8 НА 8 НА 8 БИТ

– Ты что-нибудь понимаешь? – поинтересовалась я.

– Да тут пока всё просто. Текст – он и есть текст. Изображение – цветная картинка в один мегапиксель. Карта... Ну, скоро сама увидишь.

ОПИСАНИЕ ФОРМАТА_ФАЙЛОВ X

ПЕРЕМЕННОМЕРНЫЙ МАССИВ НА ВЫВОД В КОРНЕВОЙ ПРОЦЕССОР САМОВОСПРОИЗВОДЯЩЕЙСЯ ЕДИНИЦЫ. НЕ ИНТЕРПРЕТИРУЕТСЯ. НЕДОСТАТОЧНО_СВЕДЕНИЙ О КОРНЕВОМ ПРОЦЕССОРЕ САМОВОСПРОИЗВОДЯЩЕЙСЯ ЕДИНИЦЫ СТОРОНЫ_ПЕРЕГОВОРОВ ЗЕМЛЯ.

– Самовоспроизводящаяся единица... Это человек, что ли? Организм? – спросила я. – А его корневой процессор – мозг? – Артур только пожал плечами. – Ну-ка вернись в список файлов. Давай посмотрим эти изображения.

Пара щелчков, и я увидела на экране туманное завихрение света, в котором после некоторого напряжения узнала диск Галактики. Артур нажал на несколько других клавиш, и диск приблизился, повернулся, распался на неоднородные сгустки звёзд. Артур ещё раз увеличил масштаб. Теперь я видела прямые линии, соединяющие звёзды. От каждой звезды к соседним тянулось до десятка тонких зелёных лучей. Зелёная сеть охватывала весь диск Галактики, кроме ядра. Кое-где в ней виднелись мелкие островки-подсети других цветов – жёлтые, синие, красные.

– Что это?

– Полная трёхмерная карта Галактики, – совершенно счастливым голосом проговорил Артур. – Ты когда-нибудь могла себе такое представить?

– Это я поняла. А что за цветные линии?

– Какие-то коммуникации. Понятия не имею. Почитай сама комментарий – может, ты поймёшь.

Щелчок, и по экрану побежал текст:

КОММЕНТАРИЙ: КАРТА.ГАЛАКТИКА

КАРТА ГАЛАКТИКИ В СВЕТОВОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ К СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЕ. ДАТА 5076351 ГОД ДО_Н_Э. СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА КОДОВОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ 000000. КОММУНИКАЦИЯ НЕИЗВЕСТНЫЙ_ТЕРМИН_467 КОДОВОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ЗЕЛЁНЫЙ ЦВЕТ. КОММУНИКАЦИЯ НЕИЗВЕСТНЫЙ_ТЕРМИН_468 КОДОВОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ НЕ ЗЕЛЁНЫЙ ЦВЕТ.

– Пять миллионов лет до нашей эры? – поразила я. – Верни-ка карту... Не может быть! Галактика была *настолько* населена?

– Настолько, дорогая, настолько! – Артур приблизил картинку, и я увидела плотный клубок зелёных линий. – Вот тут связаны вообще все звёзды подряд. Но таких сгустков мало. В основном расстояние между соседними связанными системами – сто-двести световых лет. – Артур вздохнул. – Жаль, что карта устаревшая. Сейчас, конечно, координаты всех звёзд совершенно другие... Но главное! – Артур приблизил один участок, что-то нажал, и рядом с каждым узлом зелёной сети появился номер. – Видишь? Узел номер шесть нулей. Солнечная система.

Я почувствовала головокружение, когда поняла, что это означает.

– То есть пять миллионов лет назад наша Солнечная система...

– Да-да. Тоже была узлом коммуникаций.

– Но ведь это времена динозавров?

– Нет, это уже времена австралопитеков, – Артур поменял картинку, и на экране показался бело-голубой шар Земли. Посредине сквозь облака проступал узнаваемый контур Африки. Всё выглядело привычно, и я не сразу заметила, что Средиземное море какое-то не такое: на месте южной Италии пестрела цепочка архипелагов, широкий перешеек соединял Сардинию с Корсикой.

– Это что, Земля пять миллионов лет назад?

– Не пять. Почитай комментарий.

КОММЕНТАРИЙ: ИЗОБРАЖЕНИЕ.ЗЕМЛЯ 0001

ФОТОГРАФИЯ ПЛАНЕТЫ_ЗЕМЛЯ. ПРИЁМНИК КАЛЬЦИЕВЫЙ_ГОРОД. ДАТА 31 ОКТЯБРЯ 3207830 ГОДА ДО_Н_Э.

– Понимаешь?! – Артур в восторге толкнул меня в бок. – Это тебе не реконструкция! Это реальная фотография трёхмиллионлетней давности! И у нас тут только две картинки, а представляешь, сколько их в архиве на Венере? Полная фотохроника Земли за миллионы лет! Вот смотри ещё. «Земля 0649».

Он сменил картинку. Экран заполнила кирпичная квартальная сетка улиц в резких закатных тенях.

– Какой-то древний город, – решила я. – Комментарий есть?

– Разумеется.

КОММЕНТАРИЙ: ИЗОБРАЖЕНИЕ.ЗЕМЛЯ 0649

ФОТОГРАФИЯ ФРАГМЕНТА ПЛАНЕТЫ_ЗЕМЛЯ. ПРИЁМНИК КАЛЬЦИЕВЫЙ_ГОРОД. 1 ЕДИНИЦА ЦВЕТОВОГО ПРОСТРАНСТВА ОТОБРАЖЕНИЕ 2 МЕТРА. ДАТА 20 АВГУСТА 2950 ГОДА ДО_Н_Э. КООРДИНАТЫ ЦЕНТРА 72°36'21" ВОСТОЧНОЙ ДОЛГОТЫ 22°09'20" СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ.

– Тридцатый век до нашей эры. Какой-нибудь Шумер?

– Не угадала. Морское дно у берегов Индии. И это лет за двести до шумеров. Я думаю, всю древнюю историю придётся переписывать, если архив опубликуют. Но это так, на закуску. Смотри ещё.

Новая смена кадра, и я увидела на фоне белой стены нечто, на первый взгляд похожее на кучу отбросов из препараторской. Складки морщинисто-грубой кожи, раскинутые во все стороны тощие мосластые конечности, перистые усы... Из мышечной пазухи выпирал, будто грыжа, полупрозрачный пузырь с тёмными кишкообразными извилинами внутри... У меня перехватило дыхание, когда я осознала, что на фотографии – целостный организм, что за видимым уродством и хаосом стоит чуждая, непонятная, но ощутимая биологическая целесообразность.

– О боже. Это... Это... Один из *них*?

Артур развёл руками.

– Непонятно. Читай комментарий.

КОММЕНТАРИЙ: ИЗОБРАЖЕНИЕ.САМОВОСПРОИЗВОДЯЩАЯСЯ ЕДИНИЦА 001

ФОТОГРАФИЯ САМОВОСПРОИЗВОДЯЩЕЙСЯ ЕДИНИЦЫ СТОРОНЫ ПЕРЕГОВОРОВ ПЛАНЕТНОЙ_СИСТЕМЫ КОДОВОЕ_ОБОЗНАЧЕНИЕ НА КАРТЕ ГАЛАКТИКИ 765409. МАССА 55 КИЛОГРАММ. ДАТА 20 ФЕВРАЛЯ 5474789 ГОДА ДО_Н_Э.

– Что это за планетная система? Ты нашёл на карте?

– Да. Около тысячи световых лет от нас. То есть *тогда* было около тысячи, а сколько сейчас?... Ладно, пусть астрономы ломают головы. Дальше.

Артур поменял фотографию. В черноте космоса висел тонкий тор, резко освещённый солнцем. Его поверхность, изрезанная причудливыми лабиринтами, блестела не как металл, а как лёд.

КОММЕНТАРИЙ: ИЗОБРАЖЕНИЕ.КОСМИЧЕСКИЙ_АППАРАТ 001

ФОТОГРАФИЯ КОСМИЧЕСКОГО_АППАРАТА СТОРОНЫ ПЕРЕГОВОРОВ ПЛАНЕТНОЙ_СИСТЕМЫ КОДОВОЕ_ОБОЗНАЧЕНИЕ НА КАРТЕ ГАЛАКТИКИ 180647. БОЛЬШОЙ ДИАМЕТР 1.24 КИЛОМЕТРА. ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКАЯ_СКОРОСТЬ 0.008 СКОРОСТИ_СВЕТА. ДАТА 15 МАРТА 5189587 ГОДА ДО_Н_Э.

– Звездолёт? – Я потёрла лоб. – Но где у него двигатель? Хотя ладно, это не наше дело. Пусть инженеры ломают голову. Это последняя картинка?

– Да.

– Вот интересно, – проговорила я, глядя на дату. – Все данные о Галактике – пятимиллионной давности. Все данные о Земле – более поздние. Что бы это могло значить?

– Да что угодно. Например, что чужие не хотят делиться более свежей информацией о себе.

– Или что поделились с Венерой, – предположила я, – а Венера не поделилась с нами.

– Смотри-ка ещё, – Артур вернул на экран карту Галактики, дал максимальное увеличение. Возле каждой звезды-узла зелёной сети высветился номер. – Заметила? Номера – шестизначные.

– То есть количество узлов – от ста тысяч до миллиона, – заключила я. – Это была последняя картинка?

– Да. Есть ещё текст, – Артур вернулся в список файлов и выбрал «Фрагмент лога переговоров». – Самый важный, как я понимаю.

ФРАГМЕНТ ЛОГА ПЕРЕГОВОРОВ 07–08.10.2235

ЗЕМЛЯ: ВОПРОС 1:

ЦЕЛЕВАЯ ФУНКЦИЯ КОСМИЧЕСКИХ_АППАРАТОВ НАПРАВЛЕНИЯ НАЧАЛЬНЫЙ_ПУНКТ GLIESE_764_2 КОНЕЧНЫЙ_ПУНКТ СОЛНЕЧНАЯ_СИСТЕМА

СЕДНА: ОТВЕТ 1:

НЕИЗВЕСТНЫЙ_ТЕРМИН_31 СТОРОНЫ_ПЕРЕГОВОРОВ ЗЕМЛЯ

ЗЕМЛЯ: ВОПРОС 2:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО_ТЕРМИНА_31

СЕДНА: ОТВЕТ 2:

ССЫЛКА ФАЙЛ X.000019. ССЫЛКА ФАЙЛ X.000020. ССЫЛКА ФАЙЛ X.000021

ЗЕМЛЯ: ВОПРОС 3:

ПОВТОРЕНИЕ: ВОПРОС 1. ЗАПРОС ОТВЕТА В ИЗВЕСТНЫХ_ТЕРМИНАХ

СЕДНА: ОТВЕТ 3:

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ_ОТВЕТ. ШИРОКАЯ ПОЛОСА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ. СТОРОНА_ПЕРЕГОВОРОВ ЗЕМЛЯ ИМЕЕТ (ИСПОЛЬЗУЕТ) ОПЕРАТОР ОБНУЛЕНИЯ ПАРАМЕТРОВ СТОРОН_ПЕРЕГОВОРОВ НЕ ЗЕМЛЯ. КОСМИЧЕСКИЕ_АППАРАТЫ НАПРАВЛЕНИЯ НАЧАЛЬНЫЙ_ПУНКТ GLIESE_764_2 КОНЕЧНЫЙ_ПУНКТ СОЛНЕЧНАЯ_СИСТЕМА ИМЕЮТ (ИСПОЛЬЗУЮТ) ОБРАТНЫЙ ОПЕРАТОР К ВЫШЕНАЗВАННОМУ ОПЕРАТОРУ ОБНУЛЕНИЯ. ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ_ОТВЕТ. ШИРОКАЯ ПОЛОСА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ. ТОЧНЫЙ ОТВЕТ ССЫЛКА ФАЙЛ X.000019. ССЫЛКА ФАЙЛ X.000020. ССЫЛКА ФАЙЛ X.000021

– Какой-то бред... Оператор обнуления? – Я напряжённо всматривалась в текст. – Что он хотел этим сказать?

Артур лишь снова развёл руками.

– Ну, грубо говоря, это действие, обращающее что-нибудь в ноль. Математическое понятие. Но при чём тут Земля и аквилиане...

– А обратный оператор? – прервала я его.

– Э-э... Скажем так: если оператор обнуления превращает икс в ноль, то обратный к нему оператор возвращает икс. Ну, как бы нейтрализует. Это очень неточно, но... погоди, ты что-то поняла? – заинтересовался Артур.

– Кажется, начала понимать... Они начали общение с математических терминов, – принялась я думать вслух. – Ноль, один, больше, меньше – это универсально, это должно быть понятно всем разумным существам. Потом понятия посложнее – функции, операторы... Понимаешь? Седна пытается определить новые понятия через уже известные – через математические термины...

– И что? – поинтересовался муж. – Это тебе что-то даёт?

– Предположим, «обнуление» означает «уничтожение». Так понятнее?

– Ага. Земля способна уничтожить другие цивилизации? – сообразил Артур. – А цель аквилиан – уничтожить нас?

– Нет. Читай внимательнее. Не уничтожить, а нейтрализовать эту нашу способность уничтожить других. Обратить оператор обнуления... «Вы, земляне, несёте опасность, а аквилиане летят, чтобы вас обезвредить», – вот что он сказал. М-да. Не так уж и много, – вздохнула я. – Ладно, не будем заниматься гаданиями. Файлы формата «X». Икс-файлы, назовём их так. Наша задача – расшифровать их. Помнишь?

– Да, конечно, – Артур решительно стукнул по клавише, возвращаясь в список файлов. – Хочешь посмотреть?

– Давай.

Он выбрал файл «X.000001», и экран покрылся хаосом букв и цифр.

– И так на сотню мегабайт, – невесело усмехнулся он.

– А комментарий?

– Да пожалуйста.

КОММЕНТАРИЙ: X.000001

МАССИВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ КОРНЕВОГО ПРОЦЕССОРА САМОВОСПРОИЗВОДЯЩЕЙСЯ ЕДИНИЦЫ. ФРАГМЕНТ 1 ОПРЕДЕЛЕНИЕ_ТЕРМИНА НЕИЗВЕСТНЫЙ_ТЕРМИН_26. ФРАГМЕНТ 2 ОПРЕДЕЛЕНИЕ_ТЕРМИНА НЕИЗВЕСТНЫЙ_ТЕРМИН_27. ФРАГМЕНТ 3 ТОЖДЕСТВО НЕИЗВЕСТНОГО_ТЕРМИНА_26 И НЕИЗВЕСТНОГО_ТЕРМИНА_27.

Я вздохнула и на минуту задумалась.

– Для обучения, значит? Вот что. Давай-ка скормим этот файл «Малышу». Перетащим его сюда, – я с сомнением оглядела забитую аппаратурой комнатку. – Показывай «Малышу» икс-файл через разные фильтры. Если он что-то распознает – увидим характерный всплеск нейроактивности.

Разумеется, в действительности я произнесла одну-единственную короткую фразу на профессиональном сленге. Но в мемуарах, рассчитанных на широкую публику, приходится использовать простой язык и всё разъяснять. «Малышом» мы называли модель человеческого мозга – бионическую нейронную сеть. На ней мы обычно проводили предварительное тестирование нашей продукции – имплантов и программ для них. «Малыш» был, конечно, примитивной моделью. С ним нельзя было общаться как с человеком. Он проявлял лишь низко- и среднеуровневые реакции на раздражители – то есть обладал подсознанием, но не сознанием, как сказал бы какой-нибудь древний психолог. Но пока ещё рано было ставить опыты на настоящих человеческих мозгах. Мы перенесли в тихую комнату компьютер с «Малышом», и я оставила Артуру заниматься монтажом и наладкой.

Мне самой надо было готовиться к правительственному приёму. Я с радостью избежала бы участия в этом бессмысленном сборище – но не могла, пока оставалась главой Колонии. Когда я вышла из тихой комнаты, и мой даймон смог подключиться к сети, я бросила взгляд на часы, что замерцали в углу поля зрения. 18–20. Эти цифры я запомнила на всю жизнь.

Чёрные бьют ладью

31 июля 2481 года.

18:19:47.

Пятьдесят секунд до начала войны.

Радиолокатор «Декстра-5» – сеть антенн на маленьком астероиде группы Атона – фиксирует эхо своего сигнала. Объект слежения – циклер «Санторо». Обычно локация происходила раз в сутки, но в последнее время «Декстру» перепрограммировали на предельную для него частоту импульсов – раз в сто секунд. Простой процессор локатора не в состоянии осмыслить, для чего это нужно. Он лишь высчитывает координаты и скорость объекта, и тут же отправляет результат в центр.

Саид выныривает из воды, ошалело барахтаясь и отфыркиваясь. На этот раз он прыгнул в глубокую часть бассейна – ноги не достают до дна. Он панически хватается за бортик. Он почти не умеет плавать. Сейчас он отдышится, протрёт глаза и побежит прыгать опять.

18:19:54.

Ретранслятор на орбите вокруг Венеры принимает сигнал локатора. Узконаправленным инфракрасным лучом он передаёт координаты «Санторо» вниз, в оперативный центр управления, спрятанный глубоко в атмосфере. Там, невидимая ни для кого в космосе, плывёт сквозь кислотную дымку маленькая лапута – скала из силиконо-водородной пены. Процессор, скры-

тый в глубине лапаты, сравнивает шесть полученных цифр с другими шестью – и подпрограмма целеуказания выдаёт результат «ИСТИНА».

Арлекин медленно и со вкусом пьёт чай на террасе чайханы. Он полулежит в углу на пестрых подушках дивана. На столике перед Арлекином чайник, цветастая пиала и тарелка со сладостями. Бледно-розовая жидкость в пиале пахнет мятой и смородиной. По тарелке ползает муха. В другом углу террасы два старичка коротают время за нардами. Во дворе попискивают цыплята, где-то визгливо бранятся женщины, высоко в небе с рокотом чертит инверсионную полосу шаттл.

18:20:06.

Гамма-лазерная бомба ползёт по своей орбите – труба, обёрнутая в фотовольтаическую плёнку и подвешенная на тончайших растяжках в центре десятикилометровой петли магнитного паруса. Ток кружит по сверхпроводящей петле, укутанной в изоляцию из азотного снега и зеркальной фольги. Магнитное поле тока медленно поворачивает гигантскую конструкцию в потоках солнечного ветра, так что труба выдерживает заданное направление – точно на циклер «Санторо».

Зара Янг расстёгивает платье и поводит плечами, заставляя его соскользнуть на пол. Дверь душевой открывается по её мыслекоманде. Зара шагает в душ, и струи горячей воды со всех сторон под напором ударяют в неё. Она зажмуривается, запрокидывает голову, подставляет лицо потоку.

18:20:07.

Антенна бомбы принимает узкополосный радиосигнал с Венеры. Процессор расшифровывает передачу: сообщить о состоянии, перейти в боевую готовность ноль. Все системы в норме, отвечает бомба, наведение на цель осуществлено – и начинает постепенно снимать ток с паруса, чтобы перенаправить его в контур поджига ядерного заряда.

Гвинед Ллойд выходит из тихой комнаты. «Есть подключение к сети», – докладывает даймон. Она бросает взгляд на часы, что появились в углу поля зрения, видит четыре цифры и тут же их забывает. Не глядя по сторонам, на автомате она идёт сквозь лаборатории «Ллойд Нейролаб» в свои личные полости. Все её мысли заняты «Уроборосом» – как ни старается она переключиться на предстоящий правительственный приём.

18:20:20.

«Овер-коммандер?» – звучит даймон в голове Максвелла Янга. – «Запрос ОЦУ-12».

«Слушаю», – мысленно отвечает Янг. Перед его глазами виртуально мерцает трёхмерная карта Солсистемы – клубок эллипсов с ползущими по ним точками, но взгляд овер-коммандера не сосредоточен ни на одной.

«“Санторо” вошёл в зону поражения. Гамма-лазер готов к нанесению удара. Подтверждаете приказ на уничтожение? Запрашиваю голосовой ответ».

– Подтверждаю приказ на уничтожение, – произносит Янг вслух, без интонации и без колебаний.

Дани Санторо с силой кидает брату мяч от головы. Отдача несёт её назад и раскручивает. Она упирается ногами в стенку полости, приседает, чтобы остановить вращение, и с лихим визгом отталкивается от стенки. Летя стремглав на брата, Дани принимает его подачу. Это замедляет её полёт. Цепляясь за неровности стены, Карл успевает отползти в сторону. Он всегда старается за что-нибудь держаться – вечный предмет насмешек для сестры. Дани любит летать, а Карл – почему-то нет, хотя, как и она, родился и прожил всю свою короткую жизнь в невесомости...

18:20:33.

Гамма-лазер получает команду и срабатывает.

Тротильный запал воспламеняет плутониевый заряд, служащий, в свою очередь, запалом для водородной бомбы. Имплотация. Цепная реакция. Взрыв. Лавина быстрых нейтронов обру-

шивается на лазерный элемент – трёхметровый монокристалл гидрида урана – и, поглощаясь в тяжёлых ядрах, выбивает из них когерентную волну гамма-фотонов. За миллисекунду до того, как испариться во взрыве, лазер успевает излучить мегатонный импульс энергии – и вся она плотным узким пучком нацелена на «Санторо».

Осирис Сторм, капитан «Норвегии», иступлённо крутит педали велотренажёра. Пот течёт по его лицу – Сторм намотал уже пять километров при двух лунных g, но он твёрдо намерен побить вчерашний рекорд. Врач сказал, что есть первые признаки декальцинации. Капитан проводил всё положенное время в центрифуге, делал все упражнения по графику, но, очевидно, этого мало. Нагрузки нужно увеличить, хоть времени и не хватает ни на что. Сторму совсем не хочется вернуться на Луну калекой, когда всё кончится...

18:20:34.

Невидимый гамма-луч ударяет в каменный бок «Санторо». Половина астероида мгновенно вспыхивает ослепительной белизной, сквозь него пробегает ударная волна и – быстрее, чем люди внутри успевают осознать происходящее – сминает и перемешивает их тела с осколками камня, льда и металла. Наружу вырывается свет – настолько яркий, что скала становится почти прозрачной на доли секунды, прежде чем разлететься на раскалённые каменные обломки, кометные хвосты пыли и струи паров...

Астар Далтон читает краткий текст, светящийся перед его глазами. Полная людей комната виднеется сквозь строки расплывчато и раздвоенно. В комнате абсолютная тишина. Далтон дочитывает. Текст ещё висит, но Далтон смотрит сквозь него, сфокусировав взгляд на людях.

Все они растеряны. Они испуганы. Они ждут его слов – но никаких слов Далтон сейчас не находит.

31 июля 2481 года.

18-26.

Война началась.

Часть вторая: Миттельшпиль, начало

Эпизод собаки

Солнце село, и ноздри жёлтой собаки учуяли запах Той Самой Вещи.

Сегодня Та Самая Вещь возникла чуть выше в небесах, чем вчера. Собака почти не могла её видеть – её зрение плохо фокусировалось на неподвижных далёких точках – но этот слабый, тревожный, такой родной и невыносимо недосыгаемый запах нельзя было спутать ни с чем.

Жёлтая собака обратила нос к тому, что для человеческих глаз было самой яркой звездой в сумеречном небе. Она нервно зашевелила ноздрями, чтобы впитать как можно больше Того Самого Запаха. В нём было что-то от запаха солнца и подвижных вещей двуногих – но солнце пахло гораздо резче, грубее, гуще, а от вещей двуногих вообще шибало так, что хотелось чихать, и болела голова... Нет, Та Самая Вещь пахла тонко. Томительно. Возбуждающе... Но возбуждала совсем не так, как запах мяса или кобеля при течке. Желание, которое пробуждал Тот Самый Запах, было столь же сильно и неодолимо – но собака не знала, не понимала, что с ним делать. Ни один инстинкт не подсказывал, чем можно его утолить.

Подняв морду к Той Самой Вещи, жёлтая собака в тоске заскулила, а за ней вступили и остальные – вся стая чёрного цветка.

Жёлтая собака прочно забыла, что когда-то – всего пару месяцев назад – она знать не знала Той Самой Вещи, и даже не чувствовала запахов солнца и подвижных вещей двуногих. Она забыла, как её ужалил чёрный цветок, как она потом валялась, дрожа и не в силах согнать с себя мух, как потом в жутком приступе голода жрала всё подряд: траву, землю... Забыла, что когда-то она не принадлежала цветку и не мучилась от непостижимых, неутолимых желаний... Всё это стёрлось начисто.

Сам чёрный цветок никаких желаний в ней не будил. Жёлтая собака отличала его по запаху, но воспринимала лишь как кормушку.

Правила были просты. Даже собачьи мозги могли их усвоить.

Съедобных, только что ужаленных цветком – не ешь. У них неправильный запах. Позволь им уйти.

Они, ужаленные, всё равно вернуться – цветок их притянет. Вернутся уже без запаха, вялые и беспомощные. И вот тогда – убивай и ешь, а потом испражняйся под цветок: только это ему и нужно.

А ещё не ужаленных – загоняй к цветку. Цветок их ужалит. И тогда они придут к нему, притянутые, во второй раз. Придут уже ослабленные. Придут как твоя еда.

Чего-чего, а еды стало вдоволь с тех пор, как жёлтая собака покорила цветок. Мыши, ящерицы, птицы, змеи... Цветок притягивал всех. А тех, кто слабо чувствовал притяжение, можно было загнать стаей – как тех двух детёнышей двуногих. Целыми днями стая караулила вокруг цветка – своей кормушки – и не знала голода... Но по ночам восходила Та Самая Вещь – и мучила собак голодом, который не могло утолить никакое мясо.

Жёлтая собака скулила всё протяжнее и отчаяннее. Её скулёр перешёл в вой... Дай! Дай! Дай! – выла она, а за ней вся стая. Дай нам то самое, непонятное, недоступное, чего ты заставляешь нас хотеть – и оставь в покое...

Юпитер медленно полз в темнеющем небе. Невидимый для собачьих глаз. Глухой к собачьим мольбам.

Из архива. Официальные заявления

Декрет Совета Колонии Фламарион

[dsnp://flammarion.moon/](https://flammarion.moon/)

Сегодня в 18–20 по всемирному времени астероид-циклер «Санторо» подвергся гамма-лазерному удару. В результате лучевого воздействия значительная часть астероида мгновенно испарилась, а оставшаяся распалась на куски. Все люди в циклере погибли.

В момент атаки «Санторо» совершал орбитальный рейс Земля-Венера и был зафрахтован Колонией Фламарион. В циклере находились его владельцы-смотрители, семья Санторо (пять человек, в том числе двое детей) и двенадцать колониалов Фламариона – экипаж пассажирского курьера «Норвегия».

Рейс носил мирный коммерческий характер. Удар был нанесён без предупреждения, в нейтральном космосе, и является преступлением, которому нет оправдания.

Источник лазерного импульса наблюдался как вспышка с энерговыделением около 3 мегатонн ТНТ на расстоянии 0,68 а. е. от Солнца. Учитывая, что взрыв произошёл в орбитальной зоне Венеры, и что энергия и спектр вспышки соответствуют взрыву гамма-лазерной бомбы «Хреар Неаву» производства Эрикса, мы считаем доказанным, что Колония Эрикс является виновником нападения.

Принимая во внимание, что мирный циклер подвергся ничем не спровоцированной агрессии, что результатом стала гибель колониалов Фламариона и значительный материальный ущерб, Колония Фламарион заявляет, что находится в состоянии войны с Колонией Эрикс.

Главнокомандующим военно-космическими силами Фламариона назначается прайм-администратор Астар Далтон.

Венерианское небо пламенело в окне-экране. Максвелл Янг в простом чёрном кимоно стоял спиной к экрану, лицом к камере – пальцы крупных узловатых рук сплетены на животе, взгляд жёлто-карих глаз прям, неподвижен, грозен.

– Ложь Фламариона, – медленно и веско произнёс он, с напором растягивая согласные, – без-здарна. И смехотвор-рна.

Голос Янга – низкий, хищный, с завораживающей хрипотцой – был таким же синтетическим, как вид за окном. Без обработки он слышался бы как писклявое кряканье: в кислородно-гелиевой атмосфере Эрикса все голоса звучали на октаву выше, чем в воздухе Земли.

– Док Далтон говорит, что Эрикс атаковал его мирный коммерческий циклер. Док Далтон забыл упомянуть, что циклеров было два. Давайте поглядим на второй.

Появилась стереокартинка: астероид, окутанный бледным призрачным ореолом. Ореол плавно сгущался к поверхности скалы и был бы похож на атмосферу, если бы не раздувался с каждой секундой.

– Перед нами циклер «Хольцман». Он идёт к Венере вслед за «Санторо». Тоже зафрахтован Фламарионом и тоже, по интересному совпадению, не отвечает на наши запросы. А вокруг него – защитный слой аэрогеля. Сразу после уничтожения «Санторо» на «Хольцмане» включили пеногенераторы – не слишком обычная оснастка для мирного коммерческого циклера. И ещё деталь: «Хольцман» выпустил ракеты. Три десятка. Тоже, вероятно, коммерческие и мирные.

Картинка исчезла. Взгляд Янга стал ещё мрачнее и жёстче.

– «Хольцман» прошёл афелий у Земли четыре месяца назад. Очевидно, тогда же его загрузили ракетами и прочим мирным товаром. Четыре месяца назад – четыре месяца – Фламарион атаковал нас. И лишь когда мы отбили его первый удар, объявил войну. Невыносимое лиц-цемерие.

Камера приблизилась к Янгу, его лицо заняло почти весь экран.

– Наш удар – ответ на враждебные действия. Если бы мы не атаковали «Санторо», он атаковал бы нас. И это – предупреждение для марсианских союзников Фламариона. Сейчас их собственный циклер «Нефер» направляется к члену нашей Плеромы – Колонии Рианнон. Может, это действительно мирный коммерсант? Не исключаю. Пусть он откроется для проверки нашей инспекционной программой. Если «Нефер» откажется, мы уничтожим и его. Надеюсь, я выразился ясно?

Взгляд овер-командера едва заметно смягчился.

– Я искренне сожалею о гибели семьи Санторо. Мы всегда стремимся избегать лишних жертв. Но когда противник подло прикрывается детьми и гражданскими – мы не поддаёмся на шантаж. И несмотря ни на что, даже сейчас мы желаем мира. Я призываю Сильвану и другие колонии воздержаться от участия в нашем конфликте с Фламарионом. Я готов в любой момент сесть за стол переговоров с его прайм-администратором. Дело за вами, док Далтон.

Максвелл Янг слегка наклонил голову. Передача закончилась.

Рианнон. Диалог

БАЗА РИАННОН – БАЗЕ НЕФЕР

2481/07/31 21:30:55

Запрос: Тот кто сражается сражается во благо себе

БАЗА НЕФЕР – БАЗЕ РИАННОН

2481/07/31 21:34:31

Ответ на запрос: Воистину Аллах не нуждается в мирах⁵

БАЗА РИАННОН – БАЗЕ НЕФЕР

2481/07/31 21:38:03

Запрос: Идентификационные данные

Запрос: Перечень вооружений

Запрос: Цель посещения

БАЗА НЕФЕР – БАЗЕ РИАННОН

2481/07/31 21:41:48

Ответ на запрос «Идентификационные данные»:

Название – «Нефер»

Тип – грузопассажирский циклер

Владелец – Колония Сильвана / Марс

Капитан – м-р Барсум [NAV] Ли

Ответ на запрос «Перечень вооружений»: Вооружение отсутствует

Ответ на запрос «Цель посещения»: доставка партии больных для лечения и реабилитации согласно договору медицинского страхования 520-S от 2470/12/09

БАЗА РИАННОН – БАЗЕ НЕФЕР

2481/07/31 21:45:35

Извещение: Идентификация подтверждена

Извещение: Предполагается враждебность ваших намерений

Извещение: Необходима инспекция

Предписание: Принять и установить в систему управления базой инспекционную программу

Предупреждение: Неисполнение предписаний будет считаться доказательством враждебности

⁵ Коран 29:6. Перевод Э. Кулиева.

БАЗА НЕФЕР – БАЗЕ РИАННОН

2481/07/31 21:49:40

Извещение: Готовы выполнять ваши предписания

Извещение: Инспекционная программа закачана

Запрос: Предоставить время на проверку безопасности программы

БАЗА РИАННОН – БАЗЕ НЕФЕР

2481/07/31 21:53:28

Извещение: Предоставлено 20 минут на проверку безопасности программы

Предписание: Установить широкополосную связь по протоколу CSP

Предписание: Вызвать капитана на связь

Полковник Веспер Прасад в ожидании связи перечитывал от нечего делать лог переговоров между компьютерами.

Полковник был мрачен. Не из-за «Нефера» – тот был ещё слишком далеко и не представлял опасности. А из-за того, что окончательно перестал понимать, кому подчиняется с сегодняшнего дня. Гвинед Ллойд? Заре Янг? Напрямую Максвеллу Янгу?

Но главное, Прасад был глубоко обижен. Обижен тем, что у него безо всякого предупреждения отняли интрагард. Пусть даже временная, эта отставка – плевок ему в лицо. Выходит, когда речь идёт о безопасности дочери, овер-коммандер доверяет какой-то зелёной соплячке-телохранительнице больше, чем ему, Весперу Прасаду!

Мало того. Его даже не пригласили на правительственный приём! А ведь он всё ещё глава экстрагарда, и ему по протоколу положено присутствовать. Вместо этого Ллойд заставила его вести якобы «важные и срочные» переговоры с «Нефером». Как будто и ребёнку не ясно, что циклер вооружён и враждебен, что любые переговоры с ним – напрасная трата времени.

Прасад сидел в угрюмом одиночестве посреди командного пункта – маленькой полости, упрятанной глубоко в недра Рианнон. Фасетчатые стены светились мозаикой экранов, осветительных панелей, пультов управления. Вооружением астероида управляли в основном по-старинному – кнопками: в таком деле не полагались на мыслекоманды. Все экраны показывали «Нефер». Отсюда, с расстояния в 0,4 астрономических единицы, марсианский циклер выглядел как тусклая точка даже при максимальном увеличении.

Ничего угрожающего «Нефер» не делал. Не запускал ракет, не разворачивал радиаторов боевых лазеров, не окутывался защитной пеной... И всё же полковник не сомневался в его враждебности. Марсиане со своей нелепой легендой о перевозке больных просто тянули время. Будь воля Прасада, он атаковал бы первым, безо всяких инспекций, переговоров и расшаркиваний. Но... «Действовать дипломатически безупречно». Именно так, слово в слово, приказал Максвелл Янг. А уж ему-то Прасад точно подчинялся, кто бы ни был главным в этом бардаке под названием Рианнон.

– Капитан Ли на связи, – раздался, наконец, голос даймона. – Лаг 212 секунд.

В поле зрения возникало два окна. Гладкое улыбчивое лицо Ли настолько контрастировало с мрачным лицом полковника, что тот сразу скомандовал заменить своё подлинное изображение аватаркой.

– Приветствую, полковник, – голос Ли показался Прасаду удивительно неприятным, а интонация – издевательской. – Я понимаю, что после несчастного случая с «Санторо» мы выглядим подозрительно. Но, честное слово, у нас всё чисто. Сильвана ни с кем не воюет. Мы зафрахтованы медицинской компанией «СтарФаб». Везём больных с ампутациями на биопротезирование. Предупредили вас четыре месяца назад. Четыре месяца... неудачное совпадение, но это действительно только совпадение, поверьте. Разумеется, мы загрузим вашу инспекционную программу, и вы сами во всём убедитесь. Кстати, вы не против, если я выложу наши переговоры в Солнет? Пусть весь мир знает, что наш рейс абсолютно мирный, – лицо капитана

застыло в таком отвратительно-самодовольном выражении, что у Прасада не осталось ни тени сомнения: ему лгут в глаза.

– Начало сообщения, – хмуро скомандовал он. – Приветствую, кэп. Я ничего не знаю ни про какой договор. И первый раз слышу о вашем рейсе. На Марсе теперь негде пришить протезы? Вы меня не убедили. Ждите решения нашего руководства. Мои реплики публиковать в сети запрещаю. Конец сообщения, конец сеанса. Стоп! («Действовать дипломатически безупречно» – вовремя вспомнил Прасад). Даймон, отредактируй речь. Пригладь и добавь любезностей. Потом только отсылай. Вперёд.

Прасад откинулся в кресле и стал размышлять.

«Ждите решения нашего руководства», сказал он. Вот только кто он, док Наше Руководство? Гвинед Ллойд? Страховой договор – если он существовал – наверняка подписывала она. И она же – официальный начальник Прасада, так что по всему выходит: вызывать нужно её.

С другой стороны, он, Прасад – эриксианин. Эрикс назначил его на эту должность, Эрикс ведёт войну, перед Эриксом ему отвечать за ошибку. Официальный представитель метрополии – Зара Янг. Что, если Ллойд прикажет пропустить циклер, а Зара – атаковать? При том, что объём её полномочий никто так и не определил в ясной инструкции. Дочь Максвелла Янга – это не должность... А-а, будь проклята эта Рианнон с её неразберихой. «Грязь и вонь!⁶», – сквозь зубы выругался полковник и приказал вызвать обеих.

Рианнон. Покушение

Зара полуобернулась перед виртуальным зеркалом, придирчиво осматривая себя. Для приёма она выбрала вечернее платье в помпезном венецианском стиле – ярко-чёрное ципао из натурального шёлка с Земли, всё в переливах синих павлиньих глазок. Лицо сделала рианнонски бледным, украшения надела из платины, а волосы, закрученные в пару бараньих рогов, покрыла блестящим лазурным лаком.

– На правительственном приёме скандальная Зара Янг в очередной раз произвела фурор, – произнесла она с придыханием. – Шокирующе смелый дрессинг скрывал её тело практически полностью и, по слухам, обошёл семейству Янг в... Во сколько там, Либи, ты не помнишь?

Телохранительница пожала плечами. Она сидела на диване, не сводя с Зары глаз.

– Выглядишь потрясающе!

– Спасибо, но лесть тебе не поможет, – Зара лукаво улыбнулась ей через плечо. Аура окрасилась металлическим оттенком категоричности. – Ты не пойдёшь со мной.

– Я обязана тебя охранять, – с безнадёжным упрямством повторила Эстевес.

– Меня охраняет интрагард. Ты – его глава, – не отрывая глаз от зеркала, Зара поправила микроскопический изъян причёски. – Ты должна узнать местный штат, завоевать авторитет и добиться полного подчинения. И времени у тебя мало.

– Местные вполне дисциплинированы. Интрагард – отлаженная машина. Прасад отлично его организовал. Я у него за пару часов приняла дела и во всём разобралась.

– Ты, Либи, совсем не политик, – Зара легко вздохнула. – Интрагард – не машина, а живые люди. И я должна быть уверена, что они пойдут за тобой в *любой* ситуации. Даже в такой ситуации, когда они, может, и за Прасадом бы не пошли. Ты не забыла, что мы готовим переворот? – Зара повернулась к телохранительнице. – Я собираюсь стать диктатором этой колонии. Весьма и весьма ненадёжной колонии. Я собираюсь сделать её надёжной. И бросить в бой против марсиан, – она не отрывала глаз от Либертины. – Взять хотя бы этот приём. Зачем я

⁶ В действительности он сказал «Vent shlock!», что дословно означает: «Несортированные отходы в вентиляционной системе!» Ругательства XXV века можно перевести на современный русский язык лишь весьма приблизительно. – Прим. автора.

туда иду? Чтобы очаровать местную верхушку, естественно. Но одного очарования мало. Мне понадобятся бойцы. И не бойцы Ллойд или Прасада, а *твои*, понимаешь? – Зара наклонилась к телохранительнице, положила руки ей на плечи. – Иди к бойцам, дорогая, – прошептала она, – и сделай их своими. Нет-нет, размажешь всю помаду, – она резко выпрямилась, развернулась. – Всё! Я пошла. Моё опоздание и так уже стало вызывающим.

Правительственный приём только начался. Около полусотни мужчин, женщин и андрогинов прохаживались по Ллису, залу приёмов – просторной полости, оформленной в псевдокельтском стиле. Свод подпирали деревянные столбы с витиеватой резьбой, между ними бронзовые котлы, подвешенные на цепях, медленно качались в слабом тяготении. Древние богини – Розмерта с рогом изобилия, Бригантя в доспехах и, конечно, Рианнон верхом на коне – грозно смотрели со столбов. Бренд-культура колонии была, собственно, валлийская, но когда дизайнерам не хватало материалов из Уэльса, они не стеснялись заимствовать у галлов и других кельтов. Играл живой оркестр из волынок и арф. Сервоботы разносили подносы с бокалами.

Гости непринуждённо беседовали, разбившись на группы – праймы и вайсы доменов, грандмастеры гильдий, высшие чиновники администрации. В глазах рябило от многоцветного сияния аур, скрывавших нагие тела – спиральных, фрактальных, переливчатых, имитирующих одежду или мех небывалых зверей. То и дело над головами вспыхивали золотые искры удовольствия, голубые дуги сочувствия, радужные огоньки смеха. Всё это выглядело как дорогая вечеринка, но, по сути, приём был политическим событием, не менее важным, чем предстоящий Совет. Именно здесь, за шутками и вином, решалось, кто как проголосует на Совете и за какую цену.

Сегодня разговоры вращались вокруг двух тем – войны с Фламарионом и отставки Гвинед Ллойд. Официально Гвинед ещё оставалась в должности. Но для приёма она выбрала особую ауру – струящиеся ленты красно-белых цветов домена Ллойд, а это говорило: она здесь в качестве прайма своего домена, а не главы колонии. Событие уже перестало быть сенсацией. Гвинед отказалась обсуждать преемника, и интерес к ней угас. Но вскоре внимание толпы нашло себе новую цель.

– Док Зара Янг, делегат Колонии Эрикс! – разнеслось объявление по залу.

Зара вошла стремительно, заставив гостей расступиться. Ослепительно-чёрный наряд резко выделялся в призрачном цветнике аур, её глаза сверкали, торжествующая улыбка играла на губах. Толпа оживилась и потянулась к новому центру интереса, но Зара мгновенно нашла глазами Гвинед и двинулась к ней.

– Добрый вечер, Гвин, – Зара безмятежно улыбалась. – Вы одни? А где ваш супруг? – Зара помнила, что муж прайм-админа, Артур Ллойд – её вайс и ведущий программист «Ллойд Нейролаб».

– Оставила его работать над... *проектом*. – Гвинед выделила последнее слово ярко-алым сполохом ауры. – Занялась бы им и сама, но, к сожалению, не могла пропустить приём.

– А, поняла. Подробности позже. Что ж, а теперь знакомьте меня!

И началась церемония представлений. «Док Гроно Пенмор, локальный координатор Плеромы... Док Ронабви Дифед, вайс-администратор... Док Морвид Хоэл, прайм-социал-инженер...» По существу в этом, конечно, не было нужды. Даймон Зары показывал над каждым гостем его имя, должность, домен, гильдию и даже эмблему политической ориентации. (Роза означала «сторонник Эрикса», флюгер – «условно лоялен»). Но светский ритуал был незыблем. Зара ослепительно улыбалась каждому и старалась не повториться в ответах на одинаковые комплименты.

Всеобщее внимание приносило ей острое удовольствие. Зара наслаждалась, чувствуя, с каким вождением все эти благопристойно голые мужчины, андрогины и женщины пожирают глазами её бесстыдно закрытое тело... Но что-то с первой секунды смутно беспокоило в этой разноцветной толпе. Чем дальше, тем более натянутой становилась улыбка Зары, тем отстра-

нённее взгляд. Наконец она поняла. Извинившись, она взяла Гвинед под локоть и отвела в сторону.

– Я вижу над всеми розы и флюгеры, – вполголоса сказала она. – Здесь что, все наши? Из оппозиции – никого?

Гвинед закусила губу. Стало видно, что она ждала и боялась этого вопроса.

– Да, никого.

Лицо Зары потемнело, аура в один миг налилась лиловым цветом гнева.

– Я же вам сказала, что их надо пригласить, – прошипела она.

– Я пригласила, но они даже не ответили!

– Ах, вот как, – зрачки Зары расширились от ярости. – Обрадовались! Решили, что началась война, то сила уже на их стороне. Что могут нас открыто презирать. Ну, посмотрим, посмотрим. Гвин, придумайте способ наказать их.

Прайм-админ вздрогнула и невольно отстранилась.

– Это вряд ли... возможно. Всё это главы сильных доменов, и у нас нет юридических оснований. Ни для ареста, ни для чего-то ещё. Это будет скандал.

– Да и пусть. Я обожаю скандалы. Вот смотрю на эту публику и всё думаю... – Перед взглядом Зары замигала красная надпись: «Вызов: п-к Веспер Прасад. СРОЧНО. Высший приоритет». Её гнев остыл так же быстро, как вспыхнул. – О, прошу прощения, вызов.

– Прошу прощения, вызов, – одновременно сказала Гвинед.

– Тоже от Прасада? Давайте послушаем, – Зара вызвала окно связи.

– Док Ллойд, док Янг, – обычным недовольным тоном начал полковник. – Докладываю: «Нефер» вышел на связь. Капитан говорит, что их рейс – мирный. Они согласны на инспекцию. Прошу ознакомиться с логом переговоров и...

Зара отключилась.

– Я вижу, там ничего экстренного, – заключила она. – Разберитесь с этим сами, Гвин, хорошо? А то я уже слишком надолго покинула публику.

Гвинед неохотно кивнула.

– Я выйду поговорить – здесь шумно.

– Конечно, – Зара уже не смотрела на неё. Пора было выступить с речью. Она обернулась к залу и мысленно скомандовала подать голос на усилители.

– Прошу внимания, доктора, мастера и милитанты! – разнёсся её голос над Ллисом. Шум стих. – Как вы уже знаете, несколько часов назад началась война между нами и Колонией Фламарион. Напомню – два циклера Фламариона атаковали Венеру. Один уничтожен. Второй выпустил ракеты, и скоро вблизи Венеры развернётся битва между нашими и фламарионскими автоматами.

Зара считалась плохим оратором. Все её речи сводились к сухому изложению фактов. Она не стремилась расцвечивать их риторикой – была уверена, что её всё равно будут слушать с открытым ртом. И да, обычно так и происходило.

– Кроме того, сюда, к Рианнон, движется циклер с Марса под названием «Нефер». На дистанцию атаки он подойдёт через месяц. Надеюсь, все понимают, что это значит? Это уже не война Эрикса против Фламариона. Это наша с вами общая война, война тех, кто хранит верность Космофлоту, против предателей из Дуэта. *Мировая война.*

Она сделала паузу, позволив публике взволноваться и утихнуть.

– Но мы не будем застигнуты врасплох! Колония хорошо вооружена, у меня есть первоклассный боевой корабль. Мы будем бороться и победим, и эта победа навеки скрепит братский союз Рианнон и Эрикса. Более того! Она станет первым шагом к воссоединению человечества. За победу!

Зара подняла бокал с подноса сервобота, с силой вдохнула испарения – перед глазами пробежали цифры процентов и промилле: «Алкоголь... Анионы... Катионы... Наночастицы... Радиоактивность... БЕЗОПАСНО» – и залпом выпила.

Загремели аплодисменты. Под их гром всё и произошло.

Первым, что она ощутила, было давление в голове. Оно быстро пульсировало и нарастало до невыносимой боли.

Зара вскрикнула. Схватила за пластиковое плечо сервобота.

Дыхание остановилось, как от удара в солнечное сплетение. Спазматические пульсации охватили горло, грудь, все мышцы тела.

Всё-таки отравла? – мелькнуло в последнем светлом уголке сознания. Нет. То же самое творилось со всеми.

Все вокруг хрипели, хватались за горло, задыхались, падали в агонии.

Она едва успела увидеть и осознать это – прежде чем тело отнялось, а мир вокруг расфокусировался и расплылся в пятнистое цветное небытие.

Из архива. Лента новостей

Обращение временной администрации Колонии Рианнон
dsnp://free_rhiannon.freezone.sol/

Люди Солнечной системы! Сегодня, 31 июля 2481 года, народ Колонии Рианнон вернул себе свободу. Оккупационная власть свергнута. Венерианские угнетатели и их приспешники взяты под арест. Сформирована временная администрация. На 15 августа назначены внеочередные выборы в Совет.

Временная администрация объявляет о выходе Колонии Рианнон из так называемой Плеомы и расторжении всех неравноправных договоров с Эриксом. Колония Рианнон вновь нейтральна и независима.

Мы призываем Дуэт и другие колонии всеми посильными средствами поддержать нас в борьбе за свободу. Благодарный народ Рианнон не забудет руки помощи, протянутой в трудную минуту. Вместе мы победим!

Д-р Кадваллон Араун, председатель временной администрации
Официальное сообщение администрации Колонии Рианнон
<dsnp://rhiannon.adm/>

В ночь на 1 августа боевики из движения «Свободная Рианнон» подняли мятеж с целью захвата власти в Колонии. Их планы провалились. Мятеж подавлен. Законная администрация контролирует пространство Колонии, СЖО и комплекс вооружений. Мятежники захватили заложников и заняли небольшой объём астероида, где полностью блокированы.

Заявления так называемой «временной администрации Рианнон» не имеет никакого отношения к реальности.

Администрация предпринимает все усилия для скорейшего освобождения заложников. Мы надеемся, что этот внутренний инцидент не повлияет на мирные отношения Рианнон с другими колониями.

Д-р Гвинед Ллойд, прайм-администратор
П-к Веспер Прасад, глава экстрагарда
Л-т Либертина Эстевес, глава интрагарда
Эрикс – Фламарион: хроника войны
<dsnp://cerestimes.ceres/>

За минувшую ночь не произошло ни одного столкновения. Движущийся к Венере фламарионский циклер «Хольцман», по-видимому, находится вне зоны поражения эриксийских гамма-лазеров. Ракеты, запущенные «Хольцманом» вчера, продолжают баллистический полёт

к Венере. Как сообщает медиа-служба главного штаба Фламариона, ни одна ракета пока не сбита. Из главного штаба Эрикса передают, что все ракеты отслеживаются и будут уничтожены, как только войдут в сферу действия планетарной системы обороны.

Независимые астрономы зафиксировали множество слабых тепловых вспышек вблизи Венеры. Очевидно, это реактивные выхлопы боевых аппаратов Эрикса. Два самых ярких выхлопа, вероятно, принадлежат флагманам эриксианского флота – межпланетникам «Спящий Ктулху» и «Ползучий Хаос Ньярлатотеп». С какой целью они меняют орбиты, пока не ясно.

Из архива. Личное дело Арлекина

ОТКРЫТАЯ ЧАСТЬ

ID: 516005627611

Имя – Брэм Конти

Девпат – милитант

Дата рождения – 2440/12/16

Родители (производитель) – Земной филиал / Рианнон Биосервис

Модификация – файтмод / хайграв

Гендер – мужской

База – Колония Новая Москва / Земля

Аффилиация – экстрегард / Земной филиал / Рианнон Биосервис

Должность (статус) – старший оперативник, капитан

ЗАКРЫТАЯ ЧАСТЬ

Постоянный ник – Арлекин

Генолиния – XW9376 magnum / поколение 4 / экспрессия 0.85

База обучения – Старый Бастион / Объединённое Агентство по охране и сыску

Патернал – Бен Линь

Матернал – Аманда Ким (до 2452)

Стаж СОД – 19 лет

Балл по тесту Телсерга – 450/109

Синтагма по Лаичу-Тиму – крысолов / сталкер

Этический профиль по Рабиновичу – альтернатор / индивидуал

Сексуальный профиль – гетеро / поли / доминант

Социопатия по шкале Хэна – А3

Лояльность – условно высокая

Рейтинг Агентства – +47

Рейтинговая история:

2463 +2 за участие в боевых действиях

2464 -1 за самовольное оставление дислокации

2465 +5 за участие в освобождении заложников

2466 -1 за провоцирование конфликта в команде

2467 +5 за выслугу лет

2468 -2 за нарушение дисциплины

2470 +5 за участие в операции особой важности

2471 +5 за выслугу лет

2472 -2 за использование служебного положения в личных целях

2473 +4 за руководство операцией

2473 -3 за превышение полномочий при руководстве операцией

2475 +8 за ликвидацию особо опасного преступника

2476 -5 за неподчинение командиру

2477 +5 за выслугу лет

2478 +5 за проведение индивидуальной операции

2479 +7 за проведение индивидуальной операции повышенной сложности

2480 +10 за проведение индивидуальной операции особой важности

Арлекин получает задание

Закончив дела в Рабате, Арлекин ехал в своём мобиле по проспекту Новицкого. Стояла ночь, впереди над чернотой соснового парка светился редкими огнями тёмный цилиндр – штаб-квартира земного филиала «Рианнон Биосервис». Уже отсюда, за несколько кварталов, были видны признаки военного режима: небо тревожно чертили лучи прожекторов ПВО, а вокруг здания равномерно, как спутники по орбитам, кружили огоньки патрульных беспилотников.

Война между Эриksom и Фламарионом началась три часа назад, и ситуация была страшно запутана. Земной филиал подчинился Рианнон, союзнику Эрикса, но почти все его сотрудники были колониями Новой Москвы, союзника Фламариона. Правда, сама Новая Москва пока не вступила в войну, да ещё и в самой Рианнон боролись две фракции. Одна выступала за Эрикс, другая за Дуэт. И директор Гриффит до сих пор ни словом не обмолвился, какой фракции отдаёт предпочтение.

Оперативник не хотел даже думать о том, какие страсти сейчас кипят в руководстве. Личный план действий у него был давно готов. Если Гриффит (что вероятнее всего) порвёт с Рианнон и подчинится Новой Москве – то работать как раньше, а если восстанет против Новой Москвы (что наверняка кончится разгромом) – то уходить за периметр, к наземникам. Там Арлекин заранее подготовил себе запасные площадки – и в России, и на Зелёном Мосту, и даже в Иделистане.

Там, в диком мире за пределами Колонии, среди наёмников, работяг, феодалов и бандитов, Арлекин чувствовал себя как рыба в воде – куда лучше, чем в стерильных офисах штаб-квартиры...

Въездные ворота охранял добрый десяток охранников. На каждом блестели в лучах фар противозащитные доспехи из катафотов, на плечах сидело по паре мыслиуправляемых беспилотников класса «кречет». Пришлось остановиться для проверки личности. Даже сигилла экстрагарда не избавляла от неё. Военный режим только что ввели, охрана старалась выложиться по полной, и пощадить не было никому. Дальше, на въезде в гараж, пришлось пройти ещё одну проверку, на входе в здание – третью, самую тщательную, с проходом через магниторезонансный сканер, куда ещё надо было отстоять очередь...

Но вот проверки позади, и лифт везёт Арлекина на двадцатый этаж, к кабинету Гриффита.

Прозрачный лифт быстро скользил по прозрачной шахте. Слева и справа сновали соседние лифты, перед глазами проносились одинаковые этаж за этажом. Лифт остановился на двадцатом. Фойе перед директорским кабинетом было тоже полно охранников. Перед входом в кабинет сигиллу Арлекина проверили ещё раз.

– Приветствую, капитан, – Ллеу Гриффит устало махнул ему из кресла. – Садитесь. Вы только что снаружи? Как наземники реагируют на войну?

Оперативник слегка пожал плечами.

– Ещё никак. В Слободе и Рабате о ней знают человек десять с доступом в Солнет. Местная администрация и богачи. Те, с кем я говорил, встревожены.

– Чем конкретно? Боятся каких-то бунтов? Активизации исламистов?

– Нет, об этом не вспоминали. Больше всего боятся, что война перекинется сюда, на Землю. Кстати... – Арлекин счёл возможным полюбопытствовать. – Мне было бы полезно знать – такая вероятность есть?

– Есть, и немалая, – Гриффит скривил рот. – Власти Новой Москвы враждебны. Следят за каждым нашим шагом, придираются к малейшему нарушению. Почти уверен, что завтра НМ объявит о вступлении в войну, и тогда... – Гриффит развёл руками.

– Значит, я не смогу послать экскаватор и команду без лишнего шума, – сказал Арлекин скорее утвердительно, чем вопросительно.

Гриффит вздохнул.

– А другой способ извлечь цветок у вас есть?

– Всегда есть другой способ, – Арлекин помедлил. – Но грязный. Послать наземника, чтобы выкопал цветок лопатой. Это уж точно не привлечёт внимания.

– И что потом делать с этим наземником? – Гриффит выразительно пошевелил безволосыми бровями. – Или мне лучше не знать?

– Ну почему. Цветок наверняка его заразит. У Шефера и Брендана появится новый материал для опытов – разве это плохо? Плохо другое: мы рискуем повредить цветок.

Гриффит неохотно кивнул головой.

– Действуйте, – он надолго замолчал, и Арлекин уже приподнялся было с кресла. – Подождите. Это не всё. Я связался с Венерой... Овер-коммандер... Да вот, почитайте сами. Хотя я вообще-то не имею права это показывать.

Перед глазами Арлекина побежали строки:

Отправитель: Максвелл Янг

Адресат: Ллеу Гриффит

Приоритет: высший

Секретность: стереть после прочтения

Вы не ошиблись в оценке вашего открытия. Так называемая «мелантема» представляет для нас исключительный интерес.

«Чёрный цветок», пациент, лабораторные животные и все заражённые объекты, какие вам удастся выявить, должны быть переданы исследовательским учреждениям Космофлота. Вы также должны передать все материалы ваших исследований, не сохраняя копий у себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.